HF3625
.F5
1922

Русские торгово-промышленые компании в 1-ой половине XVIII столетия.

N. N. Firsov

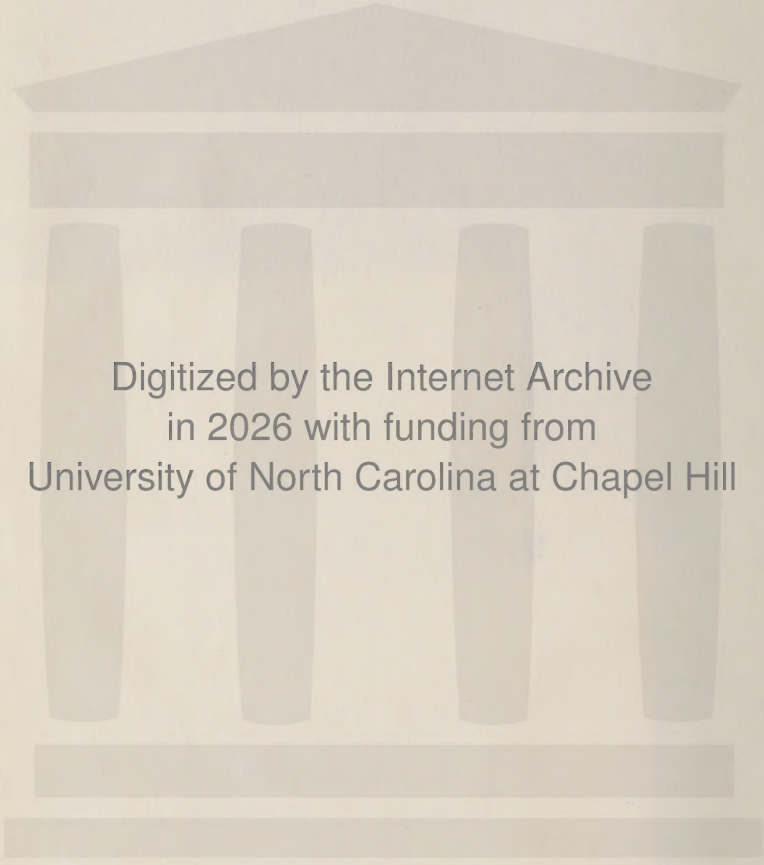
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HF3625
.F5
1922

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
AUG 31 1979	APR 28 '78		
OCT 19 1979	OCT 10 '79		


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/russkietorgovopr00firs

Проф. Н. Н. Фирсов.

РУССКИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПАНИИ

в 1-ой половине XVIII столетия.

Второе издание

(Очерки из истории экономической политики и соответствующих классовых отношений).

Казань
1922

Проф. Н. Н. Фирсов.

HF3615
MC
.F5
1922

РУССКИЕ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПАНИИ

в 1-ой половине XVIII столетия.

Второе издание.

(Очерки из истории экономической политики и соответствующих классовых отношений).

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА
УЛИТИНА
Алексея Викторовича

Казань
1922.

Г. В. Ц. Казань. 5000 экземпл.

[illegible]

5-я Государственная типография. 1922 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует:*
В предис.		крамельных	крамольных
29	7 сверху	проктов	проектов
40	5 снизу	комиссии	комиссия
47	16 снизу	сполись	спелись
48	16 сверху	вонце	конце
103	18 снизу (прим.)	оторое	которое
104	1 снизу	эксплуатацией	эксплоатацией
121	10 и 11 снизу	английскими купцами	английским купцом
147	15 сверху	полное коммандитное	полное, коммандитное
147	9 и 10 снизу	явления, по существу	явления по существу

ПРЕДИСЛОВИЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Эта книга была издана в 1896 году, в глухую пору царско-бюрократического гнета, тяготевшего тогда над беспристрастным научным словом.

Конституционные планы наиболее отзывчивых кругов русского общества Николай II только что назвал „безсмысленными мечтаниями“,—и цензура, особенно провинциальная, с необыкновенною ретивостью устремилась к истреблению крамельных плевел во всех произведениях печати. Эта книга, как раз, и была захлестнута цензурной волной, и если не утонула совсем, то всетаки, будучи выброшена на книжный рынок, явилась на нем значительно полинявшей. В настоящее время она, разумеется, выходит без цензурных урезок, с некоторыми исправлениями и дополнениями. В приложении напечатаны новые документы об откупе Гома, использованные автором в другом сочинении, а также тезисы к настоящей книге, защищенной когда-то (1897 г.) на диспуте в Московском университете на ученую степень.

Целью этой книги было показать, как у нас, в России, в XVIII веке слагались классовые отношения под влиянием экономической политики, руководившейся своекорыстными интересами правящей бюрократии и крупной буржуазии, но такой политики, которая неизменно выступала под лозунгом государственной и народной пользы. Широким слоям народа, приобщенным теперь к свободной науке,—надо документально знать об этих чертах старого русского государства, почему настоящее издание предлагаемого вниманию читателя сочинения не является излишним.

Автор.

10 марта,
1922 г.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ.

I-я Глава (введение).

Общие условия крупного торгового оборота в Московском Государстве и общие замечания об административной реформе торгово-промышленного класса.

Государственный капитализм в московский период. Иностранные и русские капиталисты. Фискальный характер реформы управления торгово-промышленным классом и тесная связь правительства с его факторами в казенной торговле крупными капиталистами („гостями").

Та часть государственного хозяйства, которая носит название торговой политики, обладала в России Московского периода некоторыми своеобразными чертами.

При сравнительной простоте жизненных отношений в старину великий князь мог вполне удобно вести торговлю, так сказать, на свое имя; в силу этого, он был лично заинтересован во всем том, что творилось на русском рынке; так, напр., великий князь зорко следил за всем, что иностранные купцы привозили на Русь; заграничные товары строго запрещалось показывать кому бы то ни было из подданных великаго князя, пока он сам не осмотрит их и не закупит для себя, что ему потребуется [1]). Неоспоримо также и то, что ценные иностранные товары, взятые великим князем для себя (шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг), перепродавались затем туземным купцам „по цене, назначенной им самим".

Вместе с возвышением политической власти великого князя увеличивались и размеры этих операций. При царе

[1]) Герберштейн, русс. пер., стр. 89.

Иване Васильевиче некоторые, наиболее ценные отрасли русского сбыта, на время об'являлись царской или, что тоже, государственной монополией. В сферу казенной торговли поступали меха, воск, даже хлеб, при чем иногда повышалась и цена на эти предметы.

После покорения восточных царств в московскую казну стало поступать много ясака с инородцев, в виде мехов; этот ясак тоже делался предметом „государевой" торговли, равно как и обильные остатки припасов, поставляемых для двора дворцовыми крестьянами. По свидетельству Флетчера, человека, весьма компетентного в русском обороте, царь получал „таким способом" „от оброчного хлеба и других припасов ок. 200000 рублей в год, а от оброчного леса, сена и пр. 30000 р. в год или около того" [1]). Царские товары, особенно меха, посылались и за границу [2]).

Таким образом торговый оборот в Московском государстве до второй половины XVI ст. сосредоточивался прежде всего в руках правительства, представляя одну из самых важных статей московского государственного хозяйства. Московский царь был монополистом во внешней торговле.

На долю всей массы торговых людей оставалась лишь мелкая торговля внутри государства; немногие именитые купцы, „гости", были торговыми уполномоченными царя, так как чрез них он главным образом и вел свои торговые дела. Царская торговля была для гостей единственной школой, в которой они могли приобрести навык к более широким торговым предприятиям сравнительно с их собственными. Но, конечно, этот навык мог бы выработаться лишь постепенно: требовалось время. Между тем текущие обстоятельства были нетерпеливы: нельзя было дожидаться, когда русские торговцы, поставленные в самые дурные условия—и географические, и социально-экономические,—приобретут предприимчивость и необходимые для большого дела капиталы; поэтому ничего нет удивительного в том, что царь Иван

[1]) Флетчер, стр. 42 и 43.

[2]) Истор. Госуд. Российск., IV, примеч. 260.

Васильевич отнесся внимательно к предложению англичан завести это самое дело в его государстве. Если посмотреть на этот вопрос с общей точки зрения, то внимание царя Ивана к англичанам обусловливалось тем естественным обстоятельством, что земледельческой стране, имевшей относительный избыток лишь сырых продуктов, потребовались произведения мануфактуры. Спрос на эти произведения давно уже ощущался в государстве Московском, главным образом при дворе и в среде правящего класса, но предложений было мало, ибо, как известно, иностранцы, вследствие политических соображений, опасались знакомить невежественных московитов с предметами своей культуры, особенно—с теми, которые были необходимы для усовершенствованья военного дела. Отсюда понятно, что русское правительство было готово на большие жертвы, лишь бы получить постоянный заграничный ввоз и приобрести возможность столь же постоянного сбыта своего сырья. Англичане, потерпев неудачу в своих поисках пути в Индию северными морями, решили утвердиться в России, торговля с которой сулила английским торговцам неисчислимые выгоды.

Образованной англичанами для торга с Московским государством компании были даны небывалые привилегии двумя грамотами царя Ивана Васильевича Грознаго (1555 и 1566 гг.). О том, что англичане отлично поняли величину своих выгод, хорошо свидетельствует инструкция, данная компанией ее агентам, посланным на Русь: инструкция заботливо охраняет русские „религиозные и гражданские законы", „дабы компания не потерпела какого-нибудь убытка" [1]). Полученные англичанами привилегии в главных своих чертах сводились к следующим пунктам. — Компания получила „право свободной и безпошлинной торговли" „оптом и в розницу", право собственного суда и расправы, так что „ни таможенники, ни воеводы, ни наместники не смели вмешиваться в их торговые дела и задерживать их" [2]). С другой стороны, английское правительство, хорошо

[1]) С. М. Соловьев. Истор. России, т. 7, стр. 64 и 65.

[2]) Костомаров. Очерк торговли Московскаго Государства, статья 1-я, стр. 13 (цит. по Современнику).

понимая, что для утверждения в Московском государстве его коммерческого господства необходимо единство торговых операций, решило не допускать к торговле с русскими тех английских купцов, которые не принадлежали къ „русской“ компании.

Но русские товары, заинтересовавшие англичан—воск, сало, масло, пенька, лен, кожа и, особенно, меха—привлекали на Русь купцов и других национальностей. За англичанами в Московское государство явились голландцы, немцы, шведы и другие западно-европейцы. Царь, хотя и не давал им привилегий, но и не стеснял их торговли. Видя, какую выгоду извлекают англичане, благодаря исключительности своих привилегий, голландцы на первых же порах вступили с ними в борьбу на почве придворных и приказных отношений, стремясь ниспровергнуть коммерческое господство компании. Средства для достижения цели были выбраны нехитрые, но за то вполне совпадавшие с привычками и нравами среды—подкупы дьяков и других влиятельных лиц; кроме достижения победы путем подарков, прибегли еще к такому маневру: голландцы заняли у некоторых важных русских сановников значительную сумму денег по 25%, а затем и выплачивали ежегодно каждому из них по 5000 марок [1]). Впрочем, царь и сам не мог не видеть, что за огромные выгоды, дарованные им английской компании, он почти ничего не получает от английского правительства, кроме обещаний; то же, что привозили английские корабли из предметов, в которых нуждалось московское правительство, разумеется, далеко не окупало всех невыгод от английских привилегий для государственной казны, не говоря уже о русском торговом классе: это не могло не обнаружиться очень скоро и действительно обнаружилось воочию. По крайней мере, тот же царь Иван IV, названный одним из его слуг „английским царем“, начал уже ограничивать привилегии английской компании. Так, в 70 х годах безпошлинная и свободная торговля компании была приурочена к Москве и к собственно старым русским городам, а для торговли

[1]) Исторія Россіи с древн. врем., т. 7-й, стр. 66.

в Казани и Астрахани англичанам было поставлено в обязанность испрашивать особое разрешение у царя и платить за товары половину положенной пошлины [1]). Грозный царь умер в тот момент, когда английский посол стремился получить для компании не только все прежние привилегии, но и полную монополию на севере. На эти поползновения отвечать пришлось правительству Ѳедора Ивановича. Прежде всего оно чрез своего посла поставило условие, что прежние привилегии будут возвращены лишь в том случае, если королева со своей стороны даст русским купцам право на свободную торговлю в Англии. Хотя Елизавета и отвечала, что такое право будет несовместимо с выгодами Англии, тем не менее русское правительство в лице Бориса Годунова разрешило компании торговать повсюду в Московском Государстве, но только оптом, а не в розницу. Что же касается отнятия прав торговли у других иноземцев и у англичан, не принадлежащих к „русской“ компании, то этого распоряжения не удалось компанейцам добиться у московского правительства, не смотря на все их старания. В письме царя Ѳеодора на имя Елизаветы было определенно заявлено, что из угоды нескольким англичанам царь не может изгнать из своей страны купцов других государств; то же самое говорили бояре, участвовавшие в переговорах с Флетчером, посланным для улаживанья русско-английских торговых отношений. „Того нигде не ведется“, пояснили Флетчеру бояре отрицательный ответ московскаго правительства на домогательства компании, „ни в которых государствах, во всех поморских землях, ни у папы, ни у цесаря крестьянскаго, ни у испанского, ни у французскаго, ни у датскаго короля, ни в иных ни в которых поморских государствах, чтобы из чужие земли в котором государстве указывали торговлю, которым людем в которое государство ходити и которым не ходити и заказ чинити; а Государю нашему о том для чего заказ чинити и дорога Божия, окиян море, к своему государству

[1]) Истор. Госуд. Россійскаго, IX, прим. 388.

затворити: то дело не статочное и говорити о том не пригоже; а указ Государев ныне и впреды: в государя нашего государство к пристанищам морским, на Колмогоры, и на Ругодив, во Псков и Великий Новгород, изо всех государств и из английские земли всяким торговым людем, не одним тем, которые издавна в Государя нашего Государства ходят, всяким торговым людем ... из англинские и всяких иных земель ... ходить с государя нашего людьми торговати на Колмогоры, и в Новгород, и во Псков повольно по прежнему"... Только „английским гостем тем, которые прож сего хаживали и дорогу нашли от государя нашего", были оказаны „великим государем" особые милости, которыми они, т. е. члены русской компании,—до сих пор и пользуются: „вымочное жалованье и дворы им по многим городам подаваны и живут в государя нашего государствах своими дворы мимо иных всяких иноземцев" [1]). В этих поучительных словах московских бояр была выражена программа правительства, которой оно постановило следовать в своей международной торговой политике. Мы видим, что правительством был сделан серьезный шаг к тому, чтобы в русских торговых делах сузить значение могущественной английской компании. Пока еще не уничтожая привилегий этой компании, московское правительство чрез своих бояр сделало довольно прозрачный намек, что компании следует быть довольной этими привилегиями, которые и без того делают ее положение исключительным в государстве—„мимо иных всех иноземцев". Борис Годунов, сделавшись царем, как умный правитель, не только не исполнил желания компании—„затворить море окиян" для всех, кроме нее самой,—но даже сам старался другим европейцам доставить возможность свободной торговли с Московским государством; однако следует помнить, что права, какими владели все эти другие иностранцы, были ничтожны сравнительно с привилегиями английской компании, которую положительно можно

[1]) Статейный список посольства Флетчера, напеч. во Временнике 1850 г., кн. 8, стр. 30—31.

назвать законодательницей цен на русском рынке, как при царе Михаиле, так и в первые годы правления его сына. Из челобитной русских торговцев, поданной в 1646 г. на имя царя Алексея Михайловича, видно, что конкуренция с англичанами была совершенно невозможна для русских торговцев: им нельзя было „ни купить, ни продать". Англичане распоряжались в русских торговых делах, как хотели: они, по словам челобитной, „засели" „на Москве без с'езду", и русским купцам приходилось именно у них покупать „худые" товары по высокой цене.

Господство компании, очевидно, повлекло за собой тот общий результат, что другие иностранные фирмы начали вести свои торговые операции на московской почве большею частью не самостоятельно, а при посредстве компании: этим только и можно об'яснить сетованья русских торговых людей на невозможность „ни купить, ни продать". В той же челобитной мы читаем и посильное об'яснение этой невозможности: лишь только захочет русский купец войти в непосредственные сношения с другими европейскими фирмами, помимо компании, и привезет свой товар в Архангельск, сейчас же иностранцы устроят стачку, понизят цену на русские товары и повысят на иностранные: приходится продавать за безценок или везти товар назад из далекого Архангельска.

Как известно, господство компании было основано на праве безпошлинного торга; отсюда ясно, что компания могла предложить другим иностранным фирмам достаточно выгодные условия купли продажи, чтобы они, во первых, ей не мешали, а, во вторых, поняли, что, действуя солидарно с компанией, они лучше воспользуются выгодами туземного рынка, чем, конкурируя с ней. Строго говоря, конкуренция была и невозможна, при существовании исключительных привилегий компании и при условии пошлинных сборов со всех остальных торговцев: как русские, так и иноземцы, конечно, не могли выбрасывать из своих торговых расходов пошлинный сбор, отсутствующий в расходах компании, а потому и не могли быть довольными ценой друг

друга. Русские, казалось иностранцам, просили за свои товары слишком дорого, а давали за иностранные слишком дешево; русские думали то же самое об иностранной цене. Тех и других стесняли торговые пошлины. Цена же, устанавливаемая безпошлинно торговавшими английскими компанейщиками (для устранения всякой помехи в их действиях „на Москве“ и „у Архангельска“), могла быть достаточно выгодной для других европейских фирм, разумеется, на счет чрезвычайного удешевления русских товаров, каковое и было устроено компанией; таким образом, при помощи последней, вся торгующая съ Московским государством Европа успешно угнетала торгующую Русь. Словом, безпошлинная свободная торговля англичан в России неминуемо должна была повлечь и действительно повлекла за собой те результаты, которые отмечались русскими купцами в их челобитной: члены компании „обогатели“, а русские оптовые торговцы „обедняли“ [1]). Понятно, что самый большой убыток получали самые крупные русские купцы, так называемые гости; поэтому никто так настойчиво не стремился к уничтожению английских привилегий, как именно эта группа торговыхъ людей: при этом никто в торговых делах не мог бы повлиять на власть более тех же гостей. Дело в том, что, не смотря на стеснение английскими привилегиями их собственной торговой деятельности, гости успели приобрести довольно заметное служебное значение. Известно, что с давних пор гости были агентами сначала великого князя, а потом царя в его личных торговых операциях. То же самое явление в этой сфере наблюдается и в XVII стол. Сибирская мягкая рухлядь, в изобилии поступавшая в казну от инородцев, по прежнему продавалась от имени царя русским купцам и заграницу; от этой торговли царская казна, по словам Олеария, „обогащалась“ „наилучшим образом“ [2]). Русский наблюдатель подтверждает сообщение иностранца более определенными чертами. Котошихин свидетельствует, что сибирские меха доставляли казне „приходу“ больше, чем

[1]) Доп. к акт. истор., т. 5, стр. 189 и 187.

[2]) Олеарий, стр. 261 и 262.

600000 рублей. Котошихин же сообщает, что для приема этого товара, для оценки, для „раздачи и продажи“ ежегодно выбирался голова из гостей. Эта группа была немногочисленна, представляя самый высший слой русского торгового класса; на нее возлагались главные, наиболее ответственные торговые службы, благодаря чему личность гостя издавна пользовалась гораздо большей охраной закона, чем личности остальных торговых людей: за „безчество“ гостя судебник определял с виновного штраф в 50 руб., в то время, как за оскорбление всякого другого торгового человека полагалось платить только 5 руб. Весьма важное общественное и торговое преимущество гостей заключалось в том, что они имели право, 1) покупать вотчины и 2) возить свои товары за границу, право, которым не обладали даже члены гостинной сотни, близкие отчасти по своему экономическому состоянию к гостям [1]). Так постепенно около московского государя, как бы в добавление к военно-служилому боярству, создалась торгово—служилая аристократия или даже олигархия, имевшая прислужников из других разрядов торговых людей. На близость гостей к высшим правительственным сферам указывает уже то обстоятельство, что гости не выбирались в должности своими товарищами, как члены гостинной сотни, а назначались самим царем; с течением времени это приближение делалось все теснее и теснее, именно по мере того, как расширялся круг казенного (государева) торгового оборота. В XVII ст. для последнего при сибирском приказе, ведавшем, между прочим, царскую „меховую казну“, пришлось устроить особую торговую контору, получившую название „приказа купецких дел“. В главные управляющие этого учреждения назначался ежегодно гость, а к нему в помощники выборные из других разрядов торговых людей, помещаемых даже в сторожа [2]). „Приказ купецких дел“, учрежденный, вследствие увеличения сибирской мехо-

[1]) О привилегиях и правах гостей см. у Костомарова в «Очерке торговли Московск. государства», статья 3-я, стр. 104—106.

[2]) Н. А. Попов: «Вопрос о приказе купецких дел» в Ж. М. Н. Пр. 1889 г., CCLXI.

вой казны [1]), сделался вообще органом правительственного торгового оборота, который далеко не исчерпывался торговлей сибирскими мехами; к этому следует добавить, что существование названного учреждения совпадает с периодом особенного оживления казенного торга с Персией и началом таких же сношений с Китаем. Вот те в общих чертах *основания*, в силу которых современник и назвал гостей „царскими коммерции советниками и факторами" [2]). Эти-то „коммерции советники" и начали указывать царю на несовместимость привилегий английской компании с выгодами русской торговли вообще и с выгодами казны в частности. Они указывали на „заговор", т. е. стачки английских купцов, говоря, что „государевы торговые люди, видя их заговор, товары свои возят назад, а иные оставливают у города, а скудные люди товары свои мечют за безценок, и от того государевы торговые люди промыслов своих отбыли, к Архангельскому городу ездить перестали и от того государева многая пошлина пропала".

Гости метко мотивировали свои собственные убытки казенными. В сущности они высказали лишь мнение самого правительства, уже давно взявшего привилегии английской компании на замечание. Раньше уничтожить их мешали разные соображения и обстоятельства более политического, чем экономического характера. Теперь, правительство царя Алексея достаточно окрепло и потому не нуждалось в слишком убыточной политической дружбе; вследствие чего и решило покончить с привилегиями компании; нужно только было найти благовидный предлог; подумали и, кроме несоблюдения компанией кое-каких торговых условий, поставили ей на вид „заговор", но только политический: московское правительство обвинило англичан в том, что они „всею землею учинили большое злое дело—государя своего Карлуса короля убили до смерти, и за такое злое дело в Московском государстве им быть не довелось". Членам компании было велено „из

[1]) Этот приказ (или палата) назывался также государевою соболиною палатою

[2]) Кильбургер: «Краткое известие о русской торговле», стр. 156; изд. 1820 г.

Московского государства" „ехать за море" „со всеми своими животы", торг им был дозволен лишь у Архангельска и с платежем установленных пошлин [1]). Так кончилось коммерческое господство Англичан в России; преобладающее значение в торговле перешло к правительству и гостям. У Архангельского порта торговля теперь особенно оживилась: из торговавших здесь европейцев французы даже основали особую северную компанию [2]), но она не имела каких-либо значительных, невыгодных для гостей, привилегий.

Вскоре у гостей явился новый соперник, который довольно сильно начал подрывать их торговые интересы, хотя и не обладал такими исключительными привилегиями, как раньше английская компания. Этот новый соперник явился на юге, в Астрахани, в лице общества армянских купцов. Армяне показались царю Алексею лучшими посредниками в торговле с Персией казенными товарами. Чтобы было вполне ясно, как это случилось, сделаем опять справку из истории правительственной монополии.

Известно, что к персидской торговле московское правительство относилось очень внимательно: этим прежде всего и об'ясняется то обстоятельство, почему голштинской компании, основанной при царе Михаиле, в 1634 г.,—специально для торговли с Персией, удалось получить лишь самые умеренные права от русского государя. Этой компании был дан 10-ти летний срок для торговых операций с платой ежегодно в казну 600 ефимков; кроме того, компания не была освобождена и от пошлин; даже самый круг товаров, которые компания могла вывозить из Руси, был сильно ограничен: было запрещено вывозить товары, служившие главными предметами торговли русских купцов — все шелковые изделия, бумажные и металлические [3]). Ясно, что наибольшую выгоду от торговли с Персией получало московское правительство, а не голштинская компания. Шелк сырец был главным

---

[1]) Доп к акт. истор. 5 т., стр. 187.

[2]) Семенов: Изучение историч. сведений о российской внешней торговле и промыш., ч. 3, стр. 17.

[3]) Акты ист. 3 т., 330 и у Костамарова в вышецитир. соч., стр. 36.

предметом вывоза из Персии; этот товар и был сделан правительственной монополией. Русские купцы имели право продавать его только в царскую казну, которая и отпускала его в западную Европу. „Государева купецкая казна“ [1]) пополнялась от этой торговли хорошо, но все-таки, повидимому, не так, как было желательно московскому правительству. Было найдено, что персидский шах не задобрен русским царем на столько, чтобы весь шелк отпускался из Персии в Московское государство. „Великий Государь“, получая порядочные торговые удобства от шаха, ничего еще не сделал для персидских купцов, торговавших в России; московская торговая политика требовала какой-либо любезности и для персидских торговых предприятий на Руси [2]). Такою любезностью и явилось со стороны московскаго правительства позволение армянам учредить для торговли с ним компанию, которая и была основана в 1667 г.

Гостям в этом пункте пришлось отступить на второй план: прежде они были посредниками между царской казной и европейцами в торговле персидскими товарами, — теперь это выгодное посредничество перешло к армянской компании [3]). Компания получила право возить свой товар в Москву и другие города, даже за границу, но в чужие края не прежде, как сначала удовлетворив царскую казну; компания не была освобождена от пошлин, но перечисленные и другие льготы, предоставленные ей русским правительством, вызвали новые жалобы гостей; впрочем, уже одно учреждение этой компании и ее главное назначение неминуемо должны были вызывать эти жалобы. Гости просто на просто заявили правительству, что армяне отнимают у них хлеб. Царь и на этот раз до известной степени внял представлениям гостей: он сильно стеснил отпуск товаров компании за границу, а также отменил вознаграждение за потопленные суда и пограбленные разбойниками компанейские товары. Главная привилегия — посредничество — пока была оставлена за компанией.

[1]) Акты ист., т. 4-й, стр. 239 и др.

[2]) Костомаров, цит. ст., стр. 40.

[3]) Собрание госуд. грам. и догов., IV-й т., стр. 277—279.

Во всяком случаѣ следует отметить тот общий факт, что ко 2-ой половине XVII ст. положение гостей весьма сильно упрочилось. Это видно не только из довольно успешной борьбы гостей с иностранными привилегиями, но и из истории торгового законодательства того времени. Ново-торговый устав, составленный в интересах гостей, Костомаров справедливо считает их делом. Ново-торговый устав монополизировал внутреннюю торговлю в пользу гостей: иностранцы юридическим путем изгонялись с русского внутреннего рынка. Это однако не удержало некоего Петра Марселиса от попытки обойти установленный для иностранцев новый принцип русского торгового права. В 1669 г. Петр Марселис подал в посольский приказ проект обогащения Московского государства золотою монетою; основная мысль этого проекта следующая: пусть иноземцы платят пошлины ефимками, а не золотом, золотую же монету пусть они привозят в московское государство и продают ее там или „в уплату отдают кому угодно". Если это будет позволено, то иностранцы много привезут золотых в Московское государство. Петр Марселис „обнадеживал" московское правительство, что в государстве „соберется огромное количество ефимков и золотых", если иностранцам „*позволить покупать товары в Москве и в других городах*". Но московское правительство не пошло на неловко заброшенную золотую удочку, а „гостям и другим торговым людям", призванным в торговый приказ для подачи мнения, не трудно было „смекнуть", к чему стремится Марселис, и запротестовать всею силою своих расчетов против предложения бойкого прожектора. Русские крупные торговцы и в этом вопросе соединили свои выгоды с выгодами казны. Они указали на то, что казна не соберет золота врознищу с русских людей, если последние „и возьмут у иноземцев за свои товары небольшое число золотых и ефимков". Русские же торговцы от допущения иностранцев снова на внутренний рынок потерпят очевидный убыток, а разбогатеют от этого одни иностранные купцы: „иноземцы станут продавать иноземцам же золотые по 40 алтын, а ефимки по 20 алтын и на те деньги станут

покупать русские товары дешевою ценою, в половину против архангельской цены: продаст иноземец 4 золотых по 40 алтын, и того возьмет 4 рубля 26 алтын 4 деньги; на эти деньги купит поташу, берковец даст 5 рублей, а в Архангельске русские люди продают по 9 и по 10 рублей. Так прочие всякие товары переведут у русских людей полуценою пред Архангельском" [1]).

Русские торговцы, чувствуя себя безсильными пред иностранцами [2]), и не могли вести иной политики по отношению к домогательствам последних — попасть на русский рынок даже на равных с туземными купцами правах. Победа крупных русских торговцев над этими домогательствами весьма отчетливо намекает на значение этого купеческого слоя в области русской торговой политики. Это значение сильно возросло и укрепилось в течение столетия (XVII) именно на почве торговой службы гостей и их поверенных московскому правительству. Служа казне, этот торговый слой естественно не забывал и себя. Кильбургер свидетельствует, что гости в качестве старших царских торговых уполномоченных обладали правом покупать первы-

---

[1]) См. Соловьев, т. 13, стр. 129—128.

[2]) Торговое безсилие русских купцов в широком смысле, в смысле неспособности их конкурировать с неизмеримо более богатыми и тесно сплоченными иностранными фирмами, не мешало им быть очень изворотливыми в торговых сделках и даже прослыть у иностранцев большими обманщиками. Так Кильбургер даже полагал, что русские торговцы «от природы склонны к обманам» (цит. изд., стр. 14). Известного Олеария удивляло, что русские «обман не считают делом совести, но, напротив, скорее называют его разумным и достойным похвалы делом» (Олеарий, стр. 168). Обман отождествлялся с сообразительностью, и умело обмануть—значило прослыть расчетливым и умным, не говоря уже о получении от этого известной материальной выгоды. Видя в обмане эту честолюбивую и экономическую цель, русские купцы сделались в нем так искусны, что по словам Кильбургера (XVII ст.), «опытные иностранные купцы часто попадались к ним в дураки». (Кильбургер, стр, 14, также у Олеария, стр 163). Но, вообще, все эти мнения справедливы с тою оговоркой, что иностранцы слишком увлекаются своим пренебрежением к русским, когда говорят об обмане, как об исключительной принадлежности русских торговцев Это свойство торговли было одинаково присуще и иностранным фирмам и прожектерам (как видели выше): ибо торговля в те времена—да когда бы то ни было плохо отделялась и отделяется от обмана.

ми“ не только для государя, но и для себя [1]). Тот же современник сообщает, что „коммерции советники“ „неограниченно управляют торговлею во всем государстве“ [2]).

Таким образом в Московском государстве к концу XVII ст. создалась, благодаря своему оффициальному положению [3]), небольшая сравнительно группа значительных по своему капиталистов, начавших сильно давить остальных торгово-промышленных людей средней и малой состоятельности, во всяком случае нисколько не меньше, чем в свое время английская компания обездоливала их самих. Теперь все вообще наиболее крупные русские торговцы тесно соединяются своими торговыми интересами с гостями, прилаживаясь к правительственному торговому обороту „под видом царских факторов“. Таковые тоже получают „привилегию“ и начинают „стеснять торговлю“ теми же способами, как и „коммерции советники“ [4]). Вследствие этого про гостей шла дурная слава. „Простые купцы“, конечно, особенно ретиво распространяли про гостей эту славу; ненависть в населении против гостей была на столько жгуча, что современник находил возможность сказать: „в случае какого возмущения опасаться надобно, чтобы народ не сломал шеи всем гостям“ [5]). Итак, повторяю, гости и их агенты нажили на царской службе капиталы и приобрели известное значение в московской торговой политике. Таковы, в общих чертах, признаки торгового капитализма в Московском государстве. Этот капитализм уже сильно давил низший и средний классы торгово-промышленых людей и вообще все население страны.

Положение средняго торгового человека, тем более „худого на царской службе было, разумеется, противоположным положению высшего купеческого слоя. Такого человека обыкновенно назначали на второстепенные места прислужников при гостях. Иногда средний торговый человек посылался для

---

[1]) Кильб., стр. 157.

[2]) Ibid., стр. 156.

[3]) Олеарий сообщает, что «гости» присутствовали даже при приеме иностранных послов», стр. 197.

[4]) Кильбург., стр. 197.

[5]) Кильб., стр. 1 7.

сбора экстренного налога на торговый класс, в роде „пятинных денег“. Нажиться таковому на царской службе, конечно, было гораздо труднее, чем крупным торговцам, потому-что все дело находилось в руках „голов“ государева оборота. Купцов-богачей было немного и в самой Москве, среди гостинной и суконной сотен; они не изобиловали и в провинции, где купцы и промышленники носили общее название посадских. И вот бывало так, что „мимо гостинной и суконной сотен“ к казенному торговому предприятию прикомандировывался посадский; посылался он, положим, в Астрахань „с государевою товарною казною“, „к гостю в товарищи“; тут случалось, что служба посадского и вообще человека нового в царском купеческом караване проходила совершенно безвозмездно; между тем за такую службу полагалось жалованье по 1000 и по 2000 руб., но именно тем торгово-служилым людям, которые часто назначались к торговым делам московского правительства: „которые бывают на государевых службах в купецкой палате и в от'езжих торгах“ [1]).

Вследствие того, что средний торговый человек, скорее проживался, чем наживался на государевой службе, он и не мог смотреть на эту службу иначе, как на обузу. Если к вынужденному участию среднего купца в правительственной торговле присоединить также „наряды“ его к разного рода государственным сборам—таможенным, кабацким и т. под.,—то это будут новые причины обеднения среднего торгового человека, обратившегося к концу XVII стол. в постоянного слезного жалобщика пред правительством на свое оскудение и на невозможность, в силу этого, нести государственное тягло. Особенно пострадало русское купечество в Смутное время, после которого из 350 купеческих семей, средних и худых (из гостинной сотни), осталось 158 семей; гостинная сотня просила „прибавочных“ людей, говоря, что „многие люди обедняли от государевых служб и

---

[1]) Вопрос о приказе куп. д. И. А. Попова, Ж. М. Н. Пр. CCLXI, стр. 248.

служить стало некому“ [1]). Оправиться же худым и даже средним людям было невозможно, ибо этому мешало то социальное давление, которое они испытывали от „прожиточных“ людей, бывших в милости у власти. „Прожиточные“ купцы, приобретя достаточный авторитет в правительственных сферах, начали посылать на бездоходные службы все тех же „средних и худых людей“, разгоняя следовательно их не только монополиями, но и возложением на меньшую братию всего того, что было неудобно для них самих—крупных капиталистов. Напр., из Пскова писали на имя государя: „жалоба нам бедным сиротам твоим середним и мелким людишкам на псковичей же посадских прожиточных людей... Те прожиточные люди всякия дела городовыя и мирския делают и челобитчиков выбирают и посылают к тебе Великому Государю, в Москву, без городского и мирского ведома середних и мелких людишек и без заручных приговоров; от того нам чинится великое разорение и всякия подати, большия и частыя“ [2]). Если так относились к рядовым купцам „прожиточные“ из посадских, то легко признать справедливость показания Кильбургера, что столичные капиталисты (гости и состоятельные купцы из гостинной и суконной сотен) тяжелым бременем лежали на торгово-промышленном классе: ведь гости и их подручные („царские факторы“) были в одно и то же время и служителями и господами монополии—служителями царской монополии и монополистами *для себя*, в силу службы царской. Итак, мы наметили в общих чертах социальное положение русских торговых людей в зависимости от общих условий торгового оборота в Московском государстве. Как мы видели, это положение характеризуется: 1) привилегированной позицией верхняго слоя, занятой им весьма прочно после уничтожения льгот английской компании, и 2) общественною и торговою угнетенностью нижних слоев. В исходе XVII ст., когда размеры социальной розни в среде

---

[1]) Соловьев, т. 13, стр. 102 и 103.

[2]) Ibid., стр. 120 и 121.

торговых людей, стали вредно отражаться на государственных финансах, на бедность низов этого класса обратило серьезное внимание само московское правительство.

В указе 1699 г. [1]) правительство признало факт разорения торгово-промышленных людей. Вместе с тем оно пояснило, почему это случилось и почему это главным образом неудобно. Оказалось, что это неудобно не только для самих разорившихся, но и для государственной казны, потому-что слишком „умножилась“ недоимка в податях и появились разного рода „недоборы“. Это неудобство для государственных финансов и было главным мотивом реформы управления этим классом: „чтобы казне было пополнение“, мотивом, который невозможно пропустить даже при поверхностном изучении юридических источников.. Этот мотив в об'яснении вообще реформ петровского времени не вчера был выдвинут и нашими историками, благодаря чему весьма обстоятельно уже обследован в ученой литературе, как на почве юридического, так и финансового материала [2]); поэтому мы считаем вполне достаточным ограничиться здесь лишь некоторыми замечаниями по вопросу об административных учреждениях для торгово-промышленного класса.

Причину данного разорения правительство усмотрело не в тех явлениях, которыя были в этом вопросе существенными, а в побочных обстоятельствах, которые могли до некоторой степени обострять социально-финансовый кризис, но которые отнюдь не могли быть, да и не были *основною причиною* разорения. По мнению правительства, вся беда заключалась в том, что управление торгово-промышленным классом было разбросано по „многим приказам“, при чем как в этих центральных учреждениях, так и в областях начальство состояло из лиц, чуждых торгово-промышленному

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1674.

[2]) П. А. Муллов: Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского управления; А. П. Пига а: Городские обыватели при Петре Великом; Дитятин: Устройство и управление городов в России в XVIII ст., П. Н. Милюков: Государственное хозяйство в 1-й четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого.

классу; на долю выборных из купцов, для них же самих, а не для государевой торговой службы, была оставлена только раскладка податей.

Чтобы сделать материальное положение торгово-промышленных людей лучше, „Великий Государь“ решил устроить управление ими на более рациональных началах: было приказано об'единить торгово-промышленных людей в одном учреждении. Идея этого распоряжения не была новой. Еще одному из влиятельных членов правительства царя Алексея, Ордыну-Нащокину, удалось провести эту мысль в законодательство, именно в ново-торговый устав; но она тогда имела значение лишь как pium desiderium, и в таком положении дело оставалось до тех пор, пока этою мыслью не воспользовался Петр Великий. Проектировавшийся Ордыном-Нащокиным, довольно таинственный, „пристойный приказ“ для управления торгово промышленными людьми принял под другими названиями вполне определенные очертания. Самое типическое, что характеризует петровские учреждения этого рода, это—выбор администрации из среды управляемых; эта черта однако была не новостью уже как факт, потому-что „государева купецкая казна“ давно „ведалась“ торговыми людьми в „купецком“ приказе или „купецкой палате“; теперь только этот факт из сферы государева торгового дела был перенесен в более широкую область всех русских купцов; люди, считавшиеся компетентными в непосредственном „умножении“ казны от царской торговли, были признаны компетентными и в увеличении „сборов“ с торгово-промышленного класса.

Итак, первый указ о реформе в управлении торгово-промышленным классом, а также и последующие реформационные мероприятия в этой области исходили из убеждения законодателя в том, что главная причина обеднения купеческой массы заключается в недостатках административной организации и в злоупотреблениях чиновников; законодатель надеялся, что стоит только централизовать управление и отдать его в руки самих торговых людей, как „разорения“ торговой группе „чинено“ не будет и „сборы“

с нея в казну станут поступать гораздо аккуратнее, чем при хищническом воеводско-приказном управлении; кроме того, законодатель при этом имел в виду круговую финансовую ответственность выбранных и их избирателей пред правительством. Практика новых учреждений в скором времени доказала неосновательность этих надежд, и не только потому, что привычки, воспитавшиеся и окрепшие в обществе в течении веков, не могли быть добродетельными и у выборных, но и потому, что наиболее существенная причина обеднения большинства торгово промышленных людей продолжала развиваться параллельно с реформаторскими опытами в административной области. Эта *наиболее важная причина* заключается *в особенном положении высшего разряда „купецких людей“* в Московском государстве, т. е. в том факте, который мы пытались установить, анализируя явления торгового оборота до Петра Великого.

Мы видели, что московское правительство будучи самым крупным деятелем в русском торговом мире, иногда передавало значительную часть своего права на торговлю иностранцам, а во второй половине XVII стол. „своим гостям“, успевшим выслужиться и „обогатеть“, на казенных торговых делах. Правительство видело более или менее ясно, что финансовые выгоды могут быть скорее всего связаны с развитием крупных торговых предприятий, почему и спешило укрепить их привилегиями, так как у русских купцов не было к большому делу достаточно навыка и охоты. Привилегии и явились тою приманкой, которая должна была воспитать вкус к торговому риску.

Но русские капиталисты—гости и их агенты, хотя и были привилегированной торговой группой, все же действовали в своих операциях примитивно, без организации, скорее в разброд, чем дружно, скорее к тому же опираясь на свои оффициальные полномочия, чем на обдуманный торговый план... Торговые компании иностранцев, оперировавшие в Московском государстве, были у всех пред глазами, но никто и не думал им подражать даже тогда, когда

иностранцы уже не имели исключительных привилегий, а московские „гости“, повидимому, владели достаточно крупными капиталами.—Гости и в конце XVII стол. довольствовались лишь тем, к чему прибегали сами их верховные хозяева: передавали излишек своего права на торговлю другим, неоффициальным, капиталистам, разумеется, не в убыток самим себе.

Петр Великий, более своих предшественников озабоченный „пополнением“ казны для трудных политических предприятий его времени и более своих предков убежденный в зависимости „казны“ от состояния торговли и промышленности в стране, решил внести *организацию* в эти отрасли народного труда. Крупный торговый оборот прежде всего привлек его внимание и заботы; его преемники пошли по той же дороге, которая, как мы видели, была проторена еще московской торговой политикой, пользовавшейся только более простыми средствами.

II-я Глава.

Торговая компания, как средство поднять доходность казны от крупного торгового оборота.

Развитие торгового капитализма в эпоху Петра I. Отношение между государственным и частным капитализмом в первой половине XVIII века.

В 1699 г., когда начались реформы управления торгово-промышленным классом, Петр Великий обнародывал указ, повелевавший купецким людям „торговать также, как торгуют в иных государствах, *компаниями* и... иметь всем купецким людям межь собой с общего совета установления, как пристойно б было к распространению торгов их, от чего надлежит быть казны пополнение“ [1]). Преобразователь здесь кратко, но вполне определенно наметил конечную цель „распространения торгов“ в стране—увеличение доходов государственного казначейства, очевидно, чрез умножение всякого рода „сборов“ с более развитой торговли, чем та, которую Петр Великий застал. На сколько преобразователь был заинтересован торговлею именно в этом смысле—показывают не одни оффициальные указы его времени, но и его частные заметки в записных книжках; так в записной книжке 1702 и 1703 гг., т. е. в самое скудное для русских финансов время царствования Петра Великого им было помечено: „о пропуске товаров за деньги нужды ради и жидам приезд свободный“ и еще раньше, в 1701 г. так-же лаконично: „о жидах из Испании: к Озову торговать и место дать“ [2]), очевидно, с петровской точки зрения, тоже „нужды ради“, которая таким образом успеш-

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1706.

[2]) Письма и бумаги Петра Великого, т. 2-й, 309—316 стр.

но конкуррировала с национальною боязнью опасности от еврейского племени. „Нужда“ действительно была сильна и, как известно, „ради“ нея Петр Великий прибегал к разным способам борьбы с ней, способам большею частью завещанным практикою московского государственного хозяйства; но это не исключало и того, что Петр Великий в более зрелом возрасте мог иметь „очень здравыя мысли о полезном и вредном для торговой промышленности в его царстве“ [1]). Современник, написавший о Петре В. и его реформе очень неспокойный трактат, высказывает убеждение, что „главным намереньем“ Петра В. „в торговом деле постоянно было то, чтобы сделать из своих подданных настоящих купцов и довести до того их, чтобы они отвозили товары и сбывали их в чужих краях, не чрез посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих судах“ [2]). Между тем русские торговцы были очень далеки от подобных желаний; они слишком привыкли к старинным способам торговли и недоверчиво относились к новым, требовавшим больше подвижности и предприимчивости, чем эти качества могли развиться у русских купцов в их оффициальной и полуоффициальной торговле с одной стороны и в сильно стесненной торговле первыми ея видами—с другой. Непосредственное торговое сношение с иностранцами пугало русских купцов очень долго, поэтому со времени первого указа об учреждении торговых компаний прошло довольно лет, прежде чем это предложение было осуществлено в действительности. „Понуждения“, посредством правительственных указов, как напр., в 1711 году [3]), плохо разбивали твердые „купецкие“

[1]) Фоккеродт: Россия при Петре В., в Чтениях Общества Истории и древн. Рос., 1874 г., кн. 2.

[2]) Ibid

[3]) П. С. З. IV, № 2330; именной указ 2-го марта: «Торг Китайский сделав, компанию добрую, отдать. П. С. З. IV, № 2349: указ 13 апреля: в пунктах, об'явленных Петром В. сенату, между многим другим, предписывалось: по сведеньям Сибирского приказа разсмотреть состояние Китайского торга до 1705 г., когда «из торговых людей никому ни с какими товарами в Китай ездить было не велено»; теперь дело другое: о состоянии Китайского торга надо было знать «для определения компаний, дабы китайский торг был свободен и ко умножению пошлин».

привычки. Для того, чтобы „поспешествовать торговле", в некоторых европейских городах были учреждены агентуры (1715—1723) [1]), но все это на первых порах мало помогало делу. О жалком его состоянии мы узнаем от самого правительства из указа 1724 г. об учреждении компании для торгу с Испанией. Повелев „собрать компанию из торговых людей, Петр Великий отдал ее в управление коммерц-коллегии, которая должна была заботиться о *„сей новости*, как мать над дитятею, пока в совершество придет". Иначе нельзя было поступить, по мнению Петра Великого: „понеже всем известно, что наши люди ни во что сами непойдут" [2]).

Желая, во что бы то ни стало, приохотить русских купцов к торговым путешествиям в чужие края, Петр В. не жалел на это средств; он снабдил компанию „кораблями, матросами от адмиралтейства" и отчасти деньгами [3]). Но в первое время и такая заботливая политика не достигала цели. Фоккеродт сообщает, что первые попытки извлечь выгоду из торговли с Испанией и Францией окончились полной неудачей, не смотря на то, что Петр Великий *„обязал* своих богатейших купцов—собрать значительные склады пеньки, льна, корабельных канатов и других русских товаров" для отсылки их на казенных кораблях в эти государства вместе с „пушками, морскими ядрами, бомбами и корабельными якорями" от казны... „Расходы", говорит Фоккеродт, „поглотили весь капитал, и имевшие доли в барышах" от этой торговли „получили немного или ничего" [4]). Вообще, Петру Великому не удалось не только „вырвать морскую торговлю из рук иностранцев", о чем он мечтал по свидетельству Фоккеродта, но—и видеть сколько-нибудь прочно поставленным дело привилегированных торговых компаний.

Петр В., впрочем, и не мог исполнить того, о чем мечтал, ибо интересы торговли русского купечества он, по

---

[1]) См. у П. Н. Милюкова: Государственное хозяйство, стр. 533.
[2]) П. С. З., VII, 4540.
[3]) Ibid.
[4]) Чтения Общ. Ист. и Др.: Россия при Петре В.; 1874 г., кн. 2.

необходимости, должен был подчинить требованьям казны. Дело в том, что в продолжение всего царствованья Петра Великого „казна“ занималась торговлею на свое имя, при чем она об'явила своей монополией гораздо большее количество товаров, чем даже это практиковалось в московский период. А мы видели, что так называемый „государев торг“ создал в лучшем случае выгодное положение *крупных русских купцов*, сравнительно с другими категориями торговых людей, но и только: *на торговлю* всего русского купечества он мог влиять и действительно влиял только подавляющим образом; само собой понятно, что это явление принуждено было развиваться и в XVIII столетии, так как для того на лицо оказывались даже лучшие условия, выражавшиеся еще в более ревнивых отношениях правительства к торговому обороту, чем раньше...

Под влиянием вышеотмеченной „нужды“ старинный прием получения доходов непосредственно от казенного торга был исчерпан до конца. Апогей этого торга, а следовательно и развития государственного капитализма следует отнести к 1714 году, когда казенными товарами были об'явлены, кроме прежних (клея, ревеня, смолы и икры), еще следующие: воловья шерсть, пенька, поташ, смольчуг, сало, воск, масло конопляное, семя льняное и щетина. Это направление правительственной деятельности обращало на себя понятное вниманне иностранцев, как и раньше, указывавших, что преувеличение казенного торга „стесняло и убивало торговлю в России“ [1]). Правитель-

[1]) Джон Перри приблизительно в тех же выражениях, как Флетчер и, может быть, не без его влияния, описывает правительственные монополии: царские прибыльщики «скупают и присвояют только себе многие из главных товаров, составляющих богатство страны, как-то: поташ, деготь и пр., покупают большое количество товаров и затем возвышают цены на них, запрещая русским купцам продавать этот товар до тех пор, пока товар скупленный таким образом для царя, будет весь распродан по установленной ими цене“ и пр. (Состояние России при нынешнем царе, стр. 162). Или вот место, составленное во вкусе Герберштейна и Флетчера: «Когда по прибытии в Архангельск товаров из заграничных рынков, об'явлено было, что они необходимы для нужд царя, то, вслед затем отдавалось приказание, чтоб никакой

ство „попрежнему“ торговало не только туземными товарами, но и заграничными, закупая их, как у себя дома, так и в европейских портах при помощи своих агентов [1]).

Такова была практика, и это одновременно с тем, как Петр Великий подумывал о „вольном торге“. Уже в 1711 г. преобразователь распорядился спросить у купцов мнение о свободном торге, который он хотел установить для всякого чина людей, „если подлинно“ для „купеческих“ людей не будет от этого ущерба. Это указывает, что Петр Великий хотел сделать торговлю доступной для всех своих подданных, не обращая внимания на их классовые деления. Видя, что торговый класс не оправдывает надежды доставить, посредством организованной торговли, необходимого Петру Великому „пополнения“ казны; он и решил привлечь в компании всякого, желающего пустить свой капитал в торговый оборот. Заботясь же главным образом о крупном обороте, Петр Великий естественно имел в виду людей, способных на значительные затраты. Сказанное усматривается из его порицания действиям сената в деле „предложения“ (в 1711-м году)—учредить китайскую компанию; Петр В. был недоволен тем, что предложение было сделано одним купцам: „невозможно, чтобы посадским одним в такое великое дело вступить; но искать, чтоб из знатных людей несколько человек и при них торговые в оное вступили“ [2]).

Но это пока была теория, встретившая сильную оппозицию

русский купец или кто-либо другой не смел покупать товаров, пришедших в пристань, прежде чем будет скуплено всё то, что требуется для царя». (Ibid., стр. 163). 11-го февраля 1707 г. частным лицам было запрещено торговать дегтем, коломазью, мелом, жиром, рыбным салом; эти предметы поступили в казенную продажу, которая должна была производиться выборными целовальниками; но частные лица не слушались и торговали; 21-го июля последовало подтверждение (П. С. З., IV, 2153); 1-го июля 1709 г. «щетинный торг» было велено «ведать санкпетербургской канцелярии», так как откупщик Любс «с торга откупных денег не доплатил» (П. С. З., IV, 2234; Сборник Историческ. Об., XXXIX, стр. 262 и у П. Н. Милюкова: «Государст. хозяйство, стр. 219.

[1]) Фоккеродт: Чт. О. И. и Д. Р., 1874, кн. 2-я; П. Н. Милюков: Госуд. хоз., стр., 219 и 220.

[2]) П. Н. Милюков: Государств. хоз., стр. 623.

в „купеческих“ людях за ея универсальность, за распространение права торговли на „всякого человека“. Торговые люди очень желали бы „вольного торга“, но только для себя. П. Н. Милюков приводит из кабинетских бумаг государственного архива совет некоего Ивана Филиппова не допускать „вышних и ближних людей“ к торговле: „если им торговать не повелено будет“, то „от того в государстве.... будет великий и честный многоприбыльный интерес“ [1]). Точно также думал и известный Посошков.

Будучи так ревнивы в охранении своих исключительных прав на торговлю, купцы однако были скупы на выдачу тех сумм, которые правительство требовало от них за откупное содержание. В том же 1711-м году, когда Петр Великий спрашивал их мнение о „вольном торге“, он получил и донесение о том, что, вследствие требованья правительством за китайский торг суммы в 260,000 руб., ежегодно, компанию составить „невозможно“; нужен капитал в $1^1/_2$ мил., который не только немыслимо собрать даже в продолжительное время, но нельзя ожидать согласия между „компанейщиками“, вследствие именно этой медленности организования дела [2]). Вот такого-то рода препятствия в быстром получении доходов от „свободного торга“, долго и побуждали Петра В. на практике все более и более расширять круг казенного оборота. Всё дело заключалось в той же неотлагательной „нужде“ в деньгах сейчас же, сию минуту; тут отбрасывались всякие теоретические соображения, и правительство было готово на всякие меры, лишь бы только они вели к ближайшей цели. Не даром один из иностранных наблюдателей этой „нужды“ (Витворт) думал, что в виду необходимости денег для армий, „министры готовы предпочесть действительным выгодам казны какой угодно ничтожный, но только наличный доход“ [3]).

Таковы были практические побуждения. В теории же и сам

---

[1]) Госуд. хоз., стр. 523.

[2]) Ibid., стр. 524.

[3]) Сб. И. Ист. Общ., XXXIX стр. 45; приведено и у П. Н. Милюкова: Госуд. хоз., стр. 222.

Петр Великий, и окружавшие его составители проектов, как русские, так и иностранные, были убеждены, что „наилучшим образом" казна может обогащаться лишь при свободном торге; во всяком случае—при значительном ограничении казенного торга. Это точка зрения буржуазного государства, не отличающего частного капитализма от государственного *по существу*, ибо тот и другой лишь разными способами служит одному и тому же классу.

Современные Петру Великому публицисты указывали на благосостояние подданных, как на главное основание фискальной выгоды; Посошков говорил, что если купечество не обогатится, то и „собиранию пошлинной казны умножится не от чего будет"; Салтыков в своих сообщениях Петру В. в 1712 г. заботился о таких „прибылях, как внутренних, так и внешних", при которых „людям ни малой тягости не будет"; Люберас не был так наивен, как доморощенные советники: он выказал и порядочную эрудицию, и систематичность; но, отстаивая „вольный торг", Люберас, подобно другим прожектерам, свои красноречивые рассуждения о поднятии промышленности в стране и о развитии мореплаванья связывал с казенной пользой. Так, критикуя тот случай, „когда государь, либо за свой собственный счет возьмет известную торговлю, либо дозволить другим лицам монопольную торговлю за ежегодное вознаграждение", Люберас замечает: „от этого повидимости и вначале казна может несколько выиграть, но в действительности наибольшую выгоду извлекает руководитель предприятия" [1]).

Словом, можно сказать, что идея о наилучшей выгоде „свободного торга" для национальной торговли и государственного хозяйства давно носилась в воздухе [2]). Для Петра Великого,

---

[1]) См. соч. П. Н. Милюкова: «Госуд. хоз.» и пр.: извлечения из рукописных проектов в гл. 8-й.

[2]) Но этот «свободный торг», как одно из оснований так называемой покровительственной системы в торгово-промышленной политике, большинством понимался именно так, каким он уже в XVII ст. осуществился в Западной Европе, т. е. лишь в смысле отдачи казенных товаров в частную торговлю—«в народ»,—однако со всеми теми

в наблюдательности и сообразительности которого невозможно сомневаться, не было ничего легче, как воспринять меркантильную идею непосредственно из европейской торговой действительности; тем более, что он к ней внимательно присматривался. Зависимость между экономическим преуспеянием подданных и интересами государственных финансов, зависимость, на которую указывали ему авторы про ктов, не была для Петра Великого новым представлением, как желательная перспектива, потому что уже в 1699 г., хотя и по другому поводу, в указе об'являлось о надежде на „пополнение казны", если будет облегчено положение торгово-промышленного класса [1]). Итак, нельзя усмотреть ничего нового *в мотивировке* действительно нового распоряжения об отдаче всех казенных товаров, кроме „смольчуга и поташа", „в народ". В указе 1719 г. также, как и за двадцать лет до него, говорилось, что государь об'являет вольный торг, „милосердуя к купечеству".

Но во всяком случае самый факт был новый. Мы однако ошиблись бы, если бы назвали этот новый факт началом *новой эры* нашей торговой политики, потому-что действие его продолжалось не так долго; непродолжительность же законодательной силы за отмеченным распоряжением и раскрывает пред нами *действительное обоснование* этого распоряжения, как легко догадаться,—*очень старое*, именно фискальный интерес. Временами государственное казначейство сильно оскудевало. Требовались экстренные его пополнения, а источников на лицо не оказывалось, ибо все обыкновенные были уже исчерпаны: тогда стоило только вспомнить старый прием получения доходов от торговли, еще свежий в памяти правительства.... Об этом приеме и вспомнило правительство императ-

---

ограничительными условиями этой торговли со стороны государства, которые делали меркантильную «свободу» очень относительной, во всяком случае не в привычном для нас смысле «свободной конкурренции». Свод данных петровского торгово промышленного законодательства см. у Афанасьева: «Государств. хозяйство при Петре Вел.».

[1]) Здесь прямо говорилось о том, что «Великий государь», «*милосердуя*» о торговых людях, повелел устроить иначе управление ими, чтобы от того последовало «*казны пополнение*» (П. С. З., т. III, № 1674).

рицы Елизаветы Петровны в 1746 г., когда сенат указом 29-го ноября подтвердил указ 1714 года, запрещавший частным лицам вывозить перечисленные в нем товары куда бы то ни было, кроме „русских пристаней". Казенное „содержание" внешней торговли продолжалось до 1754 г., когда коммерц-коллегия, обязанная, как известно, заботиться о преуспеянии торгового дела, добилась своими представлениями того, что сенат 18-го ноября разрешил вывозить „за государственную границу" все товары, исключая заповедных. Но это распоряжение оставалось в силе меньше месяца, не смотря на то, что было сделано „для распространения коммерции". 11 декабря было велено приостановить действие сказанного указа на том основании, как бы купцы не стали вывозить таких товаров, которые, будучи запрещенными, еще не об'явлены к сведению, „по некоторым резонам" [1]). Так внешняя русская торговля туго переходила из сферы правительственных монополий в частные руки, почему туго и развивалась.

Трудно было боязливым русским купцам решиться на вкладыванье своих капиталов в компанейское торговое дело, если они не могли быть уверены даже в сохранности своих капиталов. Понимание неудобства такого порядка для развития внешней торговли не было чуждо и оффициальному лицу, подавшему правительству „разсмотрение" о том, каким образом „компанейский торг завесть" „с пограничными около Сибири государствами и народами?" По мнению сибирского вице-губернатора Ланга, это возможно лишь при условии, если никто из тех, которые пожелали бы „в ту компанию вступить", не будет иметь „сомнительства", что капитал компании не отберут „в потребном случае на государственные нужды" [2]).

В 1739 г. правительство подтвердило существовавший

---

[1]) П. С. З. XIV, 10335; в 1757 году (8-го августа) было велено клей выключить из числа запрещенных для заграничной продажи товаров (XIV, 10754).

[2]) Чулков: Историч. описание российской коммерции, т. 3-й, ч. 2-я, стр. 244.

казенный китайский торг, не смотря на свое желание передать его в руки частной компании. Характерно то, что о подтверждении говорилось в указе (21 сентября), специально заявлявшем „впредь китайскому караванному торгу не быть, а собрать компанию знатных купцов и прочих персон, кто пожелает в оную китайскую компанию положить капитал“ [1]). Желающих очевидно, не находилось, и дело, вообще, шло плохо. В 1743 году правительство отметило факт, что китайские товары стали привозить в Россию из европейских государств, те товары, которые раньше „всегда отпускались на продажу из России“; вследствие такой перемены в движении этих товаров, „китайский с Россией торг не только с помешательством, но и с великим убытком происходит“. „Помешательство“ было устранено очень просто, вполне пассивным способом, как в 1-ой четверти XVIII стол. советывал поступать туземный политико-эконом Посошков и как вообще было склонно поступать и действительно поступало само правительство в затруднительных для него коллизиях на международной торговой сцене: было запрещено ввозить в Россию китайские и „подобные оным“ индейские товары из европейских государств [2]). Очевидно, более предприимчивые европейские купцы перехватили китайский вывоз у русского правительства.

Персидский шелк тоже уходил в Европу, хотя известная армянская компания за предоставления ей русским правительством привилегии и обязалась вывозить из Персии в Россию „весь шелк, сколько они там промыслить могут“. Неисполнение армянами этого условия послужило поводом к отнятию у компании ея привиллегий в 1719 году [3]); *действительное* же побуждение правительства в этом случае исходило просто из общего стремления правительства отстранить иностранцев от русской привилегированной торговли и тем поощрить своих купцов к большому торговому делу, которое дало бы „казне пополнение“.

---

[1]) П С З X, № 7906.
[2]) Ibid XI, № 8828.
[3]) Ibid., XV, 10848

Итак, отсутствие общинного настроения в русском купечестве, унаследованное от московского периода и не раз отмеченное Петром Великим, а также слишком фискальное отношение самого правительства к внешней торговле,—вот главнейшие причины, почему русские купцы в течение долгого времени неохотно вступали в торговые компании. Впрочем, правительства,—как петровское, так и следовавшие за ним, всю беду приписывали первой причине, вовсе не замечая второй.... В 1731 г. императрица Анна Ивановна в именном указе, данном в Москве (18-го марта) тайному действительному советнику, кн. Черкасскому, об'явила: „уведомились мы о купцах", которые, будучи „в прошлом году" в Хиве и Бухаре, „торг непорядочно производили и *от несогласия своего* цену товаров уменьшили, а на тамошние товары цену возвышали, от чего и впредь торг может поврежден быть". Императрица, „всегдашнее имея о государственной пользе попечение", повелела кн. Черкасскому „разсмотреть о проступке купцов, удержанных в Астрахани", и решить вопрос, как лучше на будущее время „производить торг"—посредством частной компании или от казны [1]). Неизвестно, как этот вопрос был решен кн. Черкасским, но самая постановка вопроса центральною властью еще раз показывает, что правительство очень затруднялось при столкновении своих стремлений—организовать компанейский торг—с антикомпанейскими привычками русских купцов. И в данном примере, как раз,—на таком торговом пути, на котором у русских купцов всего скорее могли выработаться общинные привычки, потому-что еще в XVII ст. по средне-азиатской степи от времени до времени тянулись к Бухаре и Хиве русские торговые караваны-артели.... Этот торговый путь, интересовавший с давних пор европейцев и вызвавший столько забот и жертв со стороны Петра Великого, продолжал интересовать правительства императриц—Анны и Елизаветы. В 1752 г. сенат послал коллегии иностранных дел предложение учредить на Каспий-

[1]) Архив департ. тамож. сборов, д. коммерц-кол. № общего катал. 5513.

ском море судовую морскую компанию именно для торга с Бухарой и Хивой. На это предложение от названной коллегии последовало „доношение“ в сенат в том смысле, что „не стоит“ учреждать для торговли с Бухарой и Хивой торговой компании, ибо торг с этими государствами уже ведется из Оренбурга, что—далее—в высшей степени непрактично строить на морском берегу, у Балахны, „хотя малую“, крепость. Аргументы для показания непрактичности военного прикрытия к средне-азиатской торговле были выставлены следующие: персияне, находящиеся ближе русских к границам туркестанских владений, уже испытали неудачи с этой стороны; тем возможнее потерпеть их русским, отделенным от своей родины морем, а проектируемая „малая крепость“ легко может быть уничтожена хивинцами; „ежели же большую крепость построить и для безопасности в ней довольный гарнизон содержать“, то всё предприятие „не стоит“ той прибыли, которая может быть получена от торговли с средне-азиатскими ханствами. Коллегия иностранных дел советывала оставить всё так, как дело в этих местах было поставлено изстари, а именно: „приезжают“ купцы с товарами на судах „к берегам трухменским (туркменским) и продают свои товары, не выгружая с судов за опасностью от разграбления“; при благоприятных условиях, купцы, по мнению коллегии, могут проникать со своими товарами в Бухару и Хиву. Сенат согласился с этим мнением, „приказав“ „знать“ губернатору „для ведома и пристойного компании об'явления“ [1]).

О компании, упомянутой в заключительных словах сенатской резолюции, мы узнаем из других бумаг, известия которых следует однако поставить в связь с только-что переданными. Обстоятельства этого дела были таковы. В 1746 г. корабли, на которых русские купцы торговали с Персией, были отобраны в казну, чтобы „от здешней стороны“ персияне „пользы получить не могли“ „продажей судовщиками такелажа“. Казенное содержание судов продол-

[1]) Секрет. д. сенатского архива в Петерб., № 1051; дело—1755 года.

жалось до 1750 г., когда от астраханского магистратского президента Ѳедора Кобякова и других крупных купцов поступило в коллегию иностранных дел „доношение", в котором испрашивалось возвращение судов из казны в частные руки. Приводились „резоны"; главным образом, конечно, опирались на убыток, причиненный „здешней империи" таким положением вещей; указывалось на то, что от недостатка шелка могут прекратиться здесь мануфактуры, заведенные „с великим иждивением", а владельцы их будут принуждены разориться; „прибыток" от казенного управления судами меньше для казны, чем от частного потому-что „гораздо больше" выходит на починку и содержание оных"; да и рейсов казенные суда делают меньше частных, так как приходится ждать „полного груза", а „от медлительности" — торгу остановка и „купцам неминуемое разорение". Сенат приказал возвратить суда частным лицам, на которых была возложена обязанность составить компанию „для лучшаго впредь тех судов содержания" [1]). Сопоставляя вышеприведенные известия с только-что переданными, можно сделать заключение, что в 1752 г. сенат хлопотал лишь о расширении деятельности уже учрежденной по инициативе Ѳедора Кобякова с товарищами морской судовой компании, желая сделать ее, так сказать, органом средне-азиатской торговли.

Несколько отрывочные данные морской судовой компании показывают нам проблеск *именно инициативы* к компанейскому предприятию со стороны самих купцов, хотя эта инициатвиа и обращена на очень немногое: лишь на перевозочные средства торговли. Этот факт некоторой купеческой самодеятельности виден и из того обстоятельства, что „пункты", т. е. условия содержания этой компании, были произведением местного купечества, а не правительственной регламентацией [2]).

---

[1]) Секр. д. С. Ар., № 1457.

[2]) «Пункты» компании были представлены в губернскую канцелярию, при чем было изъяснено это донесят губернатор), что «оные купцы обявили в показанную судовую компанию положить своего капитала до 50,200 руб. (Секр. д. с. ар., № 1457).

Время сделало то, что могло сделать. В головы наиболее состоятельных и влиятельных купцов постепенно проникала и там укреплялась мысль, что, посредством компанейской организации, можно отлично пользоваться выгодами монополии; но этот умственный процесс, повидимому, происходил весьма медленно, ибо правительство „попрежнему" продолжало указами вызывать желающих составить торговую компанию, „увещевать" и заманивать купцов к компанейскому торгу обещанием привилегий [1]). Чтобы не быть голословными, приведем несколько типических черт из указов об образовании двух торговых компаний—*константинопольской и персидской.*

В указе 2-го марта 1755 г. было отмечено существование спорадических торговых сношений русских купцов с Константинополем („чрез некоторое время"); воспользовавшись этим фактом, правительство сделало запрос, не найдется ли охотников эту „коммерцию компаниею производить", чтобы можно было действовать „по примеру европейских купцов"—учредить конторы и факторов. Если охотники найдутся, то чтобы явились в сенат, „коим, при таком новом учреждении, особливо некоторые авантажи показаны будут" [2]). Но „авантажи" долго не производили желательного сенату впечатления: никто не являлся. Тогда чрез главный магистрат обратились с увещанием к „первостатейным мо-

[1]) Как мы узнаем ниже, комиссия о коммерции в 1742 году отмечала существование нескольких компаний, которых она однако не считала заслуживающими этого названия, именно: персидскую, бухарскую, хивинскую, украинскую, полскую, ингерманландскую (эстляндскую?) и прочия", о которых нет известий в Полн. Собр. Зак. Повидимому, это были лишь единовременные захваты известных товаров «под видом компанейского торга» и, вероятно, посредством стачек, наиболее крупными капиталистами. К числу таких компаний, несомненно, принадлежала и та, которая была учреждена в 1753 г. для торга чрез Темерницкий порт поселившимися в 1750-м году в Константинополе двумя русскими купцами (Семенов, Изучение истор.-стат. свед. о Российской внешней торговле и пр., часть 3-я стр. 35). Эта компания была уже слишком «великой», почему правительство игнорировало её, вызывая в 1755 году желающих составить компанию именно для торга с Константинополем, но такую, которая получила бы организацию по правительственной инструкции.

[2]) П. С. З. XIV, 10368.

сковским купцам", чтобы понудить их составить компанию, и после этого они „от того отреклись" [1]). Наконец, только в 1757-м году явились охотники—московский купец Хостатов, калужский—Шемякин и ярославский—Ярославцев—всё „первостатейные" купцы, которым и было дозволено составить компанию. Она получила право отпускать в Константинополь и итальянские города все товары, дозволенные указами: мягкую рухлядь, железо, „такожь и чугун во всякой посуде и в другом отливном мастерстве (кроме пушек, бомб, ядер и прочего военного ружья)", при чем железа было дозволено вывозить до 100,000 пудов, а чугуна („в деле и не в деле") до 50,000 пуд.; затем: веревки, канаты, икру, рыбу, клей и т. под. Всем остальным купцам было запрещено производить такой торг, „дабы от того сей компании никакого подрыва и помешательства происходить не могло". Кроме того, правительство, недовольное отношением к его публикации со стороны московских „первостатейных" купцов, повелело недопускать в компанию „посторонних", если последние не заявят о своем желании взять акции в течении полгода; по прошествии этого времени, акции должны поступить в полное владение директоров компании. Местной администрации, особенно командующему донским войском генералу-майору Ефремову, предписывалось „содержать компанию" „в своей опеке и охранении" [2]). Те же обязанности и в таких же выражениях были возложены на астраханского губернатора и кизлярского коменданта по отношению к компании персидского торга, учрежденной в 1758 м году.

На правительственный вызов охотником сначала явился ассесор Козьма Матвеев „с товарищи"; но он стал просить казенную субсидию, вследствие чего его хозяйство было отклонено. Армянин Манвель Исаханов, воспользовавшись этим уроком, согласился образовать компанию без правительственной субсидии, и персидский торг всеми товарами,

---

[1]) Ibid. XIV, 10694.
[2]) П. С. З. XIV, 10694.

кроме военных, был сдан ему. Но отдавая „торг“ армянской фирме, правительство обставило дело так, чтобы он не был всецело в армянских руках. Хотя глава фирмы и был назван обер-директором, а его три брата директорами, тем не менее к ним присоединили „из астраханского первостатейного купечества“ Ѳедора Кобякова в качестве директора и с полномочием, чтобы он представил в директоры же еще трех человек, которые взяли бы акций на 200000 рублей (из 4000 акций, по 150 руб. каждая). Кроме того, Матвеев „с товарищи“, который, несколько запоздало, выразил желание „взять компанию“ уже без субсидии, удостоился преимущества „перед прочими“—получить акций на 100,000 руб.; на 200,000 руб. было позволено взять еще тем, кто пожелает, из „российских купцов“, которые „службы гражданские служат“, а из иноземцев—на 100,000 руб. и при том только „вечно подданным“; членам провинившейся армянской компании было запрещено вступать во вновь организованное армянами же торговое дело [1]), но теперь уже по правительственным инструкциям. Общий характер заботливости правительства о компании персидского торга выразился еще в одном маловажном, но типическом факте: ее директоры получили право носить шпаги, чтобы компания, как „торгующая от Российского государства“ была бы „предпочтена другим“ [2]). Словом, правительство тщательно опекало вновь учрежденные компании; и не мудрено: они заменяли его „казенный торг“; к тому же правительство надеялось получить от них более устойчивые выгоды, чем от непосредственного участия казны во внешней торговле. Что компании были учреждены в интересах государства—ясно усматривается и из того обстоятельства, что они были отданы „в ведомство правительствующего сената по одним только тем делам“, которые относятся, исключительно, к торговым операциям компаний, „а по прочим и криминальным особо, где надлежит“ [3]).

[1]) П. С. З. XV, 10848.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. XIV. 10694; XV, 11834.

Таким образом в рассматриваемый период только на время и на некоторых путях правительство передавало свое верховное право на торговлю значительным капиталистам на известных условиях, нисколько однако не отказываясь от него, как в принципе, так в иных случаях и на практике, и поэтому оставляя за собой верховный контроль над деятельностью частных компаний.

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА
УЛИТИНА
Алексея Викторовича

III-я Глава.

Мнения (XVIII ст. [1]) по вопросу о поднятии крупного торгового оборота и указания на то, что препятствовало его развитию в России.

Исключительность забот о крупном капитале в совещательном органе правительства—„комиссии о коммерции". Отсутствие серьезного результата этих забот до 60-х годов XVIII столетия.

Русская торговля в XVIII стол. находилась под большой опекой. Коммерц-коллегия была специальным учреждением, на обязанности которого лежала забота о преуспеянии всей промышленности и торговли. Но, кроме этого специального учреждения по торговым делам, каждая из коллегий при удобном случае, считалась компетентной в обсуждении торговых вопросов, и мы видели, что представления иностранной коллегии относительно торговых сношений с Хивой и Бухарой были приняты сенатом, как вполне основательные. Коллегии и сами не были чужды торговых операций, ибо от „купецкой палаты" к ним перешло заведыванье казенными товарами, которые распределялись между ними сообразно с практическими удобствами. Однако у коллегий и без торговли было достаточно своего специального дела, поэтому все то, что касалось торговых советов, являлось более или менее случайным и неудовлетворяло центральную власть; мало помощи в данном отношении правительство видело и от коммерц-коллегии, которая фактически сделалась центральным учреждением для управления торгово-промышленным классом. Ввиду всего этого, для торговых

[1]) До отрицательного отношения русского правительства в лице Императрицы Екатерины II-й к монополиям. См. в заключении.

советов было образовано новое учреждение, которое начинает функционировать со 2-ой четверти XVIII-го ст. Это учреждение должно было рассматривать поступавшие в его канцелярию торговые проекты и жалобы и предлагать затем выработанные совокупными усилиями „программы“ торговли к сведению центральной власти. Словом, новое учреждение не чуждалось советников, но в тоже время само оно представляло наивысшего советника, своего рода—юрист консульта по торговой части. Речь идет о так называемой комиссии о коммерции. Будучи учреждена еще при Петре В. [1]), эта комиссия обнаруживает свою деятельность не ранее 1726 г.; по крайней мере, только с этого года мы можем наблюдать эту деятельность по дошедшим до нас бумагам комиссионной канцелярии. Изучение делопроизводства этой последней дало нам то общее заключение, что самые жгучие заботы коммиссии сосредоточились на изыскании средств улучшить крупную торговлю вообще и „казенную“ в частности. Коммиссии в 1742 г. констатировала факт, что „купечество Российское“ находится „в плачевном положении“. Доискиваясь причин этого грустного явления, она нашла, что главнейшая из них лежит в торговых привычках самих купцов, купцы „наипаче претерпевают друг от друга“, ибо „мешают“

---

[1]) В описи архива департ. тамож. сборов, составленной его покойным архивариусом г. Кайдановым, учреждение этой коммиссии отнесено к 1720 году, а конец ея деятельности к 1739 г. Г. Кайданов извлек эти сведения из дела об учреждении этой коммиссии, зарегистрированного в том же архиве. Из Полн. Собр Законов мы знаем, что 17 марта 1727 года государыня императрица, «милосердуя о купечестве, видя оное в слабом состоянии», повелела «для поправления и рассмотрения онаго» «учредить особливую комиссию, ... в которой для того рассмотрения определен .... вице-канцлер действительный тайный советник и кавалер барон Остерман с товарищи»; при этом велено «публиковать»: «ежели который город или кто и партикулярно в купечестве имеет какое недовольство или в чем признавает тягость, или сами усмотрят, что как генерально и партикулярно к распространению и умножению купечества полезно быть может, и то б об'являли без всякого сумнения и опасения с ясным доказательством, и подавали б в городах письменно генерал-губернаторам, и воеводам, которым, принимая то, неудерживая, отсылать в учрежденную коммиссию в Санкпетербурге, по которому чинено будет в той коммиссии рассмотрение к народной пользе» (П. С. З., VII, 5093).

друг другу „в своих торгах". Это взаимное „помешательство" казалось комиссии результатом, как предоставленных торговым людям прав законодателем, так — и торговой практики. Комиссии представлялось ненормальным, что „всякому" позволено торговать внутри государства и „заграницу отъезжать", что „всякому" позволено „держать" „валовые и лавочные торги, и мастерские заводы и промыслы". Препятствием к развитию торговли", по мнению комиссии, было и частое совмещение в одном лице двух специальностей — ремесленно-промысловой и чисто торговой: таких купцов энциклопедистов, если так можно выразиться, комиссия считала разбрасывающимися на два дела; при этом она выражала убеждение, что энциклопедисты „ни первого, ни последнего в совершенстве не постигнуть"... Эти торгово-промышленники, по мнению комиссии, „к чести и к незазорному житию привести себя не могут". Немалым злом в глазах комиссии было и то, что „малоторговцы" „повреждают" „настоящих купцов". Как же это выходит? Очень просто: „малоторговцы" „при портах" не дожидаются настоящей цены, ибо имеют в виду лишь малый барыш, „а иные" продают и с убытком для себя, чем „большие партии почитай начто убытчат". Комиссия так заинтересована „настоящими" купцами, т. е. крупными капиталистами, что не хочет и рассуждать о непорядках „в мелочных торгах и мастерствах" и прямо переходит к способам исправления „плачевного" положения вещей в русском торговом мире. Однако прежде всего она желает узнать от „российского купечества" мнение, „каким бы наилучшим образом" ему самому разделить торги по компаниям „не таким, как носится слух"; а „слух" был такой: будто компании существуют только по имени, на самом же деле все торговые операции — в руках единичных хозяев [1]). Сама же комиссия предлагала „снабдевать" тех

---

[1]) «Якобы вступившие в компанию принуждаются одним людям свои капиталы вручать и от них щетов требовать, по точию одно было имя».

лиц, „кто в компанию запишется“, привилегиями „по достойнству их купечества“ и при том такими, чтобы никто из непричастных к известной привилегии не мог торговать тем же самым товаром [1]), на который дана привилегия. При этом комиссия выразила желание, чтобы в компанию вступали лица, которые могут обязаться „иметь свой торг“ на сумму не ниже 3000 и 4000 р., „дабы маломочные не повреждали других, имущих большие торги“. Если же „мочный купец“ захотел бы вступить в две, три, даже во все существующие компании, то ему принадлежат особенный почет и внимание [2]). Когда установится такой порядок, то, по мнению комиссии, „всяк волен торговать на свой счет, не давая никому отчету“. Остальные, которые не войдут в компании, должны удовольствоваться: одни лавочными торгами, другие от'езжими и ярмочными торгами, третьи мастерствами, „разделяя каждый особо и тако имея всяк свое“ [3]).

Итак, коммиссия надеялась поднять русскую торговлю тоже, как еще раньше центральная власть,—посредством компаний с широким развитием монопольного торга. Повидимому, комиссия желала, чтобы каждый „компанейщик“ имел особую монополию установленную для него всей компанией,—владетельницей известного „торга“—константинопольского, персидского и т. под.; иначе непонятно, как участвуя в компании, можно „торговать“, „не давая никому отчета“. Если это так, то следовательно, по проекту комиссии, каждая компания должна представлять какой-то конгломмерат отдельных монополий, в торговых расчетах независимых друг от друга; при чем на долю собственно компанейского содержания следует, кажется, отнести лишь установление с'обща этих монополий и общий надзор за тем, чтобы компанейщики торговали именно теми товарами, на которые дана им привилегия, монополия тожь. Такая специализация в торгах, а главным образом между торгами и промыслами

---

[1]) «Разве кто от самой той компании удостоен будет»....

[2]) ... «таковый напаче за первейшего почтен быть может».

[3]) Арх. департ. т. сб., дела коммисии о коммерции, № 430.

(чтобы „каждый имел всяк свое“) была положена комиссией в основу преуспеяния торгового оборота; при этом крупные его представители настоятельно выдвигались ею на первый план; можно сказать, что только на них и было обращено милостивое внимание комиссии, чтобы „маломочные не повреждали мочных“ Это было бы необ'яснимо, если бы не соответствовало вполне тому, чего ждало от торговли само правительство:—пользе для казны. Будучи давно убеждено, что такая польза всего скорее „последует“ от крупного оборота, правительство учреждало для его усовершенствованья торговые компании; видя, что последние идут плохо, оно учредило совещательный по торговым делам орган и потребовало от него указаний—каким образом улучшить „плачевное состояние“ „Российского купечества“; отсюда понятно, почему „орган“ начал стремиться к улучшению состояния „мочных“ купцов; это будет еще понятнее, если мы добавим, что „мочность“ русских купцов была очень относительной; она была более или менее внушительной на русской почве, а никак не на международной. Богатые русские купцы были бедняками в сравнении с европейскими крупными торговцами. По свидетельству Фоккеродта, Петр Великий для торга с Испанией собрал богатейших купцов, а между тем в указе было об'явлено, что субсидия деньгами, кораблями и матросами дается компании „ради скудости денег“ [1]). В одном проекте „о коммерции“ позднейшего времени тоже отмечается недостаток у русских купцов капиталов, вследствие чего „наши купцы всегда находятся в зависимости от иностранных“ [2]). Потому-то Петр В. и начал „понуждать“ русских купцов к составлению компаний: он ясно видел, что каждый русский купец в одиночку совершенно бессилен вести внешнюю торговлю сколько-нибудь рациональным и успешным образом; потому-то и частный прожектер задним числом советовал правительству „учредить компании или общества торговыя“: он полагал всю силу их „в общем

---

[1]) П. С. З. VII, 4540.

[2]) Рукоп. Импер. Пуб. Б., Ф., отд. II, № 55.

богатстве", благодаря ко[illegible]му „сильнее можно действовать" [1]); потому же и в последующее время правительство заботилось о компаниях: чтобы они составлялись из самых больших торговцев и по возможности безпрепятственно богатели; интересы остального торгового люда игнорировались. Если в „разсуждении" комиссии мы и не встречаем столь же откровенного обоснования ея забот о богатых купцах, какое наблюдается в правительственных указах, то одной односторонности в ее попечениях для нас достаточно, чтобы не сомневаться в отличном понимании комиссиею целей правительства и ее собственного назначения служить интересам крупного оборота. На сколько же правительство желало крупный оборот очень рельефно показывает и об'яснение к картине, нарисованной по поводу издания нового, тарифа (в 1757 г.) и символически изображающей Россию, как покровительницу промышленности и торговли; толкователь картины свое беглое описание торговой эмблемы с разными фигурами и гаванью заканчивает указанием на то, что „пред фигурами лежат всякие *крупные товары*" [2]).

Не менее частных „крупных товаров" внимание комиссии сосредоточивалось и на казенных; в начале ея существования даже более, потому-что „российские" купцы все еще мало товаров посылали за границу „на свой счет". Комиссия очень желала бы, чтобы „Российское купечество сами умножали отпуски своих товаров за море и корреспондентов имели"; но так как этого „в скорости" было „учредить невозможно", то следовало прежде всего позаботиться о казенном отпуске [3]). В 1728-м г. комиссия указывала центральной власти на следующие обстоятельства. Казенные товары продавались при Российских портах, „а именно": поташ и смольчуг—от коммерц-коллегии, икра, клей, ревень—из камер-коллегии. Эта продажа на русской территории, по мнению комиссии, крайне невыгодна: от такого порядка не

---

[1]) Ibid.

[2]) [illegible]. Арх. М. Юст., Сенат. д., № 2848: «Об'яснение», как нелишенное некоторой характерности, помещаем целиком в «приложениях».

[3]) П. С. З., VIII, № 5273.

казна, а иноземцы „прибыль себе получают". Следовало бы казенные товары отпускать непосредственно в Голландию и там продавать чрез особую „коммиссию, кому вверено будет". Но тут пред нашими торговыми советниками вставало одно капитальное неудобство: „за морем российского капитала не имеется". Этот недостаток приносил существенный вред казне и по другим причинам. Дело в том, что „за море" правительство „для интересов ея императорского величества и разных коллегий и канцелярий" ежегодно переводило „чрез вексель немалые суммы денег", „от чего" „от времени до времени" падал вексельный курс; это бывало именно в тот момент, когда происходила „отдача из казны на вексель": иноземцы, пользуясь отсутствием за границей свободного русского капитала, особенно те, которые не нуждались в деньгах, намеренно держали курс векселя очень низко; предпамеренность же была, по мнению комиссии, вполне очевидна, потому-что так поступали и те, „кому и надобны" деньги. Если будет учрежден „за морем" капитал, то такая зависимость от иностранных купцов должна будет прекратиться, и тогда можно будет смело оперировать с казенными товарами прямо на европейской почве; кроме того, из парочно учрежденного в Архангельске „довольного хлебного магазина" тогда можно будет отпускать хлеб за границу „в такое время, когда за морем" он повысится в цене. Вообще, когда иноземцы, станут знать, что есть свой капитал и затем в векселях не так властны будут", можно будет, сообразуясь с курсом векселя, свободно производить операции переводных платежей.. Тогда нечего будет опасаться иноземных козней, хотя бы казенных товаров отпускалось на сумму в 150,000 руб., потому-что торговля поведется на равных финансовых условиях с той и другой стороны [1]). Таким образом комиссия находила необ-

---

[1]) Комиссия указывала на операции переводных платежей в следующих выражениях: „когда в кредит повысится, тогда... отдавать деньги здесь, а в Голландии принимать по тем векселям ефимки и серебро»... «когда по умножении за морем капитала, понадобятся которой коллегии

ходимым увеличить казенный отпуск и поставить его в наиболее выгодные условия; действительно, в этой сфере господствовала какая-то спутанность и случайность; в распределении заведыванья казенными товарами, повидимому, преобладали частные интересы; иначе—чем об'яснить, почему поташ и смольчуг, которые, как нам известно, отпускались из коммерц-коллегии, были внезапно из нея отобраны и поступили в веденье самого Верховного Тайного Совета [1]). Коммиссия стремилась к тому, чтобы казенные товары, идущие в продажу из разных канцелярий, об'единялись, наконец, за границей в одном русском учреждении с комиссионерами и поверенными из иностранцев, которое могло бы контролировать все то, что в него поступало. Была ли однако учреждена особая торговая комиссия в Голландии для сбыта казенных товаров? На этот вопрос мы не в состоянии ответить с уверенностью, потому-что знаем только указ, об'явленный 28 мая (1728 г.) Сенату от Верховного Тайного Совета [2]), в числе влиятельных членов которого находился бар. Остерман, бывший в то же время и председателем комиссии о коммерции. Верховный Тайный Совет согласился с предложениями этой последней и повелел привести их в исполнение; но, прежде чем образовать особую торговую комиссию за границей, он сам предложил сенату справиться с мнением на этот счет иностранной, каммер и коммерц-коллегий, т. е. тех самых, чрез которые производилась казенная торговля. В делопроизводстве совещательного правительственного органа мы нашли только весьма уклончивое мнение коммерц-коллегии; она, указав на некоторых голландских купцов, годных в члены торговой комиссии, однако оговорилась, что лучше о них „осведомиться" у „российских

за морем деньги, а вексель высок, то сами те коллегии будут через вексель переводить, а буде вексель упадет, тогда из готовых за морем денег взять, а здесь по вексельному курсу деньги в комм рц-коллегию отдать, и как паки подымется, вексель тот после за море перевесть» (Ар. Департ. там. сб., д к. о коммерции, № 80).

[1]) П. С. З., VII, 5273.

[2]) Ibid.

министров", пребывающих в Голландии и „прочих местах", потому-что им небезизвестно „о тамошних знатных купцах"; во всяком случае коммерц-коллегия „мнит", что опасно вверять значительную сумму денег „тамошней персоне"; бывает нередко, что и „знатные" купцы становятся банкротами „в краткое время"; поэтому „дабы поверенный казенный капитал не был в трате", „за лучший способ" „признается" вести казенную торговлю „на наличные деньги или с добрыми поруками" [1]). Не находя больше данных ни в печатных, ни в рукописных источниках о проектировавшихся—заморском капитале и торговой комиссии, мы в праве на основании нам известного сделать только то заключение, что предложение образовать новую и общую для всех казенных товаров инстанцию очень не поправилось учреждениям, ведавшим казенную торговлю: им, понятно, не хотелось иметь контролирующих казенный отпуск посредников, вдобавок иностранцев,—между ними, органами центрального управления, и иностранными торговыми фирмами; ясно также и то, что правительственные торговые советники не спелись и тянули дело в разные стороны. Неудивительно, что дело не клеилось... Казенный торг, по признанию самого правительства, был плох; между тем этот плохой казенный торг являлся, так сказать, вынужденным торгом, ибо, как нам уже известно, частные лица крайне неохотно ехали торговать за море, не смотря на все поощрения и понуждения к этому со стороны власти. Но мы также знаем, что эти правительственные заботы о торговле в значительной степени парализовались уже самым существованием казенного торга. Такие заботы порождали лишь недоверие, и купцам приходилось начинать торги „не своею волею", как они сами заявляли в „комиссии о коммерции", мотивируя этою „не своею волею" свою просьбу об освобождении их от пошлинных сборов. Кроме того, русские купцы жаловались комиссии на то, что они потерпели „великие убытки", вследствие „незнания

[1]) А. д. т. сб., д. ком. о ком., № 83.

того торгу": продали свои товары за морем дешево, а купили иностранные товары дорого [1]). Это говорили купцы, торговавшие в 1724 г. по именному указу во Франции. Отсюда очевидно, на сколько запоздалы и в то же время утопичны были советы прожектеров, предлагавших, напр., „вывоз в чужие государства отнять у чужестранных купцов и отдать то своим" [2]). Советывать это ничего не стоило, а сделать это весьма было трудно. Правительство гораздо раньше подобных советов делало в этом смысле опыты; но они не удавались; „зависимость" от иностранцев не прекращалась, а прожектер тоскливо вопрошал: „какие способы употребить", чтобы освободить русских купцов от такой зависимости? и начинал фантазировать на тему о банке „из многих миллионов", которых хватило бы на всех; спохватившись, что занесся слишком высоко, он себя урезонивал в бесплодности таких желаний и в конце концов предлагал „подумать": нет ли какого-нибудь „иного способа достигнуть до сего намерения, сколь ни трудно кажется, удвоить капитал наших купцов"? [3]).

Положительные „способы"—поднятие промышленности и просвещения—признавались в теории наиглавнейшими, и со времени Петра Великого постоянно, до удивительного однообразия даже в выражениях, повторялись и самим правительством, и советниками; рекомендовалось завести „купецкий флот" и приохотить русских к мореплаванью; советывалось правительству воспитывать мореходцев не посредством рекрутства, которое являлось единственной и слишком недостаточной школой, а более рациональными способами: обучать „купецких детей" в специальных школах, посылать их в иностранные торговые города „с предписанием, чему и как там учиться", „соединяться в компании с иностранными купцами" и т. п. [4]). Но эти способы, кажется, указывались более из приличия, чем в твердой надежде, что

---

[1]) П. С. З. VII, 5274.
[2]) Р. И. П. Б., F. отд. II. № 55.
[3]) Р. И. П. Б., F. отд. II, № 55.
[4]) Ibid.

ими кто-либо воспользуется; это были общие места, служившие скорее самим авторам проектов, как нужные и нелишние для образованного человека добавления в писаниях такого рода, чем практическим задачам народной промышленности и торговли. Более существенным считалось устранение того, что *мешало* развитию торговли; указывали на то, что торг пойдет если „канцелярии всего государства" не станут в него вмешиваться, „под каким бы видом оно ни было", и это говорили, как официальные [1]), так и частные лица [2]), шедшие, впрочем, по следам самого правительства, которое давно нашло вред „канцелярий" даже в сфере управления торгово промышленным классом; говорили также и о том, что невозможно до тех пор преуспеть во внешней торговле, пока внутренняя „на добром основании не учредится", т. е. пока окончательно не будут уничтожены внутренние пошлины; „за нужное почитается", говорил прожектер, „все сложить, ежели какие еще остались сборы с товаров".... „Ежели корона из того какой доход и потеряет, то надобно вымыслить другой равномерный, который бы то заменил, словом, чтобы совсем внутри России торговля была неутесненная и свободная" [3]). Это говорилось в то время, когда уже очень много было испытано средств, чтобы „корона" не только не теряла прежних своих доходов, но и получала бы новые от торгово-промышленной сферы; но беда заключалась в том, что русский внешний оборот не мог освободиться от иностранной зависимости и в последующие за II гром Б. времена прожектер только и делал, что мечтал „об ином образе коммерции", когда минет „нужда в денежных задатках" и ко-

---

[1]) Чулков: Истор. описс. российск. коммерции. т. 3, ч. 2-я, стр. 214.

[2]) Автор «проекта» «о коммерции» видел препятствия к развитию торговли, между прочим, в разных «привязках и гонительствах» со стороны воевод и приказных людей, которые «под прикрытием исполнения по какому-либо указу» вели себя очень дурно «у разных отпусков и переправ», а также и «при таможнях, где под видом пересмотру товаров иногда без нужды разрывают и задерживают» (Р. И. П. Б., F, отд. II, № 55).

[3]) Ibid.

да „мы будем вольны какую хотим пошлину на товары налагать, такие, в которых на обности мало“ [1]).

В 1758 г., по предложению гр. И Ив. Шувалова, было постановлено вновь образовать при сенате комиссию о коммерции, которой, „по прежнему“, предлагалось „рассуждать“, „каким образом русскую коммерцию распространять в чуж странные области“ ... „как разделить русских купцов компаниями“.... и т. под. [2]).

В шестидесятых годах, к которым, повидимому, относится составление вышецитированного проекта [3]), в сущности, повторялись те же самые общие места „о коммерции“, какие высказывались в правительственных указах в начале столетия. Так, напр., в указе 1711 года высказывалась мысль, что для развития торговли полезно учредить свободный торг для всякого чина людей: и в цитированном проекте рекомендовалось „сочинить“ компании „из всякого рода людей, т. е. мещан, купцов и дворян, как то во многих государствах с великою пользою производится“ [4]) Вообще сходство в указаниях, советах и мнениях XVIII ст., касающихся торговли, поразительно и относится нетолько к самым общим пунктам, но и к некоторым излюбленным частностям. Существовало, напр., мнение, что армяне очень способны к персидскому торгу: такие экономисты, как Рычков и Гмелин были убеждены в этом [5]); если и возбуждалось сомнение в полезности армян, как посредников в азиатской торговле, то оно возникало в среде правительства.

---

[1]) Ibid.

[2]) Истор. России С. М. Соловьева, т. 24, стр. 240 и 241.

[3]) Проф Новороссийского университета М. Шпилевский приписывает составление этого проекта («о коммерции», Р. И. П. Б., F, отд. II, № 55); Ломоносову (Беседа, 1872 г. кн. I); А. Ф. Бычков, отрицая принадлежность проекта Ломоносову, относит составление его к ближайшему времени после смерти Ломоносова (1765 г.) (см. Петербургские Ведомости, 1872 г., № 92)

[4]) Р. И. П. Б., F, отд. II, № 55.

[5]) Рычков «обращаясь в торгах с азиатскими народами, как діалекты их языков, так и нравы»... армане «довольно знают» (Труды Вольного Экон. Общ. 1766 г., ч 2-я, стр. 97); Гмелин тоже хвалит армян, как знающих языки персидский и турецкий, а равно и обычаи этих стран. (Рассуждение «о каспийском торге», см. Ар. д. т. сб., д. к. о коммер. № 25).

В конце концов, из всех теоретических рассуждений 50-х и даже 60-х годов XVIII ст. вытекал лишь один вывод, что все в деле русского внешнего торгового оборота лежит еще впереди, в далеком будущем... Этот вывод был действительным фактом, а не результатом самообличения, и несомненно являлся показателем того, что все еще плоха была основа торговли—промышленность в стране. А между тем в первую половину XVIII ст. не мало было предпринято мер для усовершенствования промышленности. Количественная сторона этих мероприятий более или менее известна. Предстоит вопрос об их *качестве,* т. е. вопрос об их истинном характере, который может быть раскрыт только при ближайшем рассмотрении действительных *целей и интересов,* лежавших в основе правительственных мер.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПАНИИ.

IV-я Глава.

Заводско-фабричная компания, как средство удовлетворить потребностям правительства и развить обрабатывающую промышленность в стране.

Попытки к насаждению промышленного капитализма. Казенная и частная фабрика.

Никто, вероятно, не станет искать сколько-нибудь развитой заводско-фабричной промышленности в Московском государстве. Производительные силы и средства Московского государства были ничтожны; они находились еще в потенциальном, скрытом состоянии. Никому не новость тот общеизвестный факт, что громадное большинство древне-русского населения было очень неприхотливо и довольствовалось тем, что могло произвести само, у себя дома и для себя, а не для продажи.

Если брать в расчет только обрабатывающую промышленность, то до-Петровская Русь была по истине страной кустарей. И иначе быть не могло: предоставленный самому себе земледелец поневоле сделался кустарем. В некоторых случаях кустарная промышленность, в силу вековой практики, достигала такого развития, что произведения кустарей могли успешно конкурировать с произведениями заводов, которые в XVII ст. начали устраивать на Руси иностранцы. Так от 1674 года имеется показание, что существовавшие около Москвы три железных завода не приготовляли стали по той простой

причине, что в сбыте именно этого произведения заводы не выдерживали конкуренции с крестьянами, делавшими сталь при помощи „небольших ручных мехов“; железные заводы были принуждены также прекратить ковку гвоздей, потому что их ковали дешевле те же крестьяне [1]).

Но правящий класс Московского государства гораздо раньше этого времени уже не мог довольствоваться тем, что давали туземные ремесленники-вольные и невольные кустари. Прежде всего, конечно, почувствовалось отсутствие тех предметов, в которых явилась „нужда“ для самого правительства. Правительство первое и сознало необходимость обратить внимание на значительно более совершенную западно-европейскую технику и решило так или иначе ею воспользоваться... Ограничившись этими немногими замечаниями, я не стану останавливаться на общеизвестных фактах, в которых выразились первые попытки московского правительства в означенном направлении: такова, напр., — вербовка за границей архитекторов, мастеров для литья пушек, таково же вышеотмеченное ревнивое отношение князя к привозимым на Русь иностранным товарам и т. под. Торговые привилегии, данные англичанам, как тоже было замечено выше, были лишь дорогой платой им за то, что они согласились снабжать московское правительство предметами западно-европейской техники, главным образом, военного дела, в то время, когда шведы, ганзейцы, отзейцы и поляки хлопотали о том, чтобы все, в чем московиты начали нуждаться, продолжало оставаться для них недоступным. В этот момент английские привилегии были прямою необходимостью и потому они были полезны для Московского государства, т. е. для его правительственных сфер; потом же они сильно затормозили и угнели национальную торговлю, сделались чрез то безусловно вредными для государственной казны, и потому были уничтожены. Подобным образом по инициативе правительства были перенесены в Московское государство целиком *формы* западно-европейского производства. На первых порах обратились к помощи ино-

---

[1]) Кильбургер, стр. 160, 169.

странных заводчиков и фабрикантов; известно, что первые заводы и фабрики на Руси принадлежали иностранцам, [1]) точно также, как первые крупные торговые товарищества были здесь иностранными. Кн. Щербатов, написавший сочинение „о пороках и самовластии Петра В." и очень сочувственно отнесшийся к добрым нравам до-петровского прошлого, не пропустил однако того, чтобы отметить, что до Петра В. на Руси „не было ни фабрик, ни ремесл, а что и было, и то находилось в крайнем несовершенстве." И не было потому, что „не знали и не могли хотеть многих вещей, которыя Петром В. введены и нужны учинились." Это говорилось о национальной промышленности несомненно в том смысле, что на Руси не было тех форм производства, которые давно уже возникли и развивались на Западе, —что не было, словом, мануфактуры, фабрик и заводов [2]). Петру В. не трудно было понять, что зависимость от иностранного товара есть следствие неразвитой туземной промышленности, и, решив бороться против этой зависимости, все свои усилия направил к поднятию промышленности в своем государстве. Нерасположенный же к Петру В. иноземец Фоккеродт свидетельствует: чтобы „уменьшить количество иноземных товаров, привозимых в Россию и за то увеличить вывоз своих туземных," Петр В. „выбрал самый простой путь: развитие горного дела и заведение фабрик в царстве, какия обыкновенно заводятся в чужих краях." Тут-то и пришлось снова обратиться прежде всего к непосредственной помощи иностранцев: преобразователь нанимал европейских мастеров, поощрял их всякими способами переселяться в Россию и „заводить там фабрики." Северная война, хотя и отвлекала внимание Петра от внутренних дел, но, по свидетельству Фоккеродта, даже в это время царь „не опускал из виду" состояния промышленности в стране [3]). Едва ли даже не правильнее думать, что пот-

---

[1]) Кильбургер, 160—170 стр., Ibid—173 стр.

[2]) Некоторые попытки к таким промышленным предприятиям указывает Семенов в своем Изучении истор. свед. о Российской вн. торговле и пром., Часть 1-я, стр. 32—34.

[3]) Чт. О. И. и Д. Р., 1874 г., т. 2, стр. 74.

ребности войны и были самым главным импульсом в петровских мерах, касавшихся промышленности. При том такое освещение вопроса вовсе и не ново; это подметил еще Шерер, на которого ссылается Иван Герман в „Историческом начертании горного производства в Российской империи“: „война, говорит Шерер, „каковую Петр I-й долженствовал вести со Швецией, вселила в него мысль к таким учреждениям, которыя бы могли привести его в состояние продолжить оную с вящим усилием. Железные рудники, находящиеся по близости Тулы и сделавшие большую часть ея жителей кузнецами и оружейниками, казались для него способными к споспешествованию его намерений. Ружейная тульская фабрика была первая, которую он старался возобновить.“ Правда „железные рудники того уезда были отданы на откуп датчанину Розенбушу“ еще в царствование Алексея Михайловича, „с тем условием, чтобы он ежегодно доставлял известное число чугунных пушек, бомб, ядер и гранат; но сей откупщик вскоре нашел себя не состоянии удовлетворять умножению требований“ [1]). Правительственные указы, в свою очередь, гармонируют со всем только что изложенным; вместе с тем они показывают, что Петр В. пошел дальше своих предшественников: особенные надежды он возлагал также, как в торговле, на „компанейское“ содержание фабрик и заводов. И здесь, вследствие той же причины, какую мы видели в специально торговой области, Петр не скупился на льготы и привилегии, преобразователь не остановился даже пред освобождением фабрикантов и заводчиков „от служб.“ Это, впрочем, не было противоречием столь известному убеждению Петра В., что служить государству обязаны решительно все, входящие в его состав: занятие промыслами всякого рода Петр разсматривал, как ту-же „службу“ государству. Дальнейшее изложение будет подтверждением или, точнее,—иллюстрацией этого положения.

В 1721 (17-го января) Петр присутствовал в сенате. Речь шла о том, что фабрики „размножаются“ „для

[1]) Цитир. по названному в тексте труду П. Германа, ч. I, стр.— 1810 г., Екатеринб.

государственной пользы, для чего учреждены компании," в которые вступили разные лица и „особенно многие купецкие люди," что последние „определяются к разным делам, в службы," „от чего размножению фабрик может чиниться" „помешательство..." Петр „указал": „первый, который завод заведет, свободен от службы"; от службы будут свободны и те его товарищи, „которые от начала завода в полтора года в товарищество вступят"; „а которые после, те от службы не свободны, разве особливо необходимо того случай какой требовать будет, и за нашею рукою указ о том дан будет"[1]). На другой день, после этого постановления, было позволено покупать к заводам и фабрикам населенные места, с условием, чтобы купленные деревни были „уже неотлучно при тех заводах;" эта льгота мотивировалась тем, что „ныне" „купецкие люди" стали заводить фабрики и заводы на компанейских началах "к приращению государственной пользы," чего раньше не делали, занимаясь одним „купечеством" [2]). Кроме того, фабричные и заводские компании получили много других общих привилегий, вошедших в регламент мануфактур-коллегии, изданный 1723-м году. Монополия, снабжение казенной субсидией „с ведома сената", наследственность фабрик и заводов, отчасти специальный и льготный суд в ведомстве мануфактур коллегии [3]) — это все такие приви-

[1]) П. С. З., 17, № 3710.

[2]) П. С. З., VI, 3711. Однако в 50-х годах XVIII ст. стремление правительства поднять обрабатывающую промышленность было до известной степени парализовано охраной другой отрасли государственного хозяйства-лесов. В видах сбережения лесов было запрещено заводить фабрики и заводы близь Москвы и Петербурга (П. С. З., XIV, 10285; XV, 9141). Указом 1754 г. (3-го августа) в 200-х верстах от Москвы было велено уничтожить за известное вознаграждение „частные огнедействующие заводы" (XIV, 10,285). Как видно, правительство испугалось быстрого обезлесенья „близь" главнейших наиболее культурных центров.

[3]) П. С. З., VII, 4378. Монополия назначается в законодательстве осмотрительно („если какия мануфактуры заведены так," что от них есть толк). И вообще „надлежит коллегии осторожность иметь, когда кому имеется привилегия для утверждения какой-либо фабрики, то других, которые со временем такия же учредить похотят, не надлежит выключать,... ...ибо из равности между заводчиками не токмо размножение может происходить, но и достойнство оных и делаемые товары будут продаваться

легии, которые вместе с поименованными выше делали положение промышленных компанейщиков совершенно исключительным. Перечисленными привилегиями могла награждать промышленные компании мануфактур-коллегия, сносясь с сенатом в денежных вопросах; но дальше мы узнаем, что получаемое заводчиками непосредственно по указанию вышего правительства было в действительности гораздо больше того, что юридически предоставлялось „веденью" специального учреждения.

Лично Петр В. на столько страстно желал поскорее достигнуть своей цели, оживить и развить обрабатывающую промышленность в государстве, основать ее новые отрасли, что для этой цели он даже готов был по временам почти покровительствовать беглым помещичьим крестьянам, укрывавшимся на фабриках. Побеги были большим социальным злом и, как таковое, строго преследовались властью; но в данном случае они были удобны для вводимой промышленности, ибо правительство до известной степени утилизировало беглых для государственно-промышленного производства [1]).

посредственною ценою." Осмотрительность во всяком случае была излишней: дальнейшее в истории русской мануфактуры и фабрики вполне оправдало опасения законодателя. При освидетельствовании фабрик в 1730-м году было найдено, что у многих фабрик и заводов также, как и у торговых компаний (см. выше), „одне имя": они заведены не для производства, а для пользования... привилегиями, установленными для заводчиков и фабрикантов.

Суд над фабрикантами и фабричными „служащими" был „особливый" в Мануфактур-коллегии, „кроме государственных и криминальных дел" следовательно только гражданские „дель ведала" названная коллегия. При этом последней вменялось в обязанность споры в малых делах между мастерами и учениками решать *„без продолжения времени, дабы затем волокит не было,"* почему и было позволено практиковать словесную форму суда, а не письменную.

[2]) В 1722 г. (18-го Июля) Петр дал сенату следующий характерный указ: „Господа Сенат! Великому нам учинилось, что с фабрик учеников и работников отдают их помещики по последнему указу о беглых; но *понеже интересенты фабрик объявляют, что затем в фабриках их чинится остановка; того ради,* по получении сего об'явите указ, чтоб до нашего возвращения, *никому ни с которой фабрики учеников и работников оных б они ни были, хотя и беглые явятся, не отдавали и взятых возвратили.*" Было велено только приписать беглых (П. С. З., VI, 4035

Словом, все возможные средства пускались в ход, лишь бы водворить в государстве промышленность на европейский образец и прежде всего для государства, поступавшегося в этот момент многими прежними повинностями торговых людей по отношению к нему: теперь купцы, заводившие фабрики и заводы, освобождались на известный срок от податей и внутренних пошлин, от пошлин с документов, от постоя войск и т. д. [1]) Главным рычагом для поднятия русской промышленности Петр В. считал компанейское, коллективное начало в промышленных предприятиях; он, как бы, торопился, чтобы в России образовалось в короткое время побольше фабричных и заводских компаний, что достаточно усматривается из закона об освобождении от службы тех товарищей главного предпринимателя, которые присоединятся к нему не позднее, как через 1½ года от учреждения фабрики или завода; но и эта торопливость преобразователя охлаждалась тою же суровою действительностью, приходилось и тут убеждаться, что дело промышленного преуспения—медленное дело: „охотников мало,...“ сообщал Петр в 1722 м году (5-го Ноября) во всеобщее сведение, почему и „действия мало“ „виделось“ в произведении оного дела.“ [2]).

Отсюда понятно, почему в регламенте мануфактур-коллегии торопливость уже значительно ослабела: увидали, что она скорее может повредить, чем помочь делу: здесь был гласно отмечен тот печальный факт, что „подданные“ „не обык-

---

Здесь я привожу этот указ только для характеристики *отношения Петра В. к заведенному им фабричному делу*; вопрос о рабочих руках будет рассматриваться ниже.

О личном внимании Петра В. к фабричному делу см. Голикова—„Деяния Петра В.“ т. 15-й.

[1]) Подробности см. в имеющейся по этому вопросу литературе: Бурнашев—Очерк истории мануфактур в России; Семенов:—Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности“, ч. 3-я, стр. 225; Соловьев—История России, т. 18, стр. 172. П. Н. Милюков—Очерки русской культуры, Мир Божий, 1895 г., Июнь.

[2]) П. С. З., VI, 4055: „понеже народ наш, яко дети, неучения ради которые за азбуку никогда не примутся, когда от мастера не приневолимы бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех внешних дел, не все ль неволею сделано...“

ли" „капитала класть" в промышленное предприятие, „за неизнанием с начала, какая из того последовать может прибыль", почему и рекомендовалось приохочивать их к вступлению в промышленные компании „легкими манерами" [1]).

Таким образом заводско-фабричная компания, так-же, как и чисто торговая, не выросла естественно из туземной промышленности, а была *„учреждена"* государственною властью которая, испытывая великую „нужду" и руководствуясь западно-европейскими примерами, как „избывать" эту материальную „нужду", раньше своего торгово-промышленного класса сознала необходимость в крупных промышленных предприятиях, а следовательно и в их западно-европейской организации. Правительство, воспользовавшись чужим примером, само показывало пример русским людям: фабрики, в произведениях которых нуждалась армия, напр. суконные, были учреждены „на казенном коште;" но скоро выяснилось, что заниматься фабричным производством дело совсем не казенное, оно нисколько или мало развивалось, почему и признавалось властью, как временное, пока не представится возможность заменить „казенное содержание" деятельностью частных компаний. Мануфактур-коллегии было предписано в регламенте на ея имя: казенныя фабрики, уже заведенные, и те, которые будут заведены, передавать частным лицам. И это практиковалось до и после изгания регламента мануфактур-коллегии. Так в 1720 (17-го февраля) именным указом, объявленным из берг и мануфактур-коллегий, было велено составить компанию (и при том из довольно значительного количества купцов разных городов) и передать ей московскую суконную фабрику с тем, чтобы „умножить" производство сукна „не токмо к коммиссарству на мундир, но и на продажу и прочие расходы"; и даже так „умножить", чтобы „из-за моря в несколько лет вывоз сукон был прекращен". Можно думать, что казенная суконная фабрика довольно плохо удовлетворяла и казенныя потребности, так называемую „мундирную канцелярию"; ибо, передав фабрику частной компании, снабдив ее привилегиями, советами и деньгами и

[1]) П. С. З. VII, 4378.

размере 30000 руб. заимообразно на три года, без процентов, Петр снова прежде всего позаботился о „мундирной канцелярии", в которую он и повелел заплатить долг „по покупной настоящей цене" „сукнами и каразеями и стамеды, годными на полевые армейские полки"; даже по уплате долга компания сперва должна была удовлетворить „мундирную канцелярию", а потом уже продавать купечеству „немалым числом", при чем тот товар, который не будет принят в „мундирную канцелярию", было дозволено продавать „купечеству в ряды" 5 лет безпошлинно. По обыкновению было также приказано губернаторам и прочим начальствующим лицам „смотреть", чтобы компания не терпела ни от кого притеснений, чтобы, кроме того, эти лица вели своего рода пропаганду, убеждая других купцов вступать в компанию и „складывать" в нее деньги „без опасения" [1]).

Мало по малу некоторые, наиболее предприимчивые русские люди сметили выгоду от большого промышленного дела; в их руках оно закипело; они то и обратили на себя немедленно внимание радетеля о государственной промышленности — Петра В. В 1721 г. (15-го июня) император передал казанскую казенную фабрику купцу Микляеву, увидав, что он хорошо ведет свое собственное дело и что казенное содержание по истине следует „привести в доброе состояние". Микляев собрал компанию и „ту мануфактуру", как сообщает уже правительство Анны Ивановны, „умножил".

Особенностью этого „умножения" следует считать то, что оно произошло „без всякого казенного вспоможения и награждения, своим собственным капиталом". Вследствие этого, в 1729 году уже вдова Микляева с родственниками получила „в вечное владение" землю в Казани „под селение мастеровых и работных людей" (в длину 1052 саж., поперек 533 саж.). Правительство Анны Ивановны, „об'явив" за фабрикой привилегию, выразило надежду, что фабрика еще более после

---

[1]) П. С. З., VI, 3526; см. также „Обзор различных отраслей промышленности, т. 1-й, статья Васильева и Шерера: Шерстяная промышленность, стр. 147.

этого преуспеет и тем еще более „умножит“ „отдачу сукон“ „на армию и гарнизоны“.

Все же, что не употреблялось в „мундирное дело“, было предоставлено „продавать в Империи свободно и невозбранно, так как с других таких же мануфактур продается“ [1]). Отсюда мы видим, что урок, данный Петром В. русским купцам, не пропал безследно... Правда, под конец своего царствования Петр не был и не мог быть доволен общим состоянием промышленного дела в России; но раньше, напр., в 1706 году, когда Петра еще не посетили многие позднейшие разочарования, и он смело смотрел в будущее, неутомимый реформатор радовался „начинаниям“ и видел в них надежный результат своих забот; тогда он писал Меншикову: „сукна делают и умножается дело сие зело изрядно и плодлает Бог изрядный“ [2]).

Итак, если в общем развитие крупной промышленности в России двигалось очень и очень медленно приводя Петра В. в конце концов к убеждению, что самый лучший „путь“ к развитию—путь „неволи“, то в некоторых частных фактах промышленности и Петр В., и последующие правительства видели счастливые и редкие исключения в общем застое и тем с большей охотой готовы были поддерживать эти исключения своим высоким покровительством. К числу этих счастливых (конечно, говоря относительно) исключений принадлежали и „содержатели“—„Затрапезновы“, которые хотя и не имели привилегии, но свое фабричное дело „содержали“ „в добром состоянии“ и „со всяким усердием, не щадя своего капитала“, при чем некоторые товары (скатерти, салфетки, бумага) приготовлялись на их фабрике весьма удовлетворительно—„против заморских без охулки“. В 1731 г. (7-го сентября) было велено—„до привилегии, которая в правительствующий сенат внесена и апробована будет“—дать Затрапезновым от мануфактур-конторы указ „с прочетом“,—что-то, в роде временного свидетельства на привилегию:—

---

[1]) П. С. З. IX. 6805.

[2]) Голиков: Деяния Петра В.

эта публикация и грядущий указ „с прочетом“ были наградой за преуспеяние в фабричной промышленности [1])

Каково же было общее состояние созданной Петром В. фабричной промышленности?—на этот вопрос вполне точно отвечает Фоккеродт простым указанием на тот факт, что большая часть фабрик, заведенных Петром в России с помощью иноземных мастеров, должна была прекратить свое существование за малою доходностью предприятия [2]). Тем не менее Петр В. дал *тему* для дальнейших правительственных мероприятий в этой области; эта западно-европейская „тема“ повторялась в русском законодательстве и эксплуатировалась русскою жизнью дальше тех хронологических пределов, в которые поставлена тема настоящего труда вплоть до поворота в промышленной политике при императрице Екатерине II-й русское правительство заботится об „учреждении“ частных компаний, наделяя их более или менее важными привилегиями, до полной монополии включительно; бо́льшая же или меньшая щедрость власти в этом направлении зависела, как от самого спроса правительства на те или другие произведения мануфактуры, так и от того или другого „достоинства“ лиц, являвшихся предпринимателями, щедрость зависела также и от жалкого состояния известной отрасли промышленности [3]). Все это, мне кажется, будет достаточно подвертждаться нижеследующими примерами.

---

[1]) П. С. З., VIII, 5846.

[2]) Чт. О. И. и Д. Р., 1874, т. 2, стр. 75. П. Н. Милюков в списке 360 важнейших фабрик, существовавших в 1780 г., «насчитал только 22, уцелевших от петровского времени; между тем общее количество фабрик и заводов, открытых при Петре В., доходило до 100» См. Мир Бож., Июнь,—Очерки русской культуры). У Кириллова (1727 г.) показано «разных заведов (сюда включ. варницы, мельницы и т. под.)—233. (Цветущее сост., ч. II-я, стр. 108—133).

[3]) Привилегии и монополии в связи с покровительственными национальной промышленности тарифами могли вести только к сосредоточенью „национальной промышленности“ в немногих руках, а никак не к развитию ея в целом; меркантильная система, как на Западе, так и у нас, имела на первом плане материальные интересы государства, и ей, как системе именно финансового характера всего удобнее было иметь дело с немногими крупными торговцами и промышленниками, способными пополнять казну в широком смысле, т. е. и собственно казначейство, и мундирную канцелярию и т. под. Об этих немногих компаниях, фактически существовавших в

В 1735 г. (23 го декабря) было позволено завести фабрику особой компании из московских купцов для выделки плащеного и волоченого серебра и золота, а также для того, чтобы „золото и серебро прясть на шелк"; установив прежде всего правила приобретения на фабрику серебра на монетном дворе, указ затем освобождает компанию от пошлин в пробовильную палату, а компанейские дворы от военного постоя; компания получила монополию, но не получила казенной субсидии: напротив, указом повелевалось, чтобы каждый компанейщик вложил в дело капитал не менее, как в 3000 руб. А вот компания под фирмой купца Евреинова, пожелавшая завести в Москве суконную фабрику, получила из казны 10000 руб. займообразно, без процентов, получила также—мастеровых людей с российских суконных фабрик (Владимира Щеголина, Ивана Полуярославцева, вдовы Авдотьи Микляевой) для обучения на один год, мельницы безоброчно на 10 лет, дубовый лес, сколько окажется „потребно" на „инструменты и мельничное строение"; эти привилегии, а также освобождение компании от внутренних пошлин на десять лет—своим основанием имели казенные потребности: фабрика была обязана приготовлять „сукна и каразеи, потребные для войск" (указ 18-го сентября 1736 года) [1]). Далее

России и дававших все остальное, прямо не дававших жить этому остальному, мы никак, в конце труда узнаем из сетований Екатерины II-й. А теперь, мне кажется, из самой сущности разсматриваемой торгово промышленной политики должно быть ясно, что 300 фабрик 1780 года одним своим числом пока ровно ничего положительного не доказывают; возможно что многим из них также, как многим фабрикам 1730 года, было „одно имя".

[1]) П. С. З. IX. 6350; IX, 7060; Ibid М. А. М. Ю. Д.—Коммерц, Берг Мануф. колл и Главн. Магистр. т. 943: точно также в 1727 г. была об'явлена свобода от пошлин полотен и бумажн. фабрик Максиму Затрапезному и его сыну Ивану на 5 лет; воронежский купец Постовалов получил ту же привилегию на 10 лет с 35 по 46 г. включительно и т. д.; с этих двух фабрик и еще с одной «пошлин во взятье быть надлежало»—10,153 р. 34 к. Кроме того, освобождение от пошлин на известный срок получили 18 фабрик в промежуток времени от 35 по 37 год: сургучная одного иноземца, бумажные полотняные самый большой срок, шелковые, стеклянные хрустальные. С этих 18 «надлежало» получить пошлин 5977 руб. 14 к. с 1736-й по 1747-й год. Не лишнее прибавить, что Постовалов был освобожден от

отражение „достоинства“ компанейщиков. Путешествуя по Франции, Петр В. был очарован производством шелковых тканей в Лионе и некоторых других городах; не замедлило последовать и решение: завести шелковые фабрики в России. По свидетельству Фоккеродта, Петр поручил сделать это „трем богатейшим и сильнейшим господам: великому адмиралу Апраксину, барону Шафирову и графу Толстому, снабдив их „очень выгодными льготами“ и, между прочим, привилегией беспошлинного ввоза „богатых шелковых товаров“ из-за границы до тех пор, пока „их фабрики не будут в полном ходу“. Но „сильнейшие господа“ продали „эту льготу частным купцам за 20000 руб.“ вместо того, чтобы терпеливо дожидаться „полного хода“... [1]) С „сильными господами“ мы еще встретимся не раз в промышленных мероприятиях „ради государственной пользы“; теперь же только заметим, что официально привилегия на шелковое производство попала в руки армянина Ширванова,—получившего разрешение на учреждение шелкового завода в Кизляре [2]). Шелковое производство было новинкой в России, и в качестве новинки с надеждами на будущее эта отрасль промышленности усердно поощрялась и после Петра В.: не находя русских деятелей на этом поле, вызывали иноземцев и снабжали их привилегиями, значительность которых вполне обусловливалась именно новостью и надеждами.... Привилегии, полученные армянской компанией Ширванова, достаточно характеризуют правительственную заботливость по отношению к этой новой отрасли промышленности. Компания, кроме привилегий, общих с другими компаниями, получила и такие, которые давались далеко не всем: ей было предоставлено столько земли, сколько считалось необходимым „для сеяния сорочинского пшена и для прокормления и поселения работных людей“, в число которых было разрешено принимать армян, грузин и персиян, повидимому, даже без всяких письменных удостове-

---

ношлин с тем, чтобы «мундирные» сукна и каразеи приготовлял «с вящим прибавлением и наилучшею добротою» в количестве на первое время не меньше как 30.000 сукон на год (в 43 году — указ; П. С. З., XI, 8698).

[1]) Чт. О. И. и Д. Р. 1874, т. 2-й, стр. 74.

[2]) П. С. З., 8242, 8449; 8563.

рений [1]); кроме того, Ширванов с товарищи был освобожден от внутренних пошлин на 10 лет для „шелка и парчей", приготовленных на фабрике компании, на 3 года от внешних для шелка, поставляемого на фабрику из Персии, и безсрочно для инструментов и красок, получаемых, как из-за границы, так и из российских городов [2]).

Выше мы видели, что торговый оборот подчинялся потребностям фиска. Эта зависимость оборота от фиска, а также то обстоятельство, что не всегда можно было найти частных предпринимателей, неизбежно приводили к такой практике, которая шла в разрез с меркантильной теорией „свободного",—т. е. не казенного, но покровительствуемого казной,—торга. То же самое обнаруживалось и в сфере промышленности: и здесь мы видим господство той же простой необходимости. Решено отдать казенную фабрику в частные руки; но нет „охотников", и фабрика остается в казне до тех пор, пока, наконец, кто-либо не выищется. Так, напр., в 1752 г. московский первой гильдии купец Матвеев, испрашивая себе в вечное владение московскую суконную фабрику, указывал на то, что об „отдаче этой фабрики" „в компанию" публиковалось „неоднократными указами", „токмо и поныне никому не отдана" [3]).

Итак „нужда" казны об'ясняет для нас многое в истории торгово-промышленных привилегий XVIII-го стол.; но, как это будет видно из последующего изложения, далеко не все.

---

[1]) Указ говорит об обязательности «вида» только для Черкас (т. е. Малороссов) и Российских людей.

[2]) П. С. З., X, 8563; импер. Елизав. подтвердила указ импер. Анны, а последняя опиралась на привилегии, данные компании Петр м В.

[3]) М. А. М. Ю. Д. С. по Коммерц., Берг, Ман.-Кол. и Гл. Маи, т. 2698.

V-я Глава.

Колебание между казенным и частно-компанейским „содержанием“ в сфере русской промышленности [1].

Московский царь—верховный владетель земли и промыслов. Переоброчка беломорских рыбных и звериных промыслов при Петре I и сдачи их „в народ“ „ради государственной пользы“. Последовательное захватыванье наиболее выгодных статей государственной промышленности правящими лицами при вытеснении из этой сферы простых купцов. Ухищрения барона Шемберга и К° и гр. П. И. Шувалова около вопроса о казенных горных заводах Фальшивость в устах государственных хищников, присосавшихся к государственному капитализму, — лозунга „ради государственной и народной пользы“. Казенное и частное содержание казенных промыслов и отношение того и другого к „содержанию“ „партикулярных лиц, состоящих на государственной службе“, т. е. к вельможам, близким к трону. Властность и эксплоатация наиболее выгодных казенных промысловых статей шли рука об руку.

Еще до Петра на Руси хорошо понимали, что ограниченность русского торгового горизонта есть следствие слабого отечественного производства. Московское правительство стремилось поднять это производство наличными туземными силами, но, повидимому, без особой надежды на успех.

Предшествовавшая история русского купеческого класса действительно не давала даже таких фактов, которые свидетельствовали бы о сколько-нибудь резко выраженном жела-

---

[1]) Мы касаемся здесь наиболее выгодных статей промышленности; но исключаем соляное и винное дело: политика по отношению к этим доходным статьям государственного хозяйства может быть предметом особой работы даже для того хронологического периода, который взят нами для главного исследованья по вопросу о торгово-промышленных компаниях. Однако дальше мы будем не в праве игнорировать *социального положения* винных и соляных откупщиков, совершенно сливающегося с положением вообще частно-промышленных и торговых компанейщиков, из которых иные держали и винные откупа.

нии торговых людей добывать и разработывать *природные богатства страны*. Когда английская торговая компания обратилась к московскому правительству с просьбой о даровании ей права разработывать железную руду, то правительство прежде всего обеспокоило своих „гостей" вопросом: давать или нет англичанам просимое ими право; „гости" же ответили в том смысле, что следует „велеть" „английским людям" искать железную руду „в пустых местах": от такого, де, позволения не будет убытка ни великому государю, ни им, гостям, потому-что, если англичане не найдут, то они одни и убытки потерпят; а если найдут, то „русским людям кормление от того будет и железо будет дешевле, потому-что из государевой земли за море железо нейдет, а идет железо в государеву землю от них из-за моря"; да и самая находка железа в Московском государстве будет „диковинкой". При этом гости указывали на бывший уже пример: „английские же люди завели канатное дѣло, и от того было кормление многим русским людям бедным, которые у них работали, да и научились у них русские люди канаты делать" [1]).

Торговые люди Московского государства были в сущности барышники, пугавшиеся всякой инициативы и промышленного труда; конечно, были и исключения [2]), но не в них суть дела, когда речь идет *об общем явлении*: общее явление хорошо отметили сами гости в своем ответе правительству.

Понятно, что в до-Петровской Руси из даров природы удостоилось добывания и разработки только то, что было уже слишком на виду, само просилось в руки и не требовало денежного риска. Поразительное звериное, птичье и рыбное богатство северо-восточной Европы само наталкивало население на соответствующие промыслы, начало которых теряется в глубокой древности. Особенно Русь была богата рыбой в ее многочисленных и многоводных реках; там, где земля,

---

[1]) Власьев: Очерки государственного благоустройства России в XVII стол., стр. 530—531.

[2]) Напр., именитые люди Строгоновы.

при экстенсивном хозяйстве, родила плохо, население обращалось в рыболовов [1]), потому что эти местности, как раз, совпадают с наиболее обильными рыбой реками и озерами: таковы новгородские земли, таковы земли верхняго Поволожья, можно думать, что колонизация в Заволочье, к Белому морю, а также по Волге, к Каспию, была начата рыбными промышленниками; занятие рыболовством, конечно, не исключало звероловства: напротив, на севере и востоке крепко соединяло и соединяет оба промысла.

Обращаясь к московскому периоду русской истории, мы в данном случае eo ipso прямо переходим к тому моменту в истории наиболее выгодных промыслов („рыбных и звериных") старой Руси, когда правительство уже было их верховным опекуном. Московский период общей русской истории, как известно, и характеризуется тем, что „Великий Государь" был и считал себя собственником земли и всего, живущего на ней и сохраняющегося в ней: не раз указывали и выясняли, что это хозяин с властью абсолютного правителя. У верховного хозяина были слуги, которые награждались за службу землями и промысловыми угодьями, неперестававшими однако считаться государевыми [2]). На „звериные и рыбные" промыслы московское правительство также смотрело, как на одну из статей казенного дохода, хотя в конце XVII столетия они и находились в частном содержании. Когда потребовалось казенный доход от них увеличить, то правительству ничего не стоило вспомнить, напр., о беломорских промыслах и посмотреть на них с надеждой, нельзя ли каким либо способом улучшить их состояние и получить больший доход, чем они давали раньше [3]). А тут, к тому же, явились люди,

---

[1]) Schnitzler: Statistique et itineraire de la Russie. Paris, 1829, ч. I, стр. 32, как одно из многочисленных восхищений рыбным богатством России; здесь poissons, по слов. автора., dans de vastes contrees sont presque la seule nourriture de toute la population...

[2]) Не переставали считаться таковыми и те, которыя отдавались за деньги, состояли на оброке и даже продавались.

[3]) В 1699 г. у города Архангельска с рыбы и сала было велено брать в казну с 1000 рыб трески по 16 рублей, а с сала трескового за десятый пуд по 15 алт. за пуд и тамож. пошлины по указу (С. О. Огородников: Очерк

чужие и свои, которые взирали на эксплуатацию промыслов у Архангельска алчными глазами. В 1698 г., когда царь Петр проживал в Амстердаме, некто Небель, человек торговый, предложил вниманию московского царя проект, в котором доказывалась необходимость учреждения компаний для того, чтобы русские северные рыбные и звериные промыслы успешно прогрессировали [1]). Проект был далеко не безкорыстен, потому-что Небель просил прежде всего для себя привилегии, а потом уже обещал постараться на пользу государства; на будущее время он успокоивал Петра следующим: „мое главнейшее намерение", писал он, „такое имеется, чтобы по прошествии нескольких лет, ежели сия компания (т. е. его и товарищей) „прямо утвердится, чужестранных участников добрым порядком из оной вывесть" [2]). Но „добрый порядок" не убедил Петра в необходимости отдать лучшие русские промыслы иностранцам: Небель потерпел полную неудачу.

Относительно беломорских промыслов затевалось нечто иное. В 1704 г. (6-го января) вышел именной указ, в котором об'являлось, что Государь „всего своего государства рыбныя ловли, которыя были на оброке и безоброчно и которыя были даны помещикам и вотчинникам за службы по пожалованным грамотам в вотчины, а иным в поместные оклады, вместо четвертныя пашни, а иным в угодья" повелел „все что ни есть взять за себя великого Государя и ведать и отдавать из ижерской канцелярии... откупщикам на оброк с торгу из наддачи" [3]). Это распоряжение, если оценивать его с современной нам точки зрения, нарушало частную собственность („вотчины"), было ее экспроприацией; по понятиям же тех времен, это распоряжение было восстановлением полной собственности государя, так как в тот экономический момент „все что ни есть" было и считалось государским. От-

---

истории города Архангельска в торгово-пром. отн., стр. 182. См. также. прилож. к стр. 70.

[1]) Ibid.

[2]) Ар. Д-та Там. Сб.—Д. Комиссии о коммерции, т. 221.

[3]) П. С. З. IV, 1956.

меченное распоряжение [1]), разумеется, было вызвано финансовыми причинами и соображениями... Правительство в лице Петра надеялось получить от промыслов больший государственный доход; но только ли государственным интересом исчерпывались надежды не Петра, а других лиц, пользовавшихся большим или меньшим доверием царя, вот вопрос? Есть основание думать, что к государственно-финансовым соображениям самого Петра примешивались финансовые же соображения Меншикова и К°. По всей вероятности этот временщик очень рано смекнул, что промыслы Белого моря весьма удобно утилизировать для своих „нужд". К тому, чтобы завладеть ими вполне и оффициально на законном основании,—он подобрался не сразу, постепенно; но, кажется, фактически Меншиков завладел промыслами раньше той хронологической даты, когда был об'явлен указ об отдаче рыбных и сальных промыслов на Белом море компании Меншикова [2]). Этот последний указ состоялся 13-го августа 1704 года. Компаньонами Меншикова были Павел и Петр Шафи-

---

[1]) Равно как—указ 21-го января (1704), объявленный из Разряда,—о переоброчке отдаваемых на откуп мостов, перевозов, мельниц, рыбных ловель и прочих статей; оброком и сбором денежной казны „и всякими делами" было велено «ведать»: мельницы Степану Коровину, рыбные учуги и ловли Петру Кикину, торговые бани Алексею Синявину; мосты и перевозы и т. п. д. Михаилу Гуляеву. «А писать в грамотах великаго Государя и в указе и во всяких делах имя губернатора Александра Даниловича Меншикова» (IV, 1959).

[2]) Сначала Меншиков был об'явлен начальником над всеми рыбными ловлями; при такой постановке дела ему можно было сделаться и хозяином наиболее выгодных из них; может быть, даже было и так: сначала Меншиков был фактическим владетелем этих промыслов, потом сделался начальником в качестве архангельского губернатора над всеми рыбными ловлями и, наконец, уже оффициально хозяином тех промыслов, которыми уже он пользовался раньше, как частный владетель. По крайней мере, в бумагах М. А. М. Ю. (С. Д. по Коммерц, Берг Мануф.-К. и Гл. Магистр., т. 915, здесь сказано даже: «по имянным указам» в 1703 и 1704 гг. велено салу и проч. «быть в компании бывшего князя Меншикова», см. прилож.), мне попалась ссылка на 1703-й год, как на время, с которого беломорские промыслы поступили в содержание Меншикова. Затем 14-го января 1704 года, после указа об отнятии промыслов у частных лиц (6-го января того же года) было велено «ведать рыбныя ловли всего государства оброкам и денежным доходом в Семеновской Приказной Палате и для того сбора окладныя книги и всякия о рыбных ловлях откупныя и оброчныя ведомости...

ровы, Иван Григорьев и Степан Копьев. В указе было сказано: „промыслы сала ворванного, моржевые, тресковые и иных зверей, которые были производимы вольными людьми“ отдаются в компанию „для большего размножения и вспоможения торговли“; и далее: „с тем, чтобы тем компанейщикам оный промысел к государственной прибыли умножить, а иным никому не промышлять“ [1]). Иными словами: устанавливалась полная монополия с тем, чтобы развить „производство“ промыслов, чтобы чрез то развить торговлю, и чтобы чрез все это „умножить“ государственные доходы. Компания Меншикова вела свои дела до 1721-го года, когда снова было велено беломорскими промыслами владеть „всем промышленникам невозбранно“ с платой за то установленных пошлин; при этом было упомянуто, что дозволяется такое владение до нового указа [2]). Стало быть, это была временная мера: Петр В. вовсе не хотел оставлять промысловое дело на севере в том положении, в каком оно находилось до учреждения компании под фирмой Меншикова... В 1721 г. из среды московского купечества явился гость Матвей Евреинов и изъявил согласие взять беломорские промыслы в „содержание“; формально он и получил их в компанию под фирмой московского гостя Евреинова с братьями [3]), но это правительственное распоряжение не было реализировано [4]).

взять в Семеновскую Приказную Палату к губернатору, к *Александру Данил. Меншикову* (П. С. 3, IV, 1958). Указом 21-го января (1704 г.) все дела о переоброчке казенных статей было велено вести *на имя Меншикова* (см. пред. прим.) и, наконец, 16-го августа того же года было объявлено об отдаче рыбных и сальных промыслов у Архангельска Меншикову и К° в частное содержание безоброчно „для размножения промыслов“ „к государственной прибыли». О пошлинных сборах с компанейского товара Меншикова нам известно только то, что было велено платить «по прежнему обыкновению, (П. С. 3. IV, 1988 и М. А. М. Ю. С. Д., т. 915); в специальном исследовании г. Огородника, очевидно, долго работавшего в архивах, не приводится ровно никаких данных относительно получений казны от компании Меншикова.

[1]) П. С. 3. IV, 1988.

[2]) Огородников цит. соч., стр. 184.

[3]) П. С. 3, VI, 3841.

[4]) Г. Огородников, не приводя сейчас процитированного указа (30-го Октября 1721 года), думает (стр. 184). что Евреинов предъявил такие широ-

В 1723 году (8-го ноября) был издан указ о заведении компании китовой ловли и о приеме в нее иностранцев наравне с русскими. Иностранцы явились, но из этого предприятия, которое так занимало Петра В., ничего не вышло, кроме убытка для казны [1]). Будучи лишь организованы при Петре, казенные китоловные операции закончились в 1729 году. Кто виноват в неудаче этого дела, кроме сил природы,— трудно решить. Впоследствии специальное учреждение, размышлявшее о промыслах и торговле (комиссия о коммерции), было того мнения, что все убытки, понесенные казной в северных промыслах и вообще все неудачи русской промышленности следует отнести на счет иностранцев, которые „всякое зломысленное препятствие чинят, имея, без сомнения, в том тайный запрет от своих магистратов и торгующих людей, занимающихся тем же китовым промыслом, чтобы не дать ходу нашим промышленникам, как и прежде сего о заведении фабрик Российских гамбурцы и голландцы всякими образы тщилися чинить" [2]). Может быть, это и так, но во всяком случае правительство в это время (т. е. при Петре В. и до воцар. Анны) старалось стоять на страже русских интересов. Так, когда один из директоров казенной китолов-

---

кие права на эксплуатацию промыслов", что царь „решил все дело оставить по старому"; но г. Огородников, приводя из бумаг Архива Д та Там. Сборов—указ Петра В. об оставлении беломорских промыслов в „нево бранном" владении охочих людей, не хочет, повидимому, обратить внимание на то, что условия Евреинова были *официально уже приняты царем*, как это явствует вполне определенно из указа, напечатанного в Полн. Собр. Зак. (VI, 3841). Вообще, кажется, вернее предположить какие-то „особые обстоятельства", на которые Евреинов намекает в своем прошении в 1730-м году, когда он снова обратился к правительству с просьбой об отдаче ему в компанию беломорских рыбных и сальных промыслов.

[1]) П. С. З., VII, 4349; на сколько же это предприятие интересовало самого Петра видно из того, что в указе 1724 года (20-го января)—„об учинении особого начальства по экономии" Петр В. снова обращается к вопросу о китоловном промысле и собственноручно пишет: „1) ежели есть деланные корабли, а буде нет, велеть сделать 3 или 4; 2) мастеров вывесть 6 человек, которые бьют китов; 3) мастера послать, дабы выучить солить треску" (П. С. З. VII, 4420; Ibid. в Сенат. дел. Московск. Ар. М. Ю. т. 975; см. и у Огородникова—Истор. города Арханг., стр. 184—186).

[2]) Огородников, стр. 186.

ной компании бранденбургский купец Вернизобер обратился к Петру В. (1723 г.) с прошением об отдаче ему беломорских промыслов в монополию на 15 лет, то получил отказ, мотивированный именно тем „вредом“ и даже „разорением“, которое будет причинено этой монополией „российским промышленникам“ [1]). В 1729 году известный уже нам Небель, фигурирующий теперь на русской службе в качестве обер-фискала, снова подает правительству проект об учреждении на Белом море китоловной компании, но снова терпит поражение в своих исканиях поживиться на счет китов и русских промышленников [2])...

Но взглянем поближе, как дальше пошло дело, едва начатое при Петре Великом; при чем постараемся держаться фактов.

В 1726 г. президент коммерц-коллегии барон Шафиров был отправлен в Архангельск „для собрания китоловной компании“. Китоловной компании Шафиров не собрал, но за то написал в сенат „донесение“: он, де, „не чает“, говорилось здесь, „склонить кого-либо ко вступлению в китоловную компанию“, потому что хотя он не только „изустно“ уговаривал и склонял, но даже обнадеживал милостивыми привилегиями, но тем не менее убедить не мог никого. Пропаганда, будто бы, велась им в продолжение всего пути до Архангельска.

---

[1]) Ibid., стр. 184; разумеется, как один из двух директоров китоловного промысла, Вернизобер мог делать крупные злоупотребления и даже способствовать неудаче операции промысла; впрочем, другим директором казенного промысла был русский—Н клодов..

[2]) Ар. Д-та Т Сб., № 221—Д Комм. о ком.: Небель ничего не достиг не взирая на то, что его уполномоченный, некто Гартон, подданный его цесарского величества «римского», обнадеживал Небеля в письме из Москвы следующими словами: „как я присланный от вас проект его сиятельству господину графу Остерману вручил, то он мне *немедленно и, не читав оного* ответствовал: я о тем интересантам, которые, не требуя никакой государственной денежной суммы, сие в доброе состояние привести хотят, такую привиллегию исходатойствовал, которою они довольны быть бы“.. Очевидно были „способы“ обходить охранение „русских интересов“, завещенное Петром В., и эти способы обретались в правительственных же сферах. Если Небель потерпел неудачу, то это конечно, не устраняет возможности внедрится иностранцу в северный промысел, как это и будет видно из дальнейшего изложения.

„а именно в Ярославле, на Устюге, на Вологде, на Тотьме".

Во всех этих городах барон „усмотрел" „крайнюю нищету, что не токмо кому из тамошних жителей в ту компанию вступить, но и денной пищи, почитай, никто не имеет" [1]).

Пришлось вести китоловное дело по прежнему казенным порядком. Барон Шафиров успел образовать только семужную компанию из *одного иноземца* и нескольких архангельских купцов; в эту компанию он, впрочем, вступил и сам; он даже испрашивал у правительства, чтобы „одной их компании" было позволено отправлять семгу и за море, и на внутренний рынок; но верховный тайный совет указом 1728 года (31 мая), согласно с мнением комиссии о коммерции, дал компании монополию лишь на заграничный отпуск, а в монополии на внутренний отпуск отказал [2]).

Далее о семужной компании известно, что ее операции принесли значительный доход не только ей самой, но и казне [3]).

Совсем иная речь о китоловном промысле. Прошло ок. 3 лет после поездки в Архангельск барона Шафирова, а правительство всё еще печаловалось о том, что не образована китоловная компания; „в мнении" камер-коллегии „было показано", что отдать китоловный кольский промысел частным людям „за полезнейшее разсуждается"; камер-коллегия полагала, что если уже не возможно составить компанию для китоловного промысла, то всетаки следует как-нибудь его поддерживать и даже развивать, „дабы употребленные в тот промысел деньги не пропали" и дабы „служителя" „из Российского народа" не забыли того, „чему научились" [4]). В этот критический момент на сцену торгово-промышленной политики снова выступает московская фирма Евреиновых. В 1730 г. (17-го сентября) один из них, именно Андрей Матвеевич Евреинов, подал в сенат докладную записку („доношение"), в которой он рассказывает целую историю, имею-

---

[1]) М. А. М. Ю, С. Д. по Коммер, б. и ман. Кол., т. 915.

[2]) П. С. З., VIII, 5377.

[3]) Огородников, стр. 187; смотр. также М. А. М. Ю. С. Д. по К., В. М. К. и Гл. М., т. 915.

[4]) М. А. М. Ю., С. Д., т. 915.

щую близкое отношение к нашей теме. Евреинов начинает с воспоминания о том, что отец его имел в царствование Петра В. „великие торги“ с Персией, при чем платил „немалое число“ государственных пошлин с вывоза в Астрахани, „именно каждый год не меньше 7000 руб.“, также и с персидских товаров „не малое число;“ словом, по показанию Евреинова, торгуя с Персией, его отец доставлял правительству ежегодно „по 20000 руб. и более.“ Всё шло, следовательно хорошо; но вот в 1721 году случился в Шемахе бунт. Отец Евреинова при этом потерпел от разграбления убытку около 200.000 руб.; если бы „не древний кредит,“ то он сделался бы нищим, но „за помощью Божьею“ и поныне платят они, Евреиновы, с товаров в казну „немалое число“ пошлин, „хотя торговый промысел их гораздо умалился“. Петр В. во время своего похода в Персию „обнадежил“ его отца на счет „награждения“, которого однако и „поныне не учинено.“ Кроме того, еще прежде бунта и не „в награждение“, в 1721 году указом государя старику Евреинову были отданы в компанию у города Архангельска и в Коле моржевый, китоловный, тресковый „и иных морских зверей“ промыслы на 30 лет. Это именно говорится о той отдаче, которая так и осталась только на бумаге. Теперь представитель фирмы Евреиновых просил эти промыслы „в содержание,“ говоря, что отдача их и будет неисполненным „награждением“ Петра В. Евреинов просил „отдать им во всем так, как отцу их были отданы,“ и обещал доставить казне большую выгоду, если все беломорские промыслы сосредоточатся в одних руках, в его „компании.“ Проситель убеждал правительство указанием на „великий убыток“ для ловцов, который соединяется с многохозяйвем промыслов: скупщики обижают бедных ловцов, „заговариваясь между собой в покупной цене.“ Евреинов не довольствуется, понятно, изображением своей компании, как освободительницы бедных ловцов от многих скупщиков, устраненных одним скупщиком с одной своей ценой: нет, он показывает правительству и казенную выгоду; дело в том, что если их компании будут отданы беломорские промыслы, то Евреинов отваживался взять даже тот самый китоловный про-

мысел, на котором правительство не так давно потерпело большой убыток и на котором, по сообщению Евреинова, вообще бывают частые убытки даже для *старых иностранных* промышленников. Впрочем, этот роковой промысел „на Грунтланте“ Евреинов брал с условием, чтобы казенные корабли были отданы компании „вечно и безденежно“; „безденежно“ даже и в том случае, если те „корабли на море разобьет.“ Сверх всего этого, Евреинов просил не брать пошлин с судов, которые компания будет строить у города Архангельска, а также с провизии и с тех товаров сала и кости, которые с „Грунтланта“ они привезут в Архангельск и Колу; это—товары новые и поэтому их не следует, по мнению Евреинова, „отягощать“ пошлинами. Обратившись еще раз к скупщикам, Евреинов настаивал на том, чтобы правительство прямо-таки запретило ловцам продавать скупщикам свою добычу у Архангельска и Колы и таким образом спасло их от угнетения. Указом 1731 г. (27-го января) просимые Андреем Евреиновым промыслы были отданы ему с братьями в компанию, как сказано было, на тех же условиях, на которых старый *указ* отдавал их Евреинову—отцу; исключению подверглась лишь „рыба треска, которая в 1730 г. (30 апреля) была уволена в народ.“ Отдавая эти промыслы Евреиновым, правительство внушало, хотя и не так настойчиво, как прежде (ук. 1721 года),—чтобы они в свою компанию *никого не принимали, кроме купцов*“ [1]).

Хотя беломорские сальные промыслы[2]) фирма Евреиновых и получила на 30 лет, но пользоваться ими ей пришлось недолго. Б. Петр Шафиров, один из прежних содержателей этих промыслов и один из современных участников семужной

[1]) П. С. З., VIII, 5687; ibid. в М. А. М. Ю. С. Д. по К., Б., М. Кол. и Гл. М. т. 915. В *печатном* указе 1731 г. этого ограничения состава компании одними купцами не имеется; но означенное ограничение указа 1721 года мы находим в *рукописном* указе 1731-го года.

[2]) Так как главною приманкою для промышленников были промыслы на Белом море, то я, ради краткости, и дальше б. ч. называю северные рыбные и сальные промыслы «беломорскими;» ради краткости, называю их также и «Архангельскими,» так как главная контора больших содержателей северных промыслов находилась в Архангельске.

компании, этой выгодной отрасли беломорских промыслов, очевидно, не выпускал из виду беломорской промышленности в ея целом и питал надежду снова завладеть всеми ея отраслями. Мы не имеем фактических данных для решения вопроса, почему б. Шафиров не перехватил беломорских промыслов у Евреиновых раньше 1734 года; вероятно „обстоятельства“ сложились так, что нельзя было этого сделать, и промыслы на некоторое время остались в руках у Евреиновых получивших их законодательным путем на три десятилетия. Впрочем, если б. Шафиров почему-то не мог перехватить сальных промыслов, то у него было много шансов выхватить их у Евреиновых в скором времени: не даром же он был президентом коммерц-коллегии и сенатором. В 1734 г. б. Шафиров бил челом пред сенатом, прося отдать ему беломорские промыслы. Как водится, и он разсказал историю со своей стороны: сообщил о том, что эти промыслы были пожалованы ему „за службы,“ что затем к нему в компанию присоединился кн. Меншиков [1]), что в 1721 году промыслы было велено отдать в компанию „купецких людей“, что затем в 1722 г. они были отданы в народ, а затем в казенное содержание и т. д. Говоря о последовавшем затем „содержании Евреиновых, б. Шафиров, сделал весьма отрицательную характеристику этой „купецкой“ компании, опираясь при том на свой оффициальный авторитет президента комерц-коллегии. „В коммерц-коллегии видно“, писал он, „что те промыслы и в той компании не только не размножаются“, но даже „и впредь“ на это нет надежды. Вот он, барон Шафиров, другое дело: „он действительный тайный советник, служит Ея Импер. В ву у многих важных дел, в сенате и коммерц-коллегии“. И „действительный тайный советник“ осилил московского купца. 4-го апреля 1734 же года беломорские промыслы были отняты у фирмы Евреиновых и отданы б. Ша-

[1]) В указе 1704 года компания эта соединяется прежде всего с именем Меншикова; по быть может, Меншиков сначала выставил вперед Шафирова, а потом и исоединился к нему оффициально, владея промыслом неоффициально именно с 703 г.; — к этому неоффициальному владению, может быть, и относится позднейшая ссылка, попавшаяся нам в архивном материале.

фирову на 10 лет, на тех же условиях, как и „купецкой“ компании, с платежем лишь установленных пошлин. Получая промыслы, б. Шафиров обязывался принять в компанию двух человек из архангельского купечества [1]).

Эта фирма тоже существовала не долго, всего 4 года. 1-го марта 1739 года П. П. Шафиров умер, и беломорские промыслы перешли в руки новой компании под фирмой барона Шемберга. Поводом к отнятию промыслов раньше срока у наследников б. П. П. Шафирова могло быть выставлено всё, что угодно, включая сюда и пьяное поведение сына президента коммерц-коллегии—Исая Шафирова [2]), но *причина* такого несоблюдения правительством всенародно об'явленных „кондиций“ лежала гораздо глубже и заключалась она в аппетитах захвативших власть людей. Размеры этих аппетитов постепенно выясняться пред нами; не забегая вперед, теперь я лишь отмечу то, что б. Шемберг был выставлен в качестве лица, которое признавалась весьма способным усовершенствовать наиболее важные статьи русской промышленности. В числе наиболее важных статей к тридцатым годам (XVIII ст.) безпорно первое место стало занимать горное дело, к которому русские купцы, как мы видели, сами и не желали приступать в XVII стол. Если горное дело так сильно подвинулось вперед в XVIII ст., что правительство именно от этой отрасли промышленности стало ожидать наибольший доход [3]), то этому горное производство обязано энергичной деятельности Петра В. и его немногих помощников.

Петр положил крепкое основание для русской горной промышленности. Начав её, по необходимости, государственными и административными средствами, Петр В., когда попадался ему мало-мальски предприимчивый человек, способный самостоятельно дальше развивать начатое дело, сейчас же передавал последнее из казенного в частное содержание. Так, напр., Невьянский завод очень скоро после его пост-

---

[1]) М. А. М. Ю, С. Д. т. 915

[2]) Материалы к истории горного промысла и царствование импер. Елизаветы Петровны, г. Рожкова, стр 27.

[3]) Разумеется, исключая соляное и винное дело.

ройки был отдан Петром Демидову [1]); эта передача казенного завода частному лицу относится к 1702-му году, а в 1721-м году (21-го января) в одном из своих указов (а также в указе 1723 г.) преобразователь говорит уже о „многих купецких людях", которые „возымели" желание „компаниями" „заводить вновь разные заводы", серебренные, медные, железные, „из которых многие уже в действо произошли" [2]). При известном количестве частных горных заводов горное дело в большинстве его пунктов продолжало находиться в казенном „содержании" довольно долго и после смерти великого основателя этого дела [3]). Но так как в руководители горными промыслами с самого начала попали умелые и добросовестные люди, то государство очень скоро, после смерти Петра В., *и от казенной разработки* „подземных богатств" стало получать очень солидный доход. Сменивший энергичного В. И. Дегенина, еще более энергичный В. Н. Татищев „довел" горное дело до того, что уральские заводы „давали государству от железа и меди до 100 тыс. рублей чистого дохода, а в будущем могли обещать еще более" [4]). Отсюда понятно, почему горные заводы обратили на себя внимание даже и не промышленников только по профессии. В 1736 г. все казенные заводы были отданы под управление особого вновь созданного учреждения, берг-директориума, заменившего собою прежнюю берг-коллегию. Во главе этого нового учреждения был поставлен генерал-берг-директор, барон Шемберг, вызванный герцогом Бироном из Саксонии для усовершенствования русского горного промысла. В 1738 г. генерал-берг-директор подал на высочайшее имя доношение, в котором излагалось следующее. Прежде всего барон Шемберг „приметил", что „горное дело по сие число" не особенно развилось,

---

[1]) Н. А. Фирсов: Инородческое население прежнего Казанского царства и колонизация закамских земель, стр. 236.

[2]) М. А. М. Ю, С. Д. по Б.-Кол., т. 2710.

[3]) Существуют сведенья о горных заводах при Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайлов., но несомненно серьезным основателем горного промысла следует считать Петра Великого.

[4]) „Материалы к истории горного промысла"—горного инженера г. Рожкова, стр. 3.

и что, вследствие этого, казенные доходы „не так довольны, как им быть надлежало“. За тем барон находил, что „приватные люди“ не имеют достаточно желания и ревности к заведению горного промысла или же очень бедны и денежным капиталом и рабочими руками, что, с другой стороны, и одно казенное содержание не может считаться вполне достаточным для извлечения государственных доходов из горного дела и что „по его рассуждению“ правительство больше получит прибыли, если заводы будут совершенствоваться „не единым казенным коштом“, но и „иждивением приватных людей“.

При этом барон указывал на пример Саксонии. „А понеже“, продолжал саксонец, „в недавнем времени представлено“, что в Верхотурском уезде при горе Благодать существуют заводы, которые испрашивает в содержание Петр Осокин, „по некоторым неправильным кондициям“, „то он, барон Шемберг“, эти заводы „на себя принять готов“.

Это заключение, противореча не только интересам Петра Осокина, но и логике, очень хорошо вело к ближайшим целям барона. Он хотел получить в свое владение не одни заводы, но и казенную сумму, которую обещал возвратить по окончании года. Кроме гороблагодатских заводов, б. Шемберг желал получить местности в Лапландии и по Белому морю „для построения вновь заводов“ [1]) Все, что просил, барон намеревался получить „в потомственное владение“ с правом строить фабрики на испрашиваемых местах, „сколько потребно будет“, с правом безконтрольной торговли своими товарами: чтобы „ни в котором виде“, пояснял генерал-берг-директор, „никто его в том не отягчал и препятствия не чинил“; затем он просил, чтобы к его заводам были приписаны крестьяне, не только в том количестве, которое будет необходимо для начатия дела, но и сколько „потребно“ будет „впредь, когда заводы размножатся“. На первое время барон довольствовался 1000 душ. Он просил также дозволения в случае нужды выписывать из-за границы „горных и плавильных людей“. Вместе со всем этим барон желал бы, чтобы его заво-

[1]) «От стороны восточной моря до Колы и по Белому морю... один дистрикт от 50 верст длиною».

ды были освобождены от всяких нынешних и будущих податей, налогов и пошлин, чтобы „потребные с'естные припасы“ и разные материалы были освобождены от пошлин и на этот раз „по примеру Акинфия Демидова“. Что касается „припасов“, то о них должно было похлопотать, ибо барон желал сам явиться продавцем этих „припасов“ своим рабочим, прося даже запретить последним самостоятельно, в других местах, приобретать для себя вино, табак, пиво „и прочие харчи“. Такая опека над рабочими мотивировалась желанием барона не только развивать российскую промышленность, но и следить за российской нравственностью: —удерживать рабочих от „непорядочных поступков“. Свое прошение о таких исключительных привилегиях заканчивает так: „дабы на все вышеписанное за собственным Ея Импер. В—ва руки подписанием ему привилегия была дана и о том печатными указами во всей Российской империи публиковано было“ [1]).

Доношение б. Шемберга написано в очень самоуверенном тоне: видно, что он не расчитывал на отказ. Но тем не менее, чтобы придать всему этому предприятию наизаконнейшее основание, была образована комиссия „о горных делах“ прежде всего для обсуждения принципиального вопроса, какое содержание горных заводов наиболее выгодно для государства, казенное или посредством частных компаний, а потом уже для обсуждения прошения барона Шемберга. В эту комиссию вошли следующие члены: гр. Миних, б. Петр Шафиров, кн. Александр Куракин, гр. Михайло Головкин и гр. Платон Мусин-Пушкин. 14-го июня 1738 года комиссия о горных делах уведомила императрицу, что „определенные“ в нее „члены в порученное им дело“ вступили 3-го июня и слушали дела, переданные сюда из кабинета, „в присутствии генерал-берг-директора фон Шемберга“. Выслушав же, постановили: „как старые действительные, так и новоучрежденные казенные горные заводы“ отдать „партикулярным людям в компании“; об этом публиковать „во всем государстве“, чтобы „охочие люди, как российские, так и иностранные являлись“ „в коммиссию о горных делах“ с об'явлением своих

[1]) М. А. М. Ю. С. Д. по В. Кол., т. 1507.

условий; с ними-то и будет „чинен договор“ „по взятому от генерал-берг-директора фон Шемберга мнению по рассуждению учрежденной коммиссии“. На это дополнение „воспоследовала“ высочайшая резолюция: составить формуляр публикации „с общего согласия“ с генерал-берг-директором. Общего соглассия однако не состоялось. В некоторых пунктах комиссия о горных делах не могла столковаться с горным директором, примирившись с ним в других.

Посредником между спорившими сторонами явился гр. Остерман, один из членов кабинета. Этот влиятельный государственный деятель представил свое особое мнение, с которым, равно, как и с мнением коммиссии, нам не мешает познакомиться поближе: эти „мнения“ не дурно характеризуют прежние приемы разбираться в деликатных государственно-экономических вопросах.

Комиссия распространилась о причинах, почему казенные заводы следует передать в частные руки, и находила, что казенное содержание менее прибыльно для государства. Гр. Остерман против этого пункта замечает: „то резоны или причины, чего для казенные заводы отдаются в компанию, в манифесте изобразить видится неприлично“. Дипломат не без остроумия поясняет это „неприличие“ тем соображением, что если в манифесте „сами призваем“, что казенные заводы не особенно „„прибыточны и полезны“ государству, то уже „партикулярные“ не проявят „великой охоты“ к принятию на себя этих заводов. В другом месте гр. Остерман сопоставляет следующие мнения комиссии и генерал-берг-директора: „коммиссия желает“, чтобы она сама заведывала отдачей казенных заводов частным лицам, „а генерал-берг-директор хочет“ это дело держать в своих руках, т. е. чтобы „охочие люди“ являлись в берг-директориум.

Гр. Остерман не примыкает ни к тому, ни к другому мнению; ему „мнится“, что „сей спор“ можно „миновать“, так как это спор пустой: при такой постановке весь вопрос сводится к спору о первенстве, а для самого дела безразлично, где бы претенденты на казенные промыслы ни являлись, „в коммиссии, или в берг-директории, или в другом месте“.

Гр. Остерману не понравились и другие некоторые пункты в составленном комиссией формуляре манифеста. Комиссия откровенно сообщала о том, сколько повелено выпустить медных денег; гр. Остерман считал такую откровенность „неприличной“; „ибо“, говорит он, „почто публиковать сколько медных денег в государстве делать повелено“. Комиссия находила, что не следует брать пошлин с привозимых на горные заводы с'естных припасов и всего того, что было необходимо для горного промысла; гр. Остерман не был против этой льготы; но обнародыванье ее он тоже находил „неприличным“, „ибо“, говорит он, „от того в казне Ея Императорского Величества может последовать такой ущерб, который с получаемой от заводу прибылью несравнителен быть может“. Более правильным приемом гр. Остерман считал „вносить“ об освобождении от пошлин „в заключаемые с заводчиками договоры“, потому-что, по его мнению, такое из'ятие должно вытекать из „состояния всякого завода“ и тех условий, на которых этот завод отдан. Гр. Остерман считал также „неприличным“ сообщать во всеобщее сведенье о выписке „горных людей“, „для порядочного произведения“ заводов: „выписать всегда можно“, лаконически пояснял дипломат. Затем гр. Остерман был не доволен и „недовольным“ сроком, назначенным в манифесте для „охочих людей“, сроком в 6 недель, в которые они обязаны заявить о своем желании взять казенные заводы в компании, „понеже сей манифест не на шесть недель, но навсегда“. При этом гр. Остерман высказал предположение, что больше „охотников“ составлять горные компании явятся из иностранцев, особенно из голландцев и англичан, а не из русских, „ибо в России“, пояснял он, „на прикład (например), 10% прибыли приемлется за невеликое, а в других государствах 5% или 6% прибыли уже за великое поставляется“; и, по его мнению, „чаятельно“, что иностранцы пред'явят русскому правительству более выгодные условия, чем „российские подданные“.

Кроме всех известных нам советов правительству, Шемберг рекомендовал власти доставить будущим компанейщикам полную гарантию их благополучия. Генерал-берг-директор

желал, чтобы правительство обязалось и в „военныя времена не „отнимать“ ни у кого „горной части“ и чтобы последняя не была бы конфискована „ни за какия вины“; в крайнем случае должна быть оставлена „неотъемлемо“ „за наследниками того виновного“. По поводу этого наиделикатнейшего сюжета гр. Остерман высказался в том смысле, что „такая привилегия“ зависит от монаршей милости, и если она кому-либо будет дана, то послужит „не инако, как к великому умножению горных дел и прибавлению охоты служить“. Тут он припомнил примеры „других государств“ и в особенности Англии, где даются подобные привилегии, „от чего“, по его словам, „не токмо на родной кредит содержатся, но и партикулярные люди, как природные подданные, так и чужестранные“, очень охотно „употребляют свои деньги“ в промышленные предприятия; при этом „*природные подданные*“ и „*чужестранные*“ очень хорошо понимают, что деньги в такой привилегированной „компании“ не пропадут и „у наследников их отняты быть не могут“. Чувствуя однако, что запрошено слишком много, гр. Остерман осторожно указывает на возможность примирить русский патриотизм с интересами иноземца—„содержателя“ даже во время войны с соотечественниками этого „содержателя“: стоит только на время войны прибыль такого заводчика брать в казну, а затем, по окончании международной брани, все опять пойдет по старому; а то даже, чтобы уже вполне сохранить интересы иноземца—„компанейщика“, если императрица „вящую свою милость изволит показать“, то самое лучшее—пусть эта самая „прибыль“ и не тратится на государственные нужды, а только *сберегается* в заводческой кассе; по окончании же войны „имеет быть“ „отдана“ „чужестранному“ заводчику „вся исправно“.

Между комиссией и генерал-берг-директором возникло разногласие по вопросу о деревнях. Комиссия находила, что деревни следует приписывать к заводам по усмотрению верховной власти, а, по мнению генерал-берг-директора, распоряжения такого рода должны зависить от „благоизобретения берг-директории“. Гр. Остерман с свойственной ему ловко-

стью уладил и это затруднение. В своем „малом мнении“ он усматривал возможность и этот спор „миновать“, ибо ясно, что деревни должны отдаваться заводчикам „по усмотрение“ тех, „которые к тому наиспособнейшие, и по указу Ея Императорского Величества из того места, где оныя ведомы“. Словом „наиспособнейшие“ оказались не в обиде.

Но самым трудным из обсуждаемых „пунктов“ являлся тот, который ставил вопрос о совместительстве должности правительственного управителя всею горною промышленностью с владением горными заводами на праве частной собственности. Для того чтобы обстоятельно ответить на этот вопрос, комиссия обратилась к историческим справкам. Заглянула она в прежние указы и нашла, что по „плакату“ 1724 года (14-го февраля) именно — по 24 пункту этого акта было повелено позволить горным начальникам участвовать в качестве частных лиц в горном промысле „для лучшего размножения“ этих промыслов и для возбуждения к ним „охоты“; но это постановление, преследовавшее специальную цель, стояло в резком противоречии с указом 1714 года, запрещавшим „высшим и нижним чинам каждого места“ „вступать в торги и подряды“, касающиеся „к тем метам“. Из этих противоречивых петровских законоположений комиссию выводили на прямую и пока не колеблющуюся дорогу указы императрицы Анны, изданные до прошения Шемберга и подтверждавшие не отмеченный „пункт“ „плаката“, а указ 1714 года, установивший, повидимому, общую норму. Комиссия приняла во внимание эту последнюю, не смотря на то, что „торги и подряды с рудокопными компаниями некоторую дисеренцию имеют“. Формальное различие не помешало комиссии понимать, что государственным интересам „будет предосудительно“, если „горные управители“ станут заниматься горными же промыслами: „когда они будут интересенты, то уже кому надзирание за ними иметь“? Гр. Остерман очень внимательно отнесся к этому „пункту“ в разсуждениях комиссии. Он по своему „малому мнению“ не признавал „предосудительным“ горным начальникам владеть горными заводами на правах частной собственности, „ибо“,

говорил он, „те горные начальники или служители лучшие способы имеют рудокопные дела производить по горному обыкновению“. Гр. Остерман даже считал их способными показывать пример „другим заводчикам“, которые „с лучшим радением, порядком и основанием“ будут „простираться“ „к сему делу“. Что же касается указа 1714 года, то, по мнению гр. Остермана, этот акт „к сему делу не приличествует“. Тем более, что „намеренье Ея Императорского Величества не о прежних указах толковать и оных держаться“. Гр. Остерман напомнил комиссии, что она должна лишь „о том разсуждение иметь“, что может служить к усовершенствованию горного промысла и для чего императрица может новые „потребные“ указы „учинить“. Комиссия, далее возражал гр. Остерман, „напрасно сомневается“, что „некому“ будет „смотреть“ за горными начальниками, если они „сами“ явятся „интересентами или участниками“ в казенных заводах: „легко“ могут „быть найдены“ „такие способы“, которые устранят возможность всякого „сумнения“ в этом: стоит, напр., издать „добрые регламенты“ и „все те от коммиссии опасаемые предосуждения“ „могут быть“ „отвращены“.

Вообще же комиссия постановила: „все казенные заводы, которые ныне в действии находятся (кроме железных в Сибири, в горе Благодать, и медных в Лапландии) отдать в компании, а допускать к содержанию тех заводов компанейщиков с докладу и дозволения Ея Императорского Величества“. Относительно заводов, оставленных комиссией за пределами ее общего мнения, комиссия высказалась весьма уклончиво: эти заводы еще не приведены в совершенное действие, „и хотя по пробе показуется, что руда в оных местах богатая и обильная“, однако в суждениях на этот счет „весьма основательно утвердиться невозможно“; но что „невозможно“ для комиссии, то очень возможно для государыни императрицы: „не соизволит-ли“ она сама „учредить“ „пристойную компанию“ для заводов, „не приведенных еще в совершенное действие“. В эту компанию „удостоены могут быть те, кого Ея Императорское В-во, по высокой своей милости, ныне и впредь допустить соизволит“.

Двусмысленное „мнение“ комиссии „о горных делах“ поступило на обсуждение кабинета; затем сюда позвали и самих членов комиссии „для общего с кабинет-министрами разсуждения“; от этого „разсуждения“, происходившего 9-го и 10-го февраля 1739 года, не был устранен и генерал берг-директор Шемберг, как лицо, весьма заинтересованное.

Кабинету удалось склонить комиссию к согласию с бароном Шембергом и гр. Остерманом относительно права за берг-директориумом „выбирать и утверждать компании для горных заводов“. Было порешено не утруждать этим императрицу, а предоставить решение таких практических вопросов специальному административному учреждению, „как то по берг-привилегии уже позволено“. В остальных пунктах, кроме двух, для нас несущественных, кабинет согласился с комиссиею. После этого „дело“: прошение барона Шемберга, мнение комиссии и кабинета вместе с особым мнением гр. Остермана—поступило на разсмотрение и утверждение верховной власти [1]). Это было 12-го февраля (1739 г.), а 14-го фев. последовала резолюция императрицы Анны: „учинить по вышеписанному общему мнению“ [2]).

3-го марта (1739 г.) был издан берг-регламент, которым постановлялось отдавать казенные горные заводы в компании партикулярных людей и в котором доказывалось, что казенные заводы для государства „не толь прибыточны и полезны“ [3]). В это-же число был обнародован указ „об учреждении горной компании для разработки руд“: появилась на свет „привилегия“ барону фон Шембергу, вполне совпавшая с его желаниями, которые он выразил в своем прошении [4]).

Такая выдающаяся „милость“ неведомому и ничем не

---

[1]) М. А. М. Ю, С. Д. по Б. Кол., т. 1057. Под докладом дела о горных заводах имеются следующие подписи: „барон Шемберг, Мусин-Пушкин, граф Головкин, кн. Куракин, Миних, Артемий Волынский, кн. Черкасский и А. Остерман“.

[2]) Ibid.

[3]) П. С. З., X, 7766; „правила“ об отдаче в содержание частным компаниям казенных горных заводов были изданы 18-го февраля 1739 г. („кроме железных Гороблагодатских и медных Лапландских“)—П. С. З. X, 7756.

[4]) Ibid. 7767.

замечательному саксонскому барону должна же была чем-нибудь обусловливаться.

В источниках имеются довольно ясные указания, чьи интересы и желания лежали в основе всего предприятия, увенчавшегося „милостью“. Вся разгадка заключается в том, что сам всесильный герцог Бирон захотел порадеть о государственной казне, „чего ради“ он и решил сделаться негласным „компанейщиком“ [1]).

---

[1]) Г. Рожков в своем специальном исследованьи о Берг-компании, основанном на неизданных документах петербургских архивов, полагает, „что душою, учредителем и главою берг-компании был никто иной, как сам герцог Курляндский“. Впрочем, это положение г. Рожков подкрепляет только одним свидетельством, которое может служить лишь косвенным доказательством участия герцога в берг-компанейском «содержании». На письменном приглашении бароном Шембергом «охотников» вступить в основанную правительством горную компанию для разработки руд г. Рожков нашел следующие строки: „подлинное за подписанием Ея Императорского Величества руки, именно“: «а от Нас в сию компанию дается 50 т. рублей. Анна». Отсюда г. Рожков делает заключение: «очевидно, не за свое же имя государыня внесла эту сумму, а за счет своего любимца обер - камергера Иоганна Эрцеста Бирона». (Материалы к истории горного промысла, стр. 3, 10 - 12). Заключение г. Рожкова вполне подтверждается свидетельством современника, на которого автор «материалов», правда, не ссылается, именно В. Н. Татищева; последний, как бывший чиновник горного ведомства, «размножавший» заводы казенным порядком, несомненно хорошо знал закулисную сторону «горных дел». В своем „лексиконе“ В. Н. Татищев говорит следующее: „Берг-директориум учинено в 1736 году, вместо берг-коллегии; когда герцог курляндский Бирон вознамерился оный великий государственный доход похитить, тогда он, призвав из Саксонии Шемберга, который хотя ни малого знания к содержанию таких великих казенных, а паче железных заводов не имел и нигде не видел, учинил его генерал-берг-директором с полною властью, часть подчиняя Сенату, но потом видя, что Сенат требует о всем известия и счета, а тайный советник Татищев, которому все сибирские заводы поручены были, письменно его худые поступки и незнание представил, тогда, оставя все учиненой о том коммиссии предоставления, все заводы под именем Шемберга оному Бирону с некоторыми темными и весьма крайне убыточными договоры отдали“. (Лексикон, ч. I, стр. 145). Мне кажется, что темный вопрос о пределах участия герцога Бирона в берг-компании раз'ясняет один попавшийся мне при изучении рукописн. мат., документ М. Архива быв. М. Юстиц.; это разсуждение гр. Михаила Гавриловича Головкина, поданное им правительству, когда в нем уже не было Бирона, разсуждение, в котором гр. Головкин определенно ссылается на то, что было тогда „известно“. Гр. Головкин говорит: „*как известно те заводы* (т. е. Гороблагод. и Лапл.) *Шемберг имел обще с бывшим герцогом Бироном пополам*“ (Д. С. по Б. К., т. 1507).

Герцог Бирон, весьма развязный в других отношениях, почему-то был очень застенчивым, как промысловой „содержатель“: он пожелал остаться „компанейщиком-инкогнито“ или, точнее сказать, „невидимкой“. Выставив оффициально б. Шемберга, гордый герцог встал за спину барона и, по выражению В. Н. Татищева, „вознамерился“... *половину доходов берг-компании брать себе.* Цыфровое показание принадлежит уже не В. Н. Татищеву, а гр. М. Г. Головкину, знавшему пределы участия Бирона точнее, чем обиженный горный чиновник...

Имея позади себя герцога Бирона, б. Шемберг мог расчитывать на полное господство в сфере русской промышленности... А отсюда вполне понятно, почему б. Шафиров—наследник лишился беломорских промыслов раньше того срока, на какой они были отданы его отцу с товарищами и фамилией.

Рычаг, производивший отмеченное в настоящей главе „колебание“, слишком очевиден, чтобы можно было дать иное освещение описываемым отношениям... Это „колебание“ любопытно для нас с чисто исторической точки зрения, так как изучение его дает нам возможность угадать скрытый механизм старинной финансово-промышленной политики.

Всё шло гладко, пока герцог Бирон был у власти; но лишь только он пал, как один из членов бывшей комиссии „о горных делах“, гр. М. Г. Головкин начал высказываться пред правительством следующим образом. Он указал кабинету на два вредные для государства явления, вытекавшие из того особого положения, какое занял в русской горной промышленности берг-директориум: 1) на то, что со времени учреждения берг-директориума железо „большею частью“ „обратилось в заморский отпуск“ и 2) на то, что от этого железа генерал-берг-директор „себе немалый интерес получает“. Указание на „интерес“, которым пользовался б. Шемберг в ущерб казне, гр. Головкин подкреплял справками, напоминая правительству о том, чем владеет генерал-берг-директор.

„Кроме того, что имеет он заморский железный отпуск“, писал гр. Головкин, ему, Шембергу, „даны знатные владения

медные и сибирские в горе Благодать заводы". Но этого саксонскому выходцу мало, и вот он, по сообщению гр. Головкина, намеревается получить и другие сибирские казенные заводы в свои руки, „знатно усмотря себе немалую из того пользу"[1]). Гр. Головкин идет даже дальше, чтобы окончательно выяснить непормальность берг-директориума с таким начальником во главе, который сам владеет горными заводами и желает получить в частное содержание и остальные казенные заводы, еще не переданные „охочим" лицам.

Гр. Головкин разсуждает так: положим, эти „достальные" казенные заводы не будут отданы барону Шембергу; но у него всетаки остается полная возможность получить от них выгоду, ибо, по „состоявшейся привиллегии", раздача казенных заводов в частные руки есть право берг-директориума, т. е. б. Шемберга; при этом он „может некоторые на собственную свою персону получить"; а если не захочет сделать такого выдающегося злоупотребления (сказано: „воровства"), то ничто не мешает ему „вступить в компанию" „с прочими желающими партикулярными людьми". При существующем управлении горным ведомством б. Шемберг будет „не яко горных дел командир, а сущий содержатель заводов", „понеже большею частью должен будет" свои интересы „наблюдать", да и другим станет „помогать" в получении казенных заводов лишь в тех случаях, когда это будет совпадать с его выгодой: „и потому", писал гр. Головкин, „чаемо от тех заводов казенной пользы быть не уповаемо". По его мнению, „Шембергу всех казенных заводов отдавать не надлежит, а довольно ему и тех, которые уже отданы". Но этим мнение гр. Головкина далеко не ограничилось; всё сказанное до сих пор было только подходом к истинной цели

---

[1]) Поводом к цитируемому заявлению гр. Головкина было прошение барона Шемберга, поданное им в кабинет несомненно еще в господствование Бирона. Об этом прошении мы узнаем из одного рукописного указа кабинету правительницы Анны Леопольдовны (от 11-го февраля 1741 г.); указ начинается так: «нам небез'известно, что генерал берг-директор Шемберг подал в оной кабинет представление о наших имеющихся в Сибири рудокопных заводах, токмо оное представление поныне еще не разсмотрено». Затем предложение „разсмотреть". (М. А. М. Ю. С. Д. по Берг-Кол., т. 1507).

„разсуждения“. Цель достаточно хорошо выглядывает из-за следующих рекомендаций правительству: „не соизволено ли будет“, подтвердивши прежний указ, отдающий казенные заводы в вольные компании [1]), поручить эту раздачу „не одному генерал-берг-директору“, „но и определить к тому“ Миниха, „действительного тайного советника“ и других лиц, „которые будут усматривать казенную прибыль, а „не так, как он, Шемберг, сам себе отдачу заводов чинит“. Кроме того, мало не допустить барона Шемберга к эксплуатации „достальных“ казенных заводов, следует еще отнять у него те заводы, которые раньше приходились на долю герцога Бирона: „надлежит и ту его, Биронову половину, взять, по прежнему, в казну и купно с прочими казенными заводами отдать в компанию охочих людей“ [2]). Очевидно, переворот, совершенный фельдмаршалом Минихом в пользу Анны Леопольдовны, должен был поставить и выгодные казенные промыслы в соответствие с интересами лиц, сильных „милостью“ новой правительницы. Но гр. Головкину, считавшемуся родственником по жене с принцессой Анной, не удалось достигнуть своей цели. Гвардейский переворот цесаревны Елизаветы Петровны доставил возможность другим лицам обратить внимание на исключительные привиллегии берг-компании. Прежде всего елизаветинский сенат отнял у б. Шемберга *все* промыслы и передал их в казенное содержание. В указе 1742 года (25-го июня) было заявлено, что барон Шемберг ничего не сделал для усовершенствования отданных ему заводов, „как указами повелено“, и даже „в казну ничего не платил“ [3]); естественно на нем „оказался казенной убы-

[1]) «Понеже раздача тех казенных заводов партикулярным людям поныне еще действительно неисполнена (нач. 1741 г.) и то дело остается без точного окончания, а между тем помянутый Шемберг, отпуская за море железо, немалую себе прибыль получает, а во внутренних государственных и партикулярных потребностях уповаемо, что не без недостатка состоять.

[2]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б. К., т. 1507.

[3]) Не будучи обязан платить откупных сумм, так как и морские и горные промыслы были отданы барону для усовершенствования, Шемберг должен был платить в казну установленные пошлины, так как (кроме усовершенствования или, как говорилось, «размножения») б. Шемберг получил их и «из-за платежа пошлин».

ток“ [1]). Но как был велик убыток казны от промысловых и торговых операций Шемберга, этого сенат пока еще не знал, обозначив в указе неполную цыфру этого убытка; чтобы выяснить размеры казенного убытка необходимо было предпринять подробное разследование „берг-компанейских дел“, и о назначении следствия мы узнаем всё из того же указа: „надлежит“, говорится здесь, „имение его, Шемберга, и письма, кои есть в России, все запечатать и, осмотря, переписать, а его Шемберга взять под караул и спрашивать: не утаил ли он где каких своих имений, и кому не роздал ли под образом займа, или каких сделок, и в долги, и в купечество и кому именно и когда и сколько“ [2]). Для детального разбора шемберговского оборота была образована особая коммиссия при сенате; в эту комиссию поступили разного рода доношения и прошения от заинтересованных лиц, а также разнообразные „ведомости“. Следствие подвигалось вперед очень ту[illegible] домости“ присылались в коммиссию „неправильные“, на что жаловался сенат в промемории 1743 года, „а именно по сальным промыслам многим вещам и которые сальные товары приняты цены не написано, а о прочих показано, что

[1]) Это дало повод сенату припомнить мнение известной нам коммиссии «о горных делах», мнение «о неудобности» отдавать заводы Шембергу ибо он „только будет рачить об одной своей партикулярной, а не государственной прибыли и пользе“, что „ныне“, прибавлял сенатский, „высочайше утвержденный указ, „и самим делом явно оказалось“. Мы видели, что коммиссия действительно высказалась против совместительства горно-административных должностей с владением горными заводами на праве частной собственности; но та-же коммиссия сделала оговорку о гороблагодатских и лапландских заводах, предоставив их на усмотрение императрицы, несомненно зная, в чем будет заключаться это усмотрение, зная, какую компанию „соизволит“ устроить государыня. Высказавшись довольно определенно вообще, в принципе, комиссия не решилась столь-же определенно высказаться в частности, вследствии чего ея „мнение“ в полном виде и „оказалось“ двусмысленным. Один из трех членов кабинета, гр. Остерман, встал открыто на сторону б. Шемберга, так как, разумеется, прекрасно знал, что на практике в вопросе об администр.-„интересентах“ императрица согласится с ним, правильно оценившим *„достоинство“* „компанейщика“—герцога, притаившего позади „компанейщика“—барона.

[2]) П. С. З. XI, 8571; в этом указе всего долга на Шемберга показано 234,579 р.

еще было не принято“ [1]). Это нисколько не удивительно: стоит только припомнить общий характер современного Шембергу делопроизводства. Так в разгаре следствия самый главный помощник б. Шемберга купец, то „польский“, то „английской нации“, Еремей Меэр, писал из Москвы другому такому же авантюристу в Архангельск, между прочим, следующее: „я думаю, что возможно будет в канцелярии что-нибудь выходить подарками.... и затем дело волочить, понеже еще сильное старание прилагается, чтобы все по старому сделать и надежда еще не вся пропала“ [2]). Действительно, это писалось далеко не без основания. Сам сенат, начавший так грозно, очень спустил тон впоследствии, и причина этого понижения, повидимому, должна быть отнесена к ловкости купца Меэра и к его умению задабривать сильных „персон“ в интересах берг-компании вообще, а своих в особенности. Г. Рожков убежден, что сенат „всеми правдами и неправдами“ старался „покрыть весь долг на берг-компании“ [3]). Так, когда местное горное начальство не согласилось с показанием поверенного б. Шемберга и говорило, что во всем этом „убыток явный для казны видится“, то чиновникам велели молчать и засадили их за составление новой ведомости, цифры которой г. Рожков справедливо считает „фантастическими“. Сенат насчитал на бароне Шемберге и Ер. Меэре долгу на 254,536 р. 24½ к. [4]).

Я не стану входить в подробности этого следствия, как потому, что они обстоятельно изложены г. Рожковым на основании сырого материала двух петербургских архивов, так и потому, что эти подробности не входят в задачу моего из-

---

[1]) Ар. Д-та Т. Сб., Д. Коммерц-кол., т. 2215.

[2]) Ibid., т. 2215, лист 100-й; письмо целиком приведено у г. Рожкова (Материалы; стр. 32); вообще отмеченный том бумаг уже подвергся широкой эксплуатации со стороны названного автора, на которого я и буду ссылаться во многих случаях.

[3]) «Материалы» г. Рожкова, стр. 40.

[4]) В бумагах Московского Архива быв. М. Юстиции имеется и другая цифра «общей суммы долга» на б. Шемберге, а именно 258,426 р. 41¾ коп. (С. Д. по Б. Кол., т. 2864). Разумеется эта цифра так же неполна, как и приводимая г. Рожковым из бумаг архива Д-та таможенных сборов.

следованья, и замечу только, что попустительство власти по отношению к берг компании было велико раньше: не исчезло оно совсем и в момент ликвидации берг-компанейских операций. В сенатских делах по б.-коллегии московск. архива быв. М. Ю. встречается свидетельство, что на б. Шемберге „числится взыскать должно казенных денег всего 308,427 руб. *а порук на нем в этом никого нет*". Почему же нет? Дальше следует пояснение: „ибо хотя бывший герцог Курляндский при жизни Анны Ивановны до 60000 пудов железа порукою и подписался", но в правление принцесы Анны велено было „оставить без порук, а по состоявшимся прежним указам велено всякие казенные товары продавать на готовые деньги, а не в долг" [1]. „Прежними указами" оставалось лишь утешаться. „Прежние указы" требовали, чтобы за казенные товары покупатели и „содержатели" платили наличными деньгами в казну.... О бароне же Шемберге и Бироне В. Н. Татищев разсказывает, что они переправили за границу до 400,000 рублей [2]. Немногим от этой цыфры отличается и цифра долга берг-компании казне, выведенная по ведомостям г. Рожковым, именно 372,293 р. [3]. Вообще б. Шемберг задолжал казне и „переправил" за границу, говоря языком старых бумаг, „немалое число казенной суммы"; точно эту сумму определить едва ли возможно, ибо „содержатели о прибылях не рапортовали", как весьма метко ответила сама коммерц-коллегия сенату на его запрос о том, как сильно нажился б. Шемберг „с товарищи".

Таким образом вполне исполнилось желание б. Шемберга, которое докладчики по его делу предвидели в то время, когда правительство еще не особенно мирволило барону: тогда критиковалась просьба Шемберга об отсрочке долга и говорилось, что последняя испрашивается обвиняемым „не ради чего другого, но токмо продолжая время от времени вовсе от платежа оных, сыскав какой-либо способ, отбыть желает"...

---

[1]) С. Д. по Б. К., т. 2864.
[2]) Лексикон, ч. I, стр. 145.
[3]) «Материалы», стр. 45.

„...чтобы учинить его совсем свободным"... [1]) Шемберг нашел „способ", и его „учинили" „свободным"; нашел способ и его главный помощник, бывший в сущности „товарищем" в промыслах Бирона и К°,—Ер. Меэр, дававший в долг „почти всем нашим сановникам" [2]); этому „фактору" указом 16-го декабря 1749 года было постановлено выдать довольно приличную сумму в число „имеющейся на б. Шемберге казенной доимки"; в это время б. Шемберга уже не было в России, а его помощника и компаньона, „нужного человечка", можно было считать „за приказчика, неответственного за своего хозяина" [3]).

Еще следствие над берг-„компанейщиками" не было закончено, как на одну из промысловых статей, бывших в их владении, а затем, по отнятии их у б. Шемберга, поступивших в казенное содержание, явились партикулярные претенденты, именно на беломорские промыслы. Это—во-первых, Евреинов с братьями, который жаловался елизаветинскому правительству, что промыслы у них были „отобраны без всякой их вины" по одному „неправому прошению" Шафирова; они однако „не смели" на него жаловаться „по тогдашней его силе". Во-вторых, это—статский советник б. Исай Шафиров, сын петровского дельца Петра Шафирова. Исай Шафиров просил не отдавать беломорских промыслов Евреиновым, а отдать ему на 10 лет. В 1744 г. (3-го июня) сенат разсматривал обе челобитные, детали которых мы опускаем, и, сославшись на указ Петра В. 1721-го года (предписывающий отдавать казенные промыслы „в компанию купецким людям" и „кроме купечества в той компании никому не быть"), высказался в том смысле, что барону Исаю Шафирову, „мимо помянутых Евреиновых, те промыслы в содержание отдать не „надлежит" [4]). Однако „те промыслы" прошли „мимо" Евреиновых, „купецких людей", и попали в обладание не „купецкого" человека, а самого влиятельного вельможи Елизаветинского времени: и на этот раз новые „потребные" ука-

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б.-К., т. 2864.
[2]) «Материалы» г. Рожкова, стр. 43.
[3]) Ibid. последние слова в ковычках принадлежат г. Рожкову.
[4]) М. А. М. Ю., С. Д. по Коммерц-Б., М. К. и Гл. Маг., т. 915.

зы легко могли устранять старые петровские, не всегда к тому же одинаковые, постановления.

Беломорские промыслы поступили в „содержание“ гр. П. И. Шувалова в 1748 году по указу 6-го июля; промыслы отдавались гр. Шувалову на 20 лет с платежем в казну одних лишь пошлинных денег (в размере 5 к. с рубля) [1]). С беломорских промыслов гр. П. И. Шувалов только *начал* свою „содержательскую“ деятельность... В 1751 году, по указу 6-го марта, он получил на срок до 1768 года рыбные промыслы в Астрахани и на Каспийском море, остававшиеся, по словам указа, „с давних лет впусте“. Отдача южных промыслов мотивировалась успехами шуваловских промысловых операций на Севере. Указ определенно об'являл во всеобщее сведение, что гр. П. И. Шувалов много сделал „для размножения северных промыслов“, а главное в казну платил исправно: сначала от него поступило 1653 р. 99 к., а за 1750-й год—5231 р. 46 к., каковая цыфра, по всей ведомости увеличится, когда будут сделаны „все аккуратные справки о заплате внутренних пошлин“ с шуваловского товара. Не касаясь любопытного запоздания „аккуратных справок“ к тому времени, к которому их следовало бы „собрать“, мы прямо перейдем к сопоставлению цыфр, выражающих сравнительно доходность для государственного казначейства от казенного и шуваловского содержания беломорских промыслов.

Промыслы были отобраны у фирмы б. Шемберга в 1742 г. и поступили в управление коммерц-коллегии; от этого года нельзя ожидать большого дохода, и действительно, по „ведомости“ из архива департ. таможенных сборов [2]), доход за 1742-й год равняется лишь 3615 р., но в 1743-м году он сразу поднимается более, чем вдвое—до 8884 р. 83 к.; затем:

---

[1]) П. С. З., XII, 9515. „Содержание“ гр. Шувалова существенно входит в нашу задачу. Почему? Дальнейшее фактическое изложение и замечания будут служить ответом на этот вопрос. См. также в след. главе общую характеристику «содерж.» гр. П. И. Шувалова.

[2]) Дела Коммерц-Коллегии, т. 2222.

в 1744 г.—16220 р. 37 к.
—1745 ——14834 р. 48 к.
—1746 ——14993 р. 38 к.
—1747 —— 7385 р. 18 к.

Накануне отдачи гр. Шувалову „доход“ упал наполовину но все же в этот последний год казенного содержания он оказался выше цыфры от почти 3-х летнего шуваловского содержания, достигавшей лишь 6884 руб. [1]); но, положим, согласно с указом об отдаче Шувалову южных промыслов, что эта последняя цыфра не полна; вот другие цыфры, более общего свойства, которые однако только подтверждают приводимые нами частные итоги.

Общий итог суммы, доставленной гр. Шуваловым в казну за все время его владения беломорскими промыслами (1749—176[2]), равняется, по расчету г. Огородникова,—47292 руб. [2]), а общий итог дохода для казны от „содержания“ их в „ведомстве“ коммерц-коллегии, по „ведомости“ архива д-та там. сб., равняется—65,934 руб. (1742—1747 г.г.) [3]).

Гр. П. И. Шувалов был признан весьма полезным человеком для русской промышленности и государственной казны; отсюда вполне естественно, что правительство прикрепило к его имени всю казенную промышленность. В 1753 г. (26-го марта) гр. П. И. Шувалов получил в свое владение „моржевые, звериные и сальные“ промыслы по берегам Ледовитого Океана „до Таз-реки“. „Сенатор и кавалер“ в своем прошении, по которому ему были отданы эти промыслы, сообщал некоторые, довольно интересные, сведения о прошлом означенных „морских“ промыслов. Гр. П. И. Шувалов „уведомился“, что „в прошлых годах“ по берегам Ледовитого Океана „промышленников хаживало немалое число на судах“; отправлялись они на морской промысел,—кто из Архангельска, кто из Холмогор, кто с рек Двины, Онеги, Мезени. И заработок был очень хороший: „промышленный народ“, говорит проше-

[1]) См. Прилож.
[2]) Огородников, Очерк истории города Арханг., стр. 189.
[3]) Дела Коммерц-Коллегии, т. 2222.

ние гр. Шувалова, „весьма пользовался....“ Но вот „чрез Верхотурье в Сибирь“ устроили дорогу. Последовало „яко бы запрещение“ промышлять на Северо-Ледовитом океане, и промысловой народ перестал туда „ходить и ездить“, почему океанические промыслы „стоят впусте и без всякой народной пользы и оных промыслов никто из тамошних обывателей не производит“. Для того, чтобы приохотить „диких народов“ к морю, гр. Шувалов испрашивал позволения „в разных местах содержать небольшие магазины и при них приказчиков“; в магазинах он намеревался иметь „всякие хлебные припасы, сукна сермяжные, котлы, топоры, ножи, промысловые инстуументы и прочия для тамошнего народа потребности....“ Все эти предметы гр. Шувалов предполагал „менять“ „на сало и прочие их промыслы“, на что и испрашивал разрешение: чтобы можно было производить такие операции „без всякого запрещения“. Все просимые „права“ (на огромную территорию и на результаты труда „диких народов“) гр. Шувалов получил единственно „в разсуждение народной пользы и конечного тех сальных промыслов умножения и приращения в пошлинном сборе“ [1]).

После всего этого нетрудно было предвидеть, что гр. П. И. Шувалов запросит и горные промыслы, которые после Бирона и Шемберга, повидимому, невольно ассоциировались с рыбными и „звериными“ промыслами. Действительно, гр. П. И. Шувалов не замедлил с новой челобитной. В 1754 году он подал на Высочайшее имя прошение об отдаче ему гороблагодатских железных заводов. Как и следовало ожидать, сам гр. Шувалов связал свое предприятие с подобным же предприятием б. Шемберга, сославшись в своем прошении на берг-регламент, это достопамятное произведение б. Шемберга, написанное по желанию Бирона и под редакцией гр. Остермана. Об этом произведении невозможно вспомнить, чтобы оно сейчас же не вызвало представления еще о двух „бергах“: директориуме и компании. Между тем гр. Шувалов понимал, что ссылка на берг-регламент самый невин-

[1]) М. А. М. Ю, С. Д. по Коммерц. Б.-К. и Гл. Маг., т. 2768; Ibid. II. С. 3. XIII, 10083.

ный из всех трех „бергов", весьма полезна, ибо она дает его прошению вполне юридическое основание; поэтому, пренебрегая не совсем приятными воспоминаниями государственного казначейства, хотя и отмечая невольно свою органическую связь с этими воспоминаниями, гр. П. И. Шувалов и встал твердою стопою на неосужденные законодательные мотивы, когда-то подпиравшие осужденные и рухнувшие учреждения. По берг-регламенту, указывал высокопоставленный проситель, было велено казенные рудокопные заводы отдать „в компании или партикулярным людям Российским и иностранным, какого бы народа ни были, *обретающимся и необретающимся* в службе Вашего Императорского Величества". По отнятии гороблагодатских заводов у б. Шемберга, они находятся в казне. Вот гр. Шувалов и хотел бы „ради большой государственной пользы" взять их на себя. Прошение было прочитано в сенате и выслушано. Вместе с тем гр. П. И. Шувалов „словесно представил" вниманию сената следующее.

По указу 1753 года, говорил этот „сенатор и кавалер", „было велено" платить „при портовых и пограничных таможнях 13 коп. с рубля". Этому платежу подвержены пожалованные ему, гр. Шувалову, архангелогородские и кольские промыслы, с коих до нынешняго учреждения внутренних пошлин плачивано было только 5 к. с рубля". Здесь мы на минуту остановимся с тем, чтобы уяснить себе эту часть „словесного представления" гр. Шувалова, ибо приведенные слова как-будто бы недостаточно ясны. Указ, на который сослался Шувалов, это тот самый, которым было об'явлено об уничтожении внутренних таможен, т. е. внутреннего пошлинного тарифа, согласно с проектом об этом предмете все того же гр. П. И. Шувалова, о чем однако проситель ни одним словом не упомянул. Были уничтожены именно внутренние таможни и принадлежащий к ним тариф, но не самые сборы; сборы лишь перестали называться внутренними, так как были перенесены на внешний портовый сбор, который был увеличен до 13% и 15% с 5; вот почему гр. Шувалов и вспоминает о меньшем портовом сборе „до учреждения внутрен-

них пошлин", т. е. до упомянутой финансовой операции. Далее ход „словесного" разсуждения гр. П. И. Шувалова таков: в силу увеличения портовых сборов с 5 к. до 13 к. и 15 к. с рубля (13 за архангельские товары, 15 за астраханские), ему, гр. Шувалову, придется заплатить в казну „немалую сумму денег" „против прежнего", даже на одни архангелогородские промыслы в 15 лет, в течении которых ему осталось владеть ими „по пожалованью". В виду такого, по мнению Шувалова, „излишнего" для него платежа внешних пошлин, этот расчетливый человек и просил сбавить цыфру откупной суммы, которая была об'явлена правительством за гороблагодатские заводы. Цыфра эта и без того была ничтожна, именно 90,000 руб., как сообщает кн. Щербатов, думающий, что эти заводы могли бы приносить казне „многия сты тысячь рублей" [1]).

Процитированное „словесное представление" гр. Шувалова [2]) дает возможность установить известную зависимость между торгово-промышленными предприятиями этого вельможи и уничтожением внутренних таможен, мерою, столь его прославившею.

Вопрос в том, какие побуждения и чьи интересы легли в основу знаменитого шуваловского проекта об „уничтожении внутренних пошлин?" Этот вопрос нельзя считать праздным в исторической работе, так как одною из самых существенейших задач исторического знания является обнаружение и определение главных сил, управлявших и управляющих человеческими поступками,—снятие с этих сил покровов, которыми они прикрыты так иногда плотно, что, при поверхностном осмотре, представляются совершенно не тем, каковы оне на самом деле. Некоторые современники хорошо уловили *общий смысл* шуваловских проектов; так кн. Шаховский однажды бросил гр. Шувалову в глаза, между прочим, следующие слова: „вашими представлениями и стараниями со всех внутренних торговых продаж снята пошлина и

[1]) О повреждении правов в России. стр. 64 и 65. Подобное же говорит в своих записках кн. Шаховский (Записки, стр. 140 и 141).

[2]) Прошение и «словесное представление в Сен. д. быв. М. А. М. Юст. по Б.-Кол., т. 2864.

та сумма прибавлена в сборы по тарифу к пограничным, сбираемым в таможнях пошлинам; но и в том ваши же собственные пользы почитает, что тем освобождалось ваше железо от платежа внутренних пошлин“ [1]). В дополнение к этому показанию следует привести мнение о гр. Шувалове кн. Щербатова, в правдивости которого трудно сомневаться и который был убежден, что „ни одно из действий“ гр. Шувалова „не было учинено“ им „без тайных прибытков себе“ [2]).

„Словесное представление“, мне кажется, раз'ясняет отрывочные показания и мельком брошенное мнение упомянутых свидетелей XVIII стол. Это „представление“ тем важнее для нас, что оно сделано самим просителем, который, разумеется, не считал удобным *яснее* выражать свою заботу о „тайных прибытках“, чем он выразил; но сквозь призму официальных выражений можно разсмотреть довольно отчетливо, чего собственно желал достигнуть гр. П. И. Шувалов. Необходимо только сделать кое-какие хронологические справки чтобы понять финансово-коммерческую комбинацию знаменитого финансиста и экономиста русского XVIII-го столетия. Если мы припомним, что проект гр. Шувалова об „уничтожении внутренних пошлин“ получил силу закона почти одновременно с его прошением об отдаче ему гороблагодатских заводов, то мы легко убедимся, что сколько нибудь значительного „убытка“ от увеличения внешних портовых сборов гр. Шувалов и не мог понести. Известно, что закон, перенесший внутренние пошлины на внешний тариф, вышел 18-го декабря 1753 года, а разбираемое нами прошение поступило в сенат не позже первых чисел мая 1754 года. Сам гр. П. И. Шувалов в одном месте своей речи обмолвился, что „сумма убытка от внешних пошлин“ еще „имеет быть“ для него. Это выражение, как бы ненарочно, указало на дей-

---

[1]) Записки, стр. 141. С. М. Соловьев не верит кн. Шаховскому, заподозрив его в пристрастии и искажении истины. Ешевский, напротив, близко придерживается показаний кн. Шаховского, хотя и не ссылается на него в своей оценке деятельности гр. П. И. Шувалова. (Соч., ч. 2-я, стр. 417). Вот и все, что «достойно внимания» в русской исторической литературе по этому вопросу.

[2]) О поврежд. нрав., стр. 64.

ствительность и понятно нисколько не мешало гр. П. И. Шувалову в другом месте прямо говорить о „понесенном убытке", в том самом месте, где оратор ребром поставил вопрос об уменьшении откупной суммы за гороблагодатские заводы. Гр. Шувалов выразился так: „не соизволено ль будет принять в разсуждение, чтоб при отдаче тех гороблагодатских казенных заводов ему, сенатору, генералу и кавалеру, *вместо того понесенного убытку*, учинить в платеже за те заводы подлежащей суммы замен".

Вдумываясь в эту хитрую просьбу, можно прийти к заключению, что проект об уничтожении внутренних таможен не случайно почти совпал с последовавшим вскоре прошением графа Шувалова об отдаче ему гороблагодатских заводов з уменьшенную откупную сумму. Ведь, проектируя увеличение внешнего пошлинного сбора, гр. Шувалов, конечно, хорошо помнил, что этот сбор упадет и на его внешний оборот, основанный пока на „рыбных и звериных" промыслах; и если тем не менее, гр. Шувалов предложил эту тарифную реформу, то для того были веские аргументы. Какие же это аргументы? „Народная польза", о которой так красноречиво распространился гр. Шувалов в своем проекте? Но думать так, значит вполне отдаться под обаяние хороших слов и отвернуться от реальных данных... Вся же совокупность последних заставляет нас сделать тот вывод, что, когда гр. Шувалов составлял новый таможенный проект, у него уже имелось в виду и ближайшее его практическое приложение: указать правительству на убытки для него, составителя новой тарифной нормы, на убытки именно от этого вновь испеченного тарифа, и тем самым в виде вознаграждения за яко-бы „понесенные" финансовые ущербы приобрести от казны в свое владение наивыгоднейшие (и теперь, после Шемберга и К°, хоть немного оцененные правительством назначением откупной суммы) горные заводы и при том за бесценок, почти даром, опять как и прежде. Таково заключение, которое мы имеем право сделать на основании анализа „словесного представления" гр.

Шувалова [1]) и известных нам фактов. Понятно такое об'яснение не исключает предположения, что гр. Шувалов *заранее* расчитал от таможен путь себе, *как будущему* железному королю [2]).

---

[1]) Мы приводили свидетельство кн. Шаховского, что, будто бы, гр. Шувалов уничтожил внутренния пошлины для освобождения от них *своего железа*. Но это свидетельство требует оговорок. Дело в том, что в момент уничтожения внутренних таможен гр. Шувалов еще не владел горными заводами и следовательно не имел железа, по крайней мере, не имел железа в томе количестве, чтобы стоило исключительно из-за него поднимать такие хлопоты. У нас нет вполне точных данных для полного отрицания шуваловского железа до того момента, когда граф получил гороблагодатские заводы; но во всяком случае, несомненно, у него до последнего пожалованья не было крупной железной торговли.

[2]) Скажут:—такой влиятельный в правительстве человек, каким был гр. П. И. Шувалов, едва ли стал бы расчитывать таким уже слишком хитрым и „меркантильным" образом, тем более, что, если бы он стремился только к своей выгоде, а не к общей пользе, то этот вельможа мог бы выхлопотать для *себя одного* освобождение от внутренних пошлин, как это делалось и для других; и такой простой прием для него был бы гораздо выгоднее, чем освобождаться от пошлин посредством общей меры, ибо освобождение *его одного* убило бы всякую конкуренцию с ним в торговле железом; следовательно, зачем же гр. П. И. Шувалову надо было стремиться к своей личной выгоде чрез уничтоженне внутренних пошлин для всех?. Убедительность этого возражения совершенно мнимая: даже гр. П. И. Шувалову было бы очень трудно освободить *только свое железо* от внутренних пошлин: в самом деле, припомним: ведь от внутренних пошлин—и то на сравнительно небольшие сроки—освобождали товары лишь такого производства, которое, по новизне е дела, считали нужным поддержать или предметами которого казна пользовалась непосредственно (напр., сукна), наконец от которого, во всяком случае, казна не получала большого денежного дохода даже в пошлинных сборах. От горных же заводов правительство уже как, свидетельствует В. Н. Татищев и др., *получало а также... и желало (что важно) получать „великий государственный" доход.* При передаче казенных заводов *именно с этою целью* в частные руки, весь доход в сущности сводился к пошлинным сборам; какой же доход получился бы от заводов гр. Шувалова, если бы он выхлопотав *для своего железа*, долженствовавшего приносит „умноженную" государственную прибыль,—освобождение от внутренних пошлин, оставил внешний тариф в прежнем виде, без увеличения пограничных пошлинных сборов? Разумеется, очень и очень небольшой.. Стало быть, если гр. Шувалов и добился бы разными ходами освобождения от внутренних пошлин, при прежнем внешнем тарифе,—на *некоторое время*, то едва ли он мог бы выхлопотать это освобождение *на весь срок*, определенный для его „содержания". Да гр. Шувалов этого и не захотел бы (как это и было), потому-что такой, даже *формально* беззастенчивый, образ действий несомненно подорвал бы вы-

Отметив то, что я считал и считаю нелишним для правдивого освещения дальнейших фактов, обращаюсь к прерванному хронологическому изложению.

Сенат выслушал „прошение" гр. П. И. Шувалова и определил—отдать гороблагодатские заводы просителю. Постановление мотивировалось тем, что садьные и рыбные промыслы гр. Шувалова, архангельские и астраханские, „в такое размножение приведены, в каком никогда они не бывали" и что от этого „воспоследовала" „немалая прибыль" в пошлинном сборе. Что же касается „словесного представления" гр. Шувалова, то на него от сената „воспоследовала" такая резолюция: „за те понесенные им, гр. Шуваловым, убытки (т. е. те, которые еще „имеют быть"...), которых, по высочайшему указу, платить он был не должен, следует его наградить из того капитала, который ему за гороблагодатские железные заводы в казну заплатить надлежит". Сенат сослался на высочайший указ, на основании которого с гр. Шувалова должно было брать одни только „настоящие", т. е. пятипроцентные, пошлины, считая, повидимому, для очистки совести этот указ в означенном отношении действительным и после увеличения внешнего пошлинного сбора; вопрос о том, что побудило сенат поступать так, а не иначе, слишком прост, чтобы даже и ставить его серьезно; желчный кн. Щербатов по этому поводу занес в свои записки краткую и весьма ясную сентенцию: что, де, сенат в деле гр. Шувалова соблюдал „не справедливость и пользу государственную, но страх его могущества" [1]).

годную для графа репутацию радетеля о государственной и народной пользе; вследствие чего могло случиться так, что более дальновидные и практические люди встали бы на его место. Нет, гр. П. И. Шувалов сам был дальновидный аферист, почему и не желал действовать, как говорится, „нахрапом"; очень „деликатно" гр. П. И. Шувалов (а не гр. А. И. Шувалов) отнесся, и к внешнему тарифу, с которым ему было больше простора неделикатничать, под прикрытием национально-промышленного патриотизма. Ниже мы увидим, что гр. Шувалов все-таки взял все, что можно было взять, увидим, как он „потихоньку да полегоньку" уходил от *государственных долгов*, не переставая говорить о приносимых им благодеяниях государству и народу и не теряя удобный для него репутации...

[1]) О повредж. правов, стр. 65.

Гр. Шувалов вскоре доказал, что он очень умеет ценить „милость“, а когда берет казенные заводы на себя, то думает только „о государственной пользе“. В заседании сената 1-го мая (1754 г.) гр. П.И. Шувалов „об'явил“, что он весьма благодарен сенату за „справедливость“ (выражения графа—в ковычках), которая выразилась в сенатском „признании к возвращению“ ему, Шувалову, „излишнего платежа немалой суммы денег, сверх того, чем по именному указу пожалован“; будучи благодарен сенату и „чувствуя высочайшую милость“, гр. Шувалов теперь уже не пожелал „потребовать к возвращению“ немалой суммы денег [1]), словом, за великодушие сената заплатил тоже великодушием, которое ни тому, ни другому ровно ничего не стоило. Государству же вся эта операция обошлась недешево, ибо гр. Шувалов получил гороблагодатские заводы всего за 40,000 рублей „с небольшим“, как свидетельствует кн. Щербатов; [2]) да и те никогда не были заплачены, потому-что гр. Шувалов постоянно отсрочивал уплату своих огромных долгов казне и умер ея неоплатным должником.

У меня имеется одна челобитная гр. Шувалова об отсрочке казенного долга, которая может послужить дополнительной иллюстрацией к шуваловским приемам доказывать превосходство для государства частного владения казенными промыслами, сравнительно с казенным содержанием их и на основании собственного графского опыта; вследствие чего я считаю вполне уместным реферировать эту челобитную в настоящей главе. Челобитная относится к 1759 году и адресована на „высочайшее имя“.

Прежде всего гр. Шувалов опять-таки повторяет принципы берг-регламента, что, де, промышленность способна развиваться лишь при помощи привилегий, раздаваемых правительством частным лицам, т. е. иначе говоря: повторяет принципы меркантильной политики, занесенные в русское за-

---

[1]) М. А. М. Ю; С. Д. по Б.-К., т. 2864 приказали: записать это в журнал и доклада о возвращении Ея Императорскому Величеству не подавать.

[2]) О поврежд. нр. стр. 65. См. прилож.

конодательство; затем, перейдя к самому себе, гр. Шувалов упоминает об отдаче ему гороблагодатских заводов и начинает уверять, что хотя он и умножил казенный доход, тем не менее у него еще остается „желание“ „еще более умножить казенную прибыль“. Гр. Шувалову только хотелось бы, чтобы само правительство помогло ему „умножить казенную прибыль“. Впрочем пусть радетель „о государственной пользе“ говорит сам за себя; а говорит он так: „казне я должен заплатить за упомянутые заводы и фабрики 182,296 руб. и по сим обстоятельствам... необходимо потребна мне помощь“... Гр. Шувалов вовсе не желает такой помощи, „которая могла бы казне причинить некоторый убыток“; даже „выдачи из казны денег“ ему не нужно; „помощь“ должна „состоять“ лишь „единственно в продолжении времени“ для уплаты казеннаго долга и для „платежа пошлин“. Однако дальше мы узнаем, что гр. Шувалов, прося отсрочить уплату казенного долга от 1764 г. еще на 10 лет, выражает желание, чтобы с 1760 года „до того ж отсроченного вновь десятилетнего времени“ (т. е. до 1774 г.) его железо было бы *совершенно* освобождено от пошлин (чтобы „никаких пошлин не брать“). Выходит так, что нужно было сначала задолжать казне около 200 т. рублей, прежде чем *даже* гр. Шувалову ходатайствовать пред правительством об освобождении от пошлин на известный срок... для своего *только* железа. При всем том, маня сенат *будущей* уплатой, гр. Шувалов и тут не преминул высказать убеждение, что его положение исключительное среди других заводчиков, что его „прошение“ следовательно „совсем от прочих“ „разнствует“,— „столько много“, что когда „узаконялась“ отдача заводов и фабрик в „партикулярные руки“, то „и представить себе не могли“, чтобы „кто с такою полезностью казне заводы взять мог, как я то учинил“, откровенно заявляет этот необыкновенный заводчик. Скромно сознавая свои заслуги, гр. Шувалов и в этом „разнствующем“ от других прошении не может не посетовать на убытки, которые он „понес“ „от платежа“ пошлин; кроме того, здесь он не умалчивает о *своем*, как он выражается, „*изобретении*“ увеличения внешних пошлин, от чего произошло „великое прирощение

казне" и „облечение народу, по причине уничтожения внутренних таможен"; „изобретая" внешние пошлины (от чего, разумеется, должна была получиться прибыль в пошлинном сборе [1]), только не от шуваловского товара), гр. Шувалов мог бы свой „интерес предостеречь"; но он этого „не учинил" ибо „предпочитал пользу государственную своему интересу в доходах, а народу в облегчении"... и т. д. [2])

Вообще несомненно, что мысль о народных и государственных заслугах гр. П. И. Шувалова, воспринятая некоторыми историками, в сущности была им продиктована со стороны... самого ловкого финансиста — „изобретателя",—эта мысль незаметно вышла из того самого мнения гр. Шувалова какое он сам имел о себе, как небывалом государственном благотворителе. В самом деле, не трудно быть подкупленным бескорыстием гр. П. И. Шувалова, когда он персонально заявил, что он, как остроумный человек, мог бы, если бы хотел, „свой интерес предостеречь"; беда лишь в том, что доверчивые люди едва ли захотят вникнуть в суть всех шуваловских комбинаций и увидать, что этот „содержатель" действительно и „предостерег" — и даже очень хорошо — „свой интерес"...

Надо-ли прибавлять, что сенат еще с большею, чем историки, готовностью спешил согласиться с бескорыстием гр. Шувалова? В том же 1759 году, на прошение Шувалова об отсрочке казенного долга состоялся вполне согласный с желанием графа указ, который, как тому и быть подобает, и был разослан по различным учреждениям [3]). За-то впоследствии и пришлось гороблагодатские заводы, отданные Шувалову, как известно, за ничтожную сумму, — взять обратно

---

[1]) Расчет гр. Шувалова был простой и верный; он высчитал что за 5 лет разные внутренние сборы достигают 903.537 руб; если эту сумму разложить на сумму, получаемую с товаров в пограничных таможнях, именно 8.911.981 р., то на рубль придется 10 к. с $^1/_3$ к: если с привозных и отвозных товаров брать по 13 коп. с рубля, то получится, сверх желаемой суммы, 255020 руб.

[2]) М. А. М. Ю, С. Д. по Б.—К., т. 2864.

[3]) М. А. М. Ю., Ibid.

в казну *в счет его казенных долгов за 750,000 руб.* [1]); очевидно одно обстоятельство: правительству пришлось купить уже по дорогой цене свои собственные заводы.

К таковым результатам приходило частное содержание наиглавнейших казенных промыслов, усиленно рекомендованное во имя государственной пользы государственными людьми при самом зарождении широких промышленных предприятий в России. Эти результаты однако вовсе не доказывали, что русские государственные люди первой половины XVIII столошиблись в расчетах на тот принцип, который проповедывался в берг-регламенте и который заключался в теоритическом (не говоря уже о практическом в известном смысле) предпочтении частно-компанейского содержания казенных промыслов содержанию от казны. В других случаях этот принцип и на практике подтверждался не так, как в операциях „партикулярных людей, состоящих на службе"; вследствие чего указание, положим, камер-коллегии на плохие итоги казенного содержания казенных промыслов заслуживает полного внимания. Камер-коллегия говорила: „рыбные промыслы приходят в умаление, так-что уже охочих людей к покупке рыбы и рыбных припасов в Астрахани мало является", и приходила к вполне справедливой мысли: „полезнее те рыбные промыслы на откуп отдавать, нежели в казенном содержании иметь" [2]). Неновые уже для нас слова, идущие на этот раз от камер-коллегии, подтверждаются следующими новыми данными „содержаний" казенного и частно-компанейского (простых купцов), и подтверждаются в полном, а не в переносном смысле. Когда в 1752 (7-го января), „по присланному из прав. Сената указу", было велено разузнать „не пожелает ли кто все имеющиеся казенные рыбные промыслы взять на откуп или в компанию?" то камер-коллегия, исполняя это приказание, навела справки. Вот они, эти инте-

---

[1]) О поврежд. нравов, стр. 65; н. к Щербатов не спокойный наблюдатель; но ему нельзя не доверять, так как его сообщения, при всей их отрывочности, в общем согласны со всеми другими сведениями по этому вопросу, достойными серьезного внимания.

[2]) М. А. М. Ю. С. Д. по Камер-Кол., т 882.

ресные справки.—Астраханским промыслам „оклад показан“ в 43,275 р. 46 к. [1]), а саратовским 4307 р. 56 к.; затем из „астраханского оклада“ нужно исключить 4692 р. 69 к. в год, так как „в нынешнем 1753 г., говорит донесение, „промыслы при Гурьеве городке“ были отданы за эту сумму в содержание яицкому войску; следовательно „в астраханском окладе“ остается 38,582 р. 77 к. Далее известно, что претендентом на саратовские казенные промыслы явился купец Иван Дубровский с товарищами, который желает взять их на откуп с 1753-го года („а клей, по отдержании откупщиком, с 1754-го по 1757-й год) и обязывается платить тот „оклад“, в который эти ловли „положены“. Кроме того, по сообщению же камер-коллегии, Иван Дубровский просил, чтобы ему не было запрету, „ежели они, компанейщики, пожелают, вместо зернистой, строить армянскую икру“, которая иначе называлась („другим мастерством“) называлась „мешечной“ [2]). На последнюю компания Дубровского несомненно более всего расчитывала, так как на обработку икры армянским способом и на торговлю ею Дубровский и испрашивал для компании монополию [3]). Дубровский также ставил условием, чтобы компании не было „запрета“ в торговле как внутри, так и вне государства, „где способнее будет“.

На этих условиях саратовские рыбные промыслы были отданы Дубровскому и К-о „из платежа“ 9260 руб. в год

---

[1]) По книге 1724 г. оклад астраханским казенным промыслам был показан 47,583 р. 2¾ к.; затем, по отдаче «на откуп и помещикам во владение» части этих промыслов за 4169 р. 14¼ к., оклад им „был показан» в 43,413 руб. 87 к. (М. А. М. Ю., из С. Д. по Камер-Кол., т. 870). Астраханские промыслы, как известно, были взяты на себя гр. Шуваловым; но не все: незначительная часть их оставалась на казенном содержании; по крайней мере, начиная с 1742 по 1757 г., мы имеем сведения о доходах казны с казенной рыбы. (см. прилож. — Эта-то именно часть, вероятно, и вошла в состав того «содержания», на которое впоследствии попал Сидор Попов (см. VII-ю главу).

[2]) Доход от мешечной икры при казенном содержании в 1747 г.—152 р. в 1748 г.—124 р.; в 1750 г.—132 р. и в 1751-м году.—186 р.

[3]) „А другим, кроме их, без позволения не делать, також и в астраханских водах на партикулярных ватагах всякого чина звания людей армянской икры, кроме зернистой, отнюдь никому ни под каким видом не делать и внутрь и вне государства не вывозить“.

вместе с „царицынскими градскими водами (за 378 р. 79 к.). Вдобавок к этому компания должна была платить всевозможные пошлины „с того откупу“ и особую сумму с „мешечной икры“; эта сумма, при благоприятном ходе компанейских дел, могла достигать солидной цыфры, ибо с пуда мешечной икры Дубровский обязался платить в казну 12 к. [1]).

Вопрос об отдаче саратовских казенных промыслов Дубровскому и К-о вызвал также справку о доходах казны с этих промыслов при казенном содержании, и эта-то именно справка документально доказывала, что камер-коллегия имела за собой полное основание, выражая мысль о наибольшей доходности казны от частного содержания: оказывалось, что откупная сумма Дубровского превзошла самый крайний доход от промыслов при казенном содержании их [2]). Преимущество частного содержания представится еще больше, если мы отметим тот факт, что в цыфры 1747, 1748, 1749 и 50-го годов вошли деньги с мешечной икры, доходность от которой, при компанейском содержании Дубровского, еще не могла быть известна и след. не могла войти в откупную сумму (9260 руб.). Словом „содержание“ обещало быть гораздо выгоднее для казны, чем прежнее казенное „производство“ промыслов. Конечно, Дубровский мог и не выполнить по отношению к казне всего того, выполнить что он обещался; но

---

[1]) Указ в этом смысле был послан 15-го мая 1753 года. М. А. М. Ю, С. Д. по Камер-Кол., т. 2764.

[2]) Приведем все имеющиеся в справке цыфры казенной прибыли с саратовских рыбных промыслов, означающие и оброчные деньги и барыш „с пропанных при казенном содержании—рыбы, рыбных припасов, клея, икры“— и показывающие колебание казенной прибыли за целый ряд лет:

В 1732 г.—4643 р.*).	1742 г.—4479 р.
1733 г.—4136 р.	1743 г.—7342 р.
1734 г.—4242 р.	1744 г.—5378 р.
1735 г.—4087 р.	1745 г.—7767 р.
1736 г.—4238 р.	1746 г.—7009 р.
1737 г.—3247 р.	1747 г.—8698 р.
1738 г.—5388 р.	1748 г.—7974 р.
1739 г.—5163 р.	1749 г.—6755 р.
1740 г.—5824 р.	1750 г.—8486 р.
1741 г.—6936 р.	1751 г.—7856 р.

*) (М. А. М. Ю., Ibid. 2764 т. Копейки отбрасываю.

в распоряжении власти находилось столько средств для понуждения простого купца Дубровского к уплате, что выполнение им взятых на себя фискальных обязанностей следовало считать в значительной степени обезпеченным...

Доктрина о наибольшей выгоде для государственных финансов от частного содержания казенных промыслов крепко утвердилась в сознании власти. Рыбные, утиные и лебединые ловли на Ильмене было велено отдать на откуп, с 1751 до 1755 г.; компания составилась, и те ловли давали казне доходу—1669 р. 80 к. в год; но в 1754 г., не додержав сроку, „компанейщики“ „отреклись“. Никто не выискивался, кто пожелал бы взять эти промыслы сполна все: рыбные, утиные и лебединые; охотники находились только на одни рыбные,— за которые даже „наддавали“ по 50 рублей в год. Камер-коллегия нашла необходимым высказаться в том смысле, что приходится, де, отдать рыбные промыслы на Ильмене „отдельно от прочих сборов“, а сенат принужден был согласиться с этим мнением и велел публиковать [1]).

Общая мысль настоящей главы, как, вероятно, уже давно ясно самому читателю, заключается в том, что колебание между казенным и частным содержанием выгодных статей государственной промышленности в 1-ой половине XVIII ст. [2]

---

[1]) П. С. З., XIV, 10414.

[2]) Как я заметил выше, настоящая глава имеет своим предметом лишь такие промыслы, которые, за исключением винного и соляного дела, были наиболее доходны и которые поэтому породили весьма оживленную политику. Мы однако не станем думать с читателем, что «колебание» коснулось только «рыбных и звериных» промыслов; нет, эта неустойчивость свойственна вообще всей торгово-промышленной политике рассматриваемого времени, относящейся, как к винному и соляному делу, так и к другим статьям, доставлявшим больший или меньший доход казны. К таковым статьям, относится, напр., торговля смолой. До 1726 г. смола находилась в казенном содержании и давала казне ок. 40.000 руб. ежегодно; с 1726 года смола была объявлена свободной, оставаясь в частном содержании до 1741 г. и принося ежегодно не выше 8000 руб. казенного дохода; с этого последнего года смола снова была объявлена государственной монополией, но на этот раз, вместо восьми тысяч частного содержания (когда казна в 14 лет, сравнительно с предыдущим казенным временем понесла убытку до 448 тыс. руб.), казна от соляного торга стала получать не более 6 тысяч руб. (доход колебался между 5-ю и 6-ю тысячами). Наконец, в 1760 г. состоялся указ

зависело от соображений не столько государственного (не говоря об обще-народном), сколько частного, личного характера. Приютившись под широкую сень „государственной пользы", частный интерес заставил служить себе эту „пользу" лучше, чем она служила государственной казне. Разсмотренное „колебание" именно и обусловливалось: 1) тем, что властные люди стремились завладеть наиболее доходными казенными промыслами и 2) тем, что обстоятельства, благоприятствовавшия тому или другому властному лицу, были очень изменчивы, чему особенно способствовали частые смены правительств в изучаемый промежуток времени: с каждым новым правительством на место прежних властных людей вставали новые, желавшие, подобно своим предшественникам, при помощи власти и связей, приобрести себе и экономические блага *на законном основании*. Не всё, по самому свойству предмета, возможно доказать документально на основании оффициального материала; но общий смысл изучаемого явления в пределах означенных в этой главе статей промышленности, думаю, не представится иным всякому безпристрастному наблюдателю.

В 1745 году (19-го марта) было об'явлено, что промыслы по Волге, отданные частным лицам „все у них взяты в казенное содержанне" [1]). Припомним, что за подобным же распоряжением 1704 года (лишь касавшимся „рыбных ловель" „всего государства") последовала, посредством правительственного указа, отдача беломорских промыслов Меншикову и К°; а теперь, за отмеченным распоряжением 1745

об отдаче смолы в откуп Нарышкину, в руках которого она и находилась до указов 1773 и 1774 гг., указов, сделавших торг смолой свободным (Обзора различных отраслей мануфактурной промыш. Россия т. II, статья Рейхеля стр. 386—388).

Ловля жемчуга при Петре В. была государственной монополией (II, С. З., VI, 3793; VI, 4061), а в царствование Анны Ивановны ловля жемчуга была дозволена всем, с тем, чтобы лучший жемчуг представляли воеводам „для получения награды по разсмотрении (II. С. З., IX, 6922). Это распоряжение оставалось в силе и в последующее время (II. С З. XVI, 12035).

[1]) II. С. З., XII, 9125. Конечно, в „казенное содержание" взяты с тем, чтобы потом отдавать «партикулярных людям» из-за «наддачи».

года, не так скоро, как раньше, но всё же последовало господство в волжских промыслах гр. П. И. Шувалова [1]).

Дубровский и ему равные по общественному положению, получившие сравнительно с Шуваловым ничтожные крохи, действительно, после указа 1745 года, „наддали“ и тем доказали камер-коллегии преимущество частного содержания над казенным; но гр. Шувалов, подобно кн. Меншикову и б. Шембергу, не только ничего не „наддавал“, но прямо таки не платил никакой оброчной суммы и тем... сам доказывал сенату не только преимущество „партикулярного“ „содержания“ состоящих на службе лиц, но и свои промышленно-финансовые заслуги пред государством.

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА
УЛИТИНА
Алексея Викторовича

[1]) Шувалов мог и не участвовать с задними и без задних мыслей в составлении указа 1745 г. „об отобрании казенных промыслов у частных лиц, но все равно: суть дела в том, что новое правительство возвращало прежде всего себе свои собственные промыслы, переданные в частные руки прежним правительством; после этого один небольшой шаг, чтобы выступить правительственным *лицом* в качестве «партикулярных людей», желающих выгодные промыслы взять себе „в компанию“ или „в содержание“

Глава VI.

Общая характеристика промысловых [1]) компаний—„содержаний".

Промысловые компании высокопоставленных лиц.— Кн. Меншиков и К°. Б. Шемберг и К°. Промысловое содержание гр. П. И. Шувалова и исключительные привилегии этого „содержания". Видные компанейщики правящего класса, как особая социальная группа. Промысловые компании простых купцов. Компанейщики—откупщики разных „сборов". Компания бр. Евреиновых. Астраханские компанейщики. Компании на дальнем Востоке Сибири. Сравнение обоих типов компаний—содержаний: высокопоставленных лиц и простых купцов.

В предыдущих главах мы имели довольно много случаев наблюдать следующие явления. В первой половине XVIII стол. (особенно же в эпоху петровской реформы) правительство стремится поставить на ноги, как можно скорее, торговлю и промышленность в стране, при чем в 1-ю черверть века в правительстве-до смерти Петра Великого--преобладает серьезный государственный взгляд на эти обе нераздельные отрасли народного труда, взгляд, главным носителем которого был сам преобразователь; но в последующее время, при Анне Ивановне и при Елизавете Петровне, государственные цели, которые попрежнему преследовались торгово-промышл. политикой в теории,—на практике начали сильно эксплоатироваться видными государственными деятелями для личных целей, о чем существуют показания и правдивых современников этих деятелей. В этот после-петровский момент (до императрицы Екатерины II ой) оффициальная бумага *лишь говорит* о разных

[1]) Этим термином я хочу указать что здесь речь пойдет не о мануфактурах и фабриках, а о промыслах-рыбных, горных, звериных и т. под.,— и только: в изложении я употребляю уже безразлично слова: промышленный и промысловой.

способах, ведущих к развитию промышленности и торговли; в этот момент между разсуждениями „о государственной и народной полизе“ и действительностью лежит целая пропасть. Далее. Черты действительности, намеченные в предшествующих главах, обобщаются в двух главнейших социально-экономических категориях. Это: 1) торгово-промышленные компании влиятельных в правительстве лиц или лиц, очень близких к ним по своему сословному положению; словом,—дворянские торгово-промышленные компании; 2)—торгово-промышленные компании крупных купцов. Наконец, из пред'идущего же можно заключить, что оффициальные лица, близкие к правительственной власти или даже и обладавшие ею, по очевидным причинам, владели наиболее выгодными промыслами, затмевая таким образом своим торгово-промышленным делом даже самые крупные купеческие товарищества. Вот почему мы и начнем свою характеристику с первой категории, собрав в настоящей главе отрывочные и нередко чрезвычайно краткие указания, которые мы нашли в печатных и рукописных источниках, изучая „компании“ этого порядка.

Нельзя сказать, чтобы владение большими промыслами и занятие более или менее широкими торговыми операциями именитых служилых людей вели свое начало с XVIII стол. Не говоря уже о боярах новгородских и псковских, основывавших свое политическое могущество на значительных промысловых угодьях и торговых оборотах, и московские бояре не были совершенно чужды промыслов и торговли, всё равно как московские „гости“ не были чужды известных служилых функций. Укажу, для примера, на боярина Бориса Годунова, промысловые владения которого по своему об'ему обратили особенное внимание любознательного и наблюдательного англичанина [1]). Тем не менее лишь с XVIII стол. промысловые владения именитых „излюбленных“ людей на столько раздви-

[1]) Вопрос о промысловых владениях в Московский период еще ждет своего исследователя. По давнему словесному мне сообщению одного из бывших усердных работников Московского Архива б. Министерства Юстиции А. И. Зерцалова в этом источнико-хранилище имеется отдел, еще очень мало известный, о пожалованьях московскими государями гл. образом XVII стол. различных промыслов служилым людям; к сожалению, я не имел положительно ника-

нули свои границы и так тесно переплелись с финансовыми интересами казны и социально-экономическими отношениями к низшим классам населения, что из спорадического (более или менее) явления прежнего времени, наконец, вырос вопрос не одного финансового, но и социального значения, как для современников гр. П. И. Шувалова и компаний, так и для научного исследования. И при том вырос этот вопрос не сразу даже в XVIII стол., а с достаточной постепенностью.

Мы видим, что компания кн. Меншикова „производила“ еще не столь много, чтобы можно было считать, что промыслы, отданные ей на исключительных условиях для размножения, сколько-нибудь удовлетворили ожиданиям и надеждам Петра В.: повидимому, они и отобраны были у компании потому, что она заботилась лишь о „размножении“ своей прибыли, а не промыслов. Самые операции компании не шли дальше проторенных путей от северных старинных пунктов; оборот компании был сравнительно очень невелик. Из сведений, приводимых г. Огородниковым, видно, что в 1700 году, т. е. до учреждения названной компании, было отпущено за границу сухой трески 9548 пудов [1]); данные, взятые мною из других архивных бумаг, свидетельствуют об уменьшении отпуска при содержании промыслов компанией Меншикова: так в 1717 году было отослано за границу 7297 пудов, в 1719 г.—1997 пудов трески. Отпуск сала („ворванье, китовое и моржевое“) [2]) от компании Меншикова был также невелик, хотя цифры архива б. М. Юстиции показывают и большое количество этого отпуска, чем те, которые заимствованы г. Огородниковым из документов архива д-та тамож. сборов.

Так в 1717 г. сала было отпущено			3122	боч.
— — 1718 г.	—	—	4161	боч.
— — 1719 г.	—	—	3601	боч.
Итого за три года	—	—	10884	бочки [1]).

кой возможности не только изучить, но и пересмотреть эти, по словам покойного архивиста, нетронутые никем документы.

Цитата в тексте взята из Флетчера.

[1]) Очерк Истор. Гор. Арх. стр. 183.

[2]) В 1715 г. это сало отпускалось за 5 руб.—«мерная бочка», в которую входило 7 пудов. В 1716 г.—«мерная бочка отпускалась за 4 р. 50 к.

[1]) Г. Огородников почти за это же время, за 1717, 1719 и 1720 г.г. отмечает общую сумму бочек разного рода сала гораздо меньшую, именно: 3400 боч. (стр. 183). См. прилож.

Вполне сознаю, что эти немногие сведения, дополняющие немногие же и случайные по этому вопросу сведения г. Огородникова, весьма недостаточны для характеристики компании кн. Меншикова, относительно которой остается много еще неопределенного, темного...

Компания герцога Бирона и Шемберга представляет операцию, затеянную в гораздо больших размерах, чем компания кн. Меншикова и Шафировых: как известно, беломорские казенные промыслы послужили только ценным придатком к горно-заводским,—захваченным фирмой Шемберга несколько раньше беломорских промыслов. Отсылая попрежнему читателя за подробностями берг-компанейских дел к цитированной выше статье г. Рожкова, я и здесь остановлюсь на том, что мне кажется наиболее важным и характерным или что является нелишним дополнением к фактическим данным, имеющимся в обнародованных уже „материалах".

Берг-компания, получив чрезвычайные привилегии и пользуясь слишком в глаза бьющей поддержкой правительства [1]), сразу приобрела большой кредит у иностранных фирм. Можно даже сказать, что иностранные фирмы совершенно заслонили собой в этот момент русских крупных купцов, участие которых в берг-компанейских операциях не заметно. Герцог Бирон и б. Шемберг не хотели делиться барышами с русскими торговыми компаниями; отношение берг-компании к русскому торгово-промышленному миру ограничилось эксплуатацией мелких промышленников, обязанных постав-

[1]) На сколько были велики привилегии берг-компании, кроме отмеченного в предыдущей главе, видно еще из нижеследующего. «К числу, льгот, дарованных б. Шембергу, говорит г. Рожков,» должно отнести и то, что ему запродавалось все казенное железо по 58 к. за пуд, без залогов, на неопределенное число лет «впредь до указа», начиная с выделки за 1738 г., так-что военное и морское ведомства для своих потребностей в железе должны были обращаться к агентам берг-компании, и покупать у них по вольной, а не по уговорной цене». А вот и иллюстрация правительственной поддержки, в тексте того же исследователя: «около 50 человек было выписано иноземных рудокопов, штейгеров и плавильщиков, преимущественно из Саксонии, и хотя многие из них состояли на службе в берг-компании, но жалованье и другие довольства получали *от казны*. Даже управляющие заводами получали *казенное содержание*» и пр. (Материалы, стр. 4).

лять свою беломорскую добычу грозным промысловым господам своим.

Исключением является горнозаводчик Акинфий Никитич Демидов, сосед [1]) по владениям б. Шемберга, давший герцогу Бирону „под особую облигацию 50 тыс. ефимков [2]). За то лишь ему одному из крупных русских промышленников и пришлось потерпеть убыток, когда пала берг-компания. Деньги Акинфий Демидов заплатил герцогу за российское „баронство с чином горного советника", но так как он не мог предвидеть „капризов судьбы", то солидная взятка пропала даром [3]). Иностранные же фирмы от крушения берг-компании не потерпели, повидимому, никакого убытка: императрица Елизавета заплатила им то, что им задолжала погибшая полуправительственная берг-компания. Мы остановимся несколько на вопросе об „уплате", так как с ним связываются некоторые отношения, имеющие обще исторический интерес.

Вот какого рода прошение было подано в елизаветинский сенат от гамбургской фирмы братьев Поппе (Корнелиуса и Лоренца). В 1741 г. гамбургские купцы, „взирая па высокую привиллегию, данную барону Шембергу", „повелели" своему земляку, жившему в России, закупить у б. Шемберга сала, „сколько в 1742 году в привозе будет", ценою по 5 р. 5 к. за бочку. При этом гамбургские братья даже поторопились заплатить вперед б. Шембергу чрез его поверенного Германа Меэра—10,000 руб. „для лучшей надежды в содержании оного контракта". „Но за приключившимся ему б. фон Шембергу несчастием", братья „паче всякого чаяния" потерпели большой убыток и „принуждены были чувствовать, что по тому учиненному чистому контракту никакой поставки у города Архангельска не учинено". Прошением купцов вопрос об иностранном долге далеко не исчерпался. От консула комерц-советника Ульриха Кюна поступила челобитная уже на имя императрицы, имеющая своею целью выпросить у русского правительства 10000 руб. в пользу гамбургской фирмы бр.

---

[1]) «Материалы», стр. 6.
[2]) Ibid., стр. 3.
[3]) Ibid., стр. 3.

Поппе, вместе с суммой в 495 р., которую б. Шемберг задолжал той же фирме „по прежнему контракту". Кроме того, голландский резидент ходатайствовал за гамбургских братьев пред иностранной коллегией, но в этом учреждении „удовольствовать резидента" было нельзя... Словом, дело возникло большое и велось довольно долго [1]); в конце концов сенат убедился, что „действительно" б. Шемберг получил от гамбургских купцов-братьев—„10493 рубля 43 к. до аресту его" идо взятия промыслов „в казенное содержание" и что это „все по свидетельству коммерц-коллегии" и комиссии, разсматривавшей настоящее дело, „точно об'явилось". Сенат однако не учинил сам резолюции на этом „точном" „об'явлении", хотя не очень и поторопился представить свой доклад высочайшему вниманию: подписан он был 14-го марта (1751 г.), а подан, для получения от императрицы указа, 19-го ноября [2]). Указ мне неизвестен; я не знаю даже, последовал ли он на этот доклад; но тем не менее, мне кажется, вернее предположить, что прошение гамбургской фирмы было удовлетворено [3]). На предположение такого исхода дела существуют достаточные основания. Прежде всего в самом докладе сената дело гамбургских братьев представлено, как правое и, в силу одного этого, трудно ожидать, чтобы императрица осталась при особом мнении. Тем более, что за Поппе ходатаями были не одни вышеозначенные лица, но и русские влиятельные люди. Гамбургский консул обратился к посредничеству Бестужева-Рюмина. В тех же самых бумагах [4]) мы находим письмо последнего к кн. Никите Юрьевичу Трубецкому (обер-прокуро-

---

[1]) Началось в 1743 г., а кончилось не ранее конца 1751-го года, ибо доклад сената был подан на Высочайшее имя 19-го ноября этого последнего года.

[2]) М. А. М. Ю, С. Д. по Коммерц-Кол., т. 2572.

[3]) Г. Рожков говорит положительно, что «гамбургские братья Поппе ничего не получили, хотя вопрос о запродаже им сала доходил до коммерц-коллегии и сената". На слово поверить этому бездоказательному сообщению нельзя, ибо точность его сильно заподозривается при сопоставлении со сведениями, приведенными мною в тексте из другого источника, сведеньями, между прочим показывающими, что «вопрос» доходил не только до сената, но и до императрицы, получившей его от сената уже по разсмотрении его этим учреждением.

[4]) М. А. М. Ю, С. Д., т. 2572.

ру сената), которому Бестужев—Рюмин „всепокорно рекомендует“ консула и „его прошение“ и вообще сильно поддерживает требование гамбургской фирмы. Сверх всего этого, нет решительно никаких весских данных думать, чтобы императрица Елизавета поскупилась в этом одном случае, когда в других случаях подобные же прошения были несомненно удовлетворены. Так 27-го мая 1749 года был дан именной указ, которым повелевалось заплатить берг-компанейский долг английским купцам, за которых ходатайствовало английское посольство; и англичане получили из казны 78.475 р. 90 к. [1]). В 1752-м году швейцарский купец Яган Стегелии бил челом на имя императрицы Елизаветы об уплате ему долга б. Шемберга и получил из казны 3,880 руб., т. е. всю ту сумму, которую просил [2]). Словом, привилегии, соединявшие берг-компанию с горно-заводским казенным ведомством и, следовательно, придававшие ей почти правительственный, „казенный“, характер, сделали то, что даже новое правительство приняло вину берг-компании на себя. Не берусь судить, вытекало ли это принятие из соображений политического приличия или из чего-либо другого? но все-таки бескорыстие елизаветинского правительства тем более знаменательно, что о „размножении“ берг-компанией казенных промыслов, как на основании оффициального заявления [3]), так и на основании цыфровых данных, не может быть и речи [4]).

Обращаясь к промысловым операциям гр. П. И. Шувалова, прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что промысловые конторы этого вельможи не примыкали ни к одному правительственному учреждению, в роде берг-директориума, и не имели никаких вообще признаков „казенного содержания“, в роде жалования от казны служащим при про-

---

[1]) «Материалы» г. Рожкова, стр. 42.

[2]) М. А. М. Ю, С. Д. по коммерц, Б., и М. К., т. 2701; Яган Стегелин должен был принять от б. Шемберга за полученные вперед деньги 4000 пуд. железа и 370 боч. ворванья и сала (первое по 60 к. за пуд, второе по 4 р. за бочку). Ibid. «Материалы», стр. 42.

[3]) См. цитир. в пред'ид. главе указ об отнятии промыслов у б. Шемберга.

[4]) «Материалы» г. Рожкова, стр. 26, 30.

мыслах. Затем, промыслы, морские и горные были отданы Шувалову „в содержание", а не в компанию; но это в данном случае несущественно: дело в том, что, как мы уже видели выше, промысловые предприятия гр. П. И. Шувалова находились в генетической связи с подобными же предприятиями его предшественников, ибо Шуваловы, образовав свой торговый дом, опирался на те же главнейшие мотивы, которые со времени Петра В. легли в основу компанейского владения государственными промыслами; сверх того, впоследствии П. И. Шувалов поделился полученным им правом на промысловые угодья с английскими купцами Гомом, и таким образом тоже как бы вошел с ним в компанию. Во всяком случае, „содержание промыслов Шуваловым противопоставлялось казенному и нередко отожествлялось с компанейским" [1]). Вступал гр. Шувалов в тайные коммерческие сделки и с другими нужными ему лицами и целыми компаниями. Словом, в конце концов, гр. П. И. Шувалов был тоже „компанейщиком", вдобавок самым первым компанейщиком в государстве. После этих предварительных общих замечаний мы укажем на существенные черты „содержания" казенных промыслов от графа П. И. Шувалова.

Мы уже знаем, что последний, кроме того, чем владела

---

[1]) Кирилов в известном сочинении, составленном в 1727 г. («Цветущее состояние Всероссийского государства, ч. II, стр. 71; изд. 1831 г.), заводы единоличных владетелей называет «компанейскими»; но крайней мере, он не указывает «компанейщиков» перечисляя только владетелей, как-бы единственных собственников заводов.

Затем: *официально* берг компания и б. Шемберг были одною и тою же величиною.

В 1760 г. (30-го марта) вышел указ, которым гр. Воронцову дозволялось учредить компанию с 1759 года на 30 лет «одному». В указе предписывалось: „именовать сей торг, и во всяких письмах писать коммерчествующею в Бухару и Хиву компаниею и производить сей торг по всему левому берегу Каспийского моря от астраханского и гизлярского портов до самых персидских границ в принадлежащие места, в Белый Бугор, в Трухменский Кряж, в Серебряный Бугор же, и в другие... места и урочища (в которых во всех местах находятся кочевые народы и не состоят в подданстве у Персидской Области)». «Товарищей» только не было запрещено иметь гр. Воронцову на тех же основаниях, на которых «торг» был отдан ему самому, а вовсе не предписывалось, как это бывало в других случаях (П. С. З. XV 11046). Во всяком случае здесь об'явлен компанией такой торг, который на первых парах принадлежал одному Воронцову, а не компании.

покойная берг-компания, прихватил себе промыслы Северо-Ледовитого океана и Каспийского моря; сюда же следует присоединить промыслы и Ладожского озера [1]), таким образом гр. Шувалов совместил весь русский Север и Юг в своих руках, как первоклассный рыбник. Вследствие этого, сально-рыбный торговый оборот гр. Шувалова должен был затмить собой таковой же берг-компании.

„Прибыль, говорит г. Огородников, „от промысловых операций гр. Шувалова не может идти в сравнение с его предшественниками, по продолжительности управления промыслами и по успешности самых дел“ [2]). Это — голос авторитетный, так как г. Огородников специально исследовал историю торгового оборота при Архангельском порте, где находилась главная квартира промысловых и торговых сально-рыбных „дел“ гр. Шувалова. Что же касается горного производства, то деятельность Шувалова в этой области тоже уместно сравнить с предшествующим положением „горных дел“. Бирон и Шемберг обратили свое внимание почти исключительно на гороблагодатские заводы, приносившие уже до берг-компании хороший доход казне и, эксплуатируя налаженное дело, не сделали на этом поприще новых шагов, хотя б. Шемберг в своей докладной записке и обещал стараться именно о дальнейшем развитии горной промышленности. гр. П. И. Шувалов и здесь действовал с гораздо большей энергией: он не ограничился старыми казенными заводами, начав строить новые и распространив свое господство не только на Пермский край, но и на территорию почти независимых башкир. Такое необычайное количественное расширение шуваловских промыслов и потребовало тех чрезвычайных привилегий, которыми гр. П. И. Шувалов наделен был в более значительной степени, чем предшествовавшие ему компании оффициальных лиц Эти привилегии были трех родов: финансовые, торговые и социально-экономические. Гр. Шувалов так-же, как б. Шемберг, пользовался субсидиями от казны без отдачи и с

---

[1]) П. С. З. XIII, 9705; Ibid. в в Оч. ист. Арханг.» г. Огородникова, стр. 190.

[2]) Очерк истор. Арх. г. Огородникова, Ibid.

отдачей, до которой гр. Шувалов тоже был не охотник. Так, когда в его владение перешли архангельские промыслы, ему было ассигновано из казны 6000 руб. на заготовление сала, моржевой кожи „и прочего“ [1]). Не остался гр. Шувалов без денежной помощи со стороны правительства и при получении гороблагодатских заводов, о чем мы узнаем из его челобитной, в которой он выпрашивал продление срока уплаты казенного долга. Челобитная была подана в 1756 г. (3-го декабря) на Высочайшее имя. „При отдаче мне в содержание гороблагодатских железных заводов“, говорил Шувалов, „обязан я употребленный на те заводы капитал, сколько того по расчету следует, заплатить в казну в десятилетнее время в каждый год по равному числу“. Но обязательства этого пока он не может выполнить. Много слишком оказалось препятствий, чтобы выплачиванье долга шло непрерывно и сколько нибудь успешно: затраты были очень велики, „размножение“ заводов тоже, а „лето сухое было“, вследствие чего „для обращения капиталу знатное число железа невыковано и не малое время молотовые фабрики стояли праздно“. Словом, ничего другого гр. Шувалову не оставалось, как только просить, нельзя ли занятые им в казне деньги платить не ежегодно, а когда он граф, захочет, лишь бы долг был погашен в десятилетний срок. Указом 9-го декабря (1756 г.) было об'явлено: „ныне“ денег с гр. Шувалова не требовать „ради показанных резонов“; однако наблюдать, чтобы в десять лет были заплачены сполна [2]). Нам уже известно, что также успешно гр. П. И. Шувалов достигал и продления своих пошлинных долгов казне. Вообще, деятельность этого государственного человека очень ценилась правительством, вследствие чего и финансовые льготы и награды были очень немалы, как это видно и из указа 1753 года, где мы читаем, что Шувалову пожалованы 30,000 руб. за изыскание способов „к приращению доходов кабацких и соляных, которых ежегодно в казну немалая сумма доходит, сверх прежних сборов, без народной тя-

---

[1]) П. С. З., XII, 9515; Ibid. в М. А. М. Ю, С. Д. по Комерц Кол. т. 2764.

[2]) М. А. М. Ю, Сен. д. по Берг—Кол., т. 2864.

гости". В деньгах, впрочем, иногда и отказывали. Так, когда гр. П. И. Шувалов „на строение" новых железных заводов просил чрез берг-коллегию до 12000 руб., то сенат ему отказал в этом вспоможении, хотя берг-коллегия и высказалась в пользу титулованного промышленника. Гр. П. И. Шувалов, очевидно, поощряемый многими „милостями", запрашивал слишком много: в одном указе, дарующем Шувалову рыбные промыслы, мы без удивления читаем оговорку, чтобы он, получив все, ему данное, уже затем „не требовал денег из казны" [3]). Отсюда ясно, что не денежными льготами и получениями были сильны промыслы гр. П. И. Шувалова: промыслы его были сильны торговыми и социально-экономическими привилегиями. При этом для сально-рыбных промыслов наибольшее значение имели торговые,—а для горных заводов-социально-экономические привилегии, из коих главнейшею была та, о которой мы будем говорить в особенности; это-приписка государственных крестьян к заводам.

Теперь и разсмотрим этот вопрос о шуваловских привилегиях.

Самая важная торговая привилегия, которая делала положение графа Шувалова совершенно исключительным на сально-рыбном рынке, это—данная ему монополия: все мелкие промышленники не имели права продавать свой товар куда бы то ни было, кроме рыбной конторы Шувалова. Такой порядок однако не всегда соблюдался. От графа следовали жалобы на несоблюдение; Шувалов заявлял правительству, что продажа товара в другие места „мимо" его собственной конторы причиняет „помешательство" в его делах и ущерб не только ему, но и казенному интересу. Правительство было согласно с этим и подтверждало указами, чтобы все остальные промышленники продавали свой товар только в контору графа Шувалова или его прикащикам, а в случае продажи товара в чьи-либо иные руки угрожало конфикацией этого товара [1]).

Обезпечив себе монополию со стороны получения товара

---

[1]) П. С. З. XIII, 9705, 9723, 9804.

от промышленников, гр. П. И. Шувалов постарался выгодно установить промышленно-торговые отношения к русским фабрикантам; он решил как можно лучше обеспечить сбыт сала на внутреннем рынке. Шувалов сослался на петровские указы 1715, 1718 и 1720 гг., повелевавшие юфть делать для обуви с ворванным салом, а „кто того исполнять не будет, штрафовать". „А понеже, говорил гр. Шувалов, по имянному Ее Императорского В-ва указу пожалованы мне в содержание промыслы ворванья сала архангелогородские, а указом из правительствующего сената астраханские", то необходимо издать новый указ, которым было бы повелено мануфактур-коллегии и Главному Магистрату взять от фабрикантов „обстоятельныя известия", „сколько им на дело той юфти ворванья сала в год потребно будет и по взятии тех известий сообщить оныя в мою контору". Это, по мнению Шувалова, необходимо для того, чтобы „можно было" определить точно, сколько оставить сала „от заморского отпуску" для внутреннего рынка и „дабы фабриканты кожевенных заводов за неделанием оной кожи на внутренний расход без сала подпасть под штрафы не могли". К тому же желательная точность в „известиях" устранит „отговорки" фабрикантов, „якобы за неимением сала то чинили", „от чего, прибавлял гр. Шувалов, „легко может последовать нарекание на контору мою"...

Всего этого не случится, если правительство согласится с гр. Шуваловым, который, согласно с полученными „известиями", и будет „заключать контракты" „с теми фабрикантами". Ясно, что правительство не могло не согласиться; указ был дан сенатом и, куда следует, послан (20-го февраля 1752 г.) [1]), или иными словами: фабриканты встали в зависимое положение от шуваловского оборота.

И так отмеченные торговые привилегии [2]) вели к социально-экономическим результатам, почему их строго нельзя

---

[1]) М. А. М. Ю, Д. С. по Каммерц.—Б. и М. К., т. 2701; есть и в П. С. З. XIII, 9942.

[2]) Другие торговые привилегии для нас не имеют особенно важного значения. Напр., в 1750-м году гр. П. И. Шувалову было разрешено еже-

отделять от привилегий социально-экономических, к которым мы и переходим. Шуваловское „содержание“ горных заводов затмевает все предъидущее в этой области главным образом со стороны количества даровой рабочей силы и разных льгот, соединенных именно с рабочим вопросом. Этот вопрос, разрешенный так называемым-поссесионным правом на чисто государственной почве, довольно робко перешел на почву частных интересов при берг-компании и вполне смело начал эксплуатироваться частными лицами в тот момент, когда всеми выгодными статьями промышленности завладел гр. П. И. Шувалов. Впрочем, если ни на минуту не упускать из виду известного правительственного значения гр. П. И. Шувалова, то a priori невольно веришь кн. Щербатову, сообщающему, что к гороблагодатским заводам Шувалова было приписано до 20,000 душ [1]). Нет оснований думать, что кн. Щербатов в этом случае преувеличил, ибо и оффициальные ведомости (1751 и 58 гг,) показывают немалое число душ за гороблагодатскими заводами—12.637 челов. [2]); к тому же оффициальные „ведомости“ следует заподозрить вообще в недосказываньи, так как очень часто мы читаем, вместо цыфр, стереотипную пометку: „известий нет“,—по которой, если и можно о чем судить, так только о собирании и сообщении сведений такого рода в те времена.

Для железных заводов, которые гр. П. И. Шувалов предпринял строить в Оренбургской губернии, он получил тоже довольно солидное число государственных крестьян, именно—1920 душ (указ сената 18-го ноября 1753 г.) [3]).

годно получать иностранную соль к Кольскому порту в количестве от 300 до 500 пуд.—„для соленія рыбы трески Лабердана“; при этом общее запрещение, наложенное на иностранную соль в пользу национальной, было крепко подтверждено (П. С. З. XIII, 9799) В 1758-м году Шувалову было разрешено к отпуску за границу—соленое мясо, на вывоз которого был наложен повсеместный запрет, вследствие скотского падежа в южной России; запрет был установлен с 1745—1751 гг., но, по свидетельству г. Огородникова, не снят и в 1758 г. для всех за исключением одного гр. Шувалова (Очерк истории Арханг., стр. 205.

[1]) О поврежд. прав, стр. 65.

[2]) М. А. М. Ю, Сен. Д. по Б—Кол., т. 2864.

[3]) М. А. М. Ю, Сен. по Б.—К., т. 2767.

Это количество вполне соответствовало той цифре, которая была установлена законодательством для заводов партикулярных людей [1]). Законодательство остановилось на 400 душ к каждой домне и на 120 душ к каждому молоту; у гр. Шувалова на оренбургских заводах было показано 6 молотов и 3 домны; таким образом требовалось 720 душ к молотам и 1200 душ к домнам, т. е. числа, сумма которых совпадала с количеством приписанных сюда крестьян [2]).

Но гр. Шувалов законным числом не ограничился. Соблюдение формальности было сделано ради формальности. В действительности же приписка, согласная с законом, послужила только предлогом для получения Шуваловым крестьян к оренбургским заводам в гораздо большем количестве, чем оно было определено в указах. Дело было устроено так. Души, вычисленные „по разсмотрению", сообразно с количеством молотов и домн, приписывал к оренбургским заводам особый поручик, который, как доносила казанская губернская канцелярия, и „об'явил": „к означенным, де, заводам из ясашных крестьян ближе и способнее казанского уезда не сыскалось, которые, считая на дворе по 4 души, всего — 1920 душ, в показанных в описи местах и с землями приписаны". А „за приписк[illegible]ю", об'являл далее поручик, „в тех жительствах осталось по нынешней ревизии умерших, престарелых и малолетних 2851 душа". Присланный гр. П. И. Шуваловым

[1]) Вот историческая справка. — В инструкции, данной В. Н. Татищеву (23-го марта 1734 г.) было сказано: „партикулярные люди за недостатком работников железных заводов строить не могут; а особливо, что в тех местах деревни все казенные"; а вслед за этим общим положением, было приказано „объявить", „ежели кто похочет железные заводы завести", то такому, сверх других привилегий, „дается ко всякой домне из государственных волостей до 150 дворов, а к молоту до 30 дворов, с таким обязательством, чтобы он за тех крестьян все надлежащие подати и накладные платил бездоимочно". Указом 1738 г., а также и берг—регламентом (1739 г.) было внушаемо не приписывать к заводам крестьян „целыми волостями", „но по рассмотрению давать по нескольку дворов. В 1752 г., по приговору сената, было велено заводчикам давать крестьян по 100 дворов на каждую домну и по 30 дворов к каждому молоту, „полагая во всяком дворе по 4 души" (М. А. М. Ю, т. 2767, С. Д. по Б. К. И в П. С. З. XIV, 10192 — указ 11-го марта 1754 года. — о том же). —

[2]) М. А. М. Ю, Ibid, т. 2767.

поверенный наблюдал за припиской и сейчас же, как и его хозяин, задался филантропическими целями. Поручик продолжает: „поверенный, де, служитель генерала“.. и пр. Шувалова для наилучшего тех крестьян исправления, желает, чтобы те оставшиеся крестьяне были при тех же приписанных крестьянах, за которых по нынешней ревизии обязался подушные деньги платить бездоимочно“. Эти несчастные крестьяне—„умершие, престарелые и малолетние“, но в количестве 2851 души, были тоже приписаны к шуваловским заводам, единственно „для исправного платежа подушных денег“.

В 1754 году (19 го марта) последовала новая приписка государственных крестьян к „заводимым“ гр. Шуваловым в Оренбургской губернии (Уфимском уезде) железным заводам „по прошению сенатора“ и пр., „по допошению берг-коллегии“ и „по приговору Правительствующего сената“. Было приказано приписать „к одной домне и двум молотам“ „из государственных черносошных крестьян 640 душ, считая летами от 15 до 60 лет“ [1]).

При таких замечательных привилегиях промыслы и заводы, взятые в содержание гр. П. И. Шуваловым, приносили ему и замечательные доходы. На севере он покупал напр., сало по 35 и 40 коп. за пуд, а продавал его из своей архангельской конторы по 80 к. за пуд [2]). Из справок в домовой конторе гр. П. И. Шувалова видно, что на его беломорских промыслах велось крупное торговое дело даже с тульским купцом, закупившим в 1753-м году у Шувалова значительное количество товара для заграничного отпуска в течении 20 лет; за это время в отпуске разного „рыбного и звериного“ морского товара показано на 318628 руб. 75 к. [3]).

Гороблагодатские заводы доставляли гр. П. И. Шувалову, по показанию кн. Щербатова, до 200,000 годового до-

---

[1]) М. А. М. Ю. С. Д. по Б. К., т. 2767.
[2]) Огородников, стр. 190.
[3]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б. К., т. 2864.

хода [1]). Выделка железа на этих заводах сильно поднялась в последние годы, почему цыфра кн. Щербатова представляется весьма правдоподобной. Показание кн. Щербатова тем более заслуживает нашего внимания, что в том же смысле свидетельствует и другой современник знаменитого промышленника кн. Шаховский, который говорит, что гр. П. И. Шувалов получил „лучшие из казны заводы железные, называемые Гороблагодатские помощью" „своих ласкателей" с хорошим добавлением: как с „невыработанными материалами", так и „с сотней тысяч пудов" железа, „уже привезенного на продажу в Петербург". Кн. Шаховский прибавляет, что казенное железо было взято „по цене, во что короне стало", а продано было англичанам „в отпуск с барышами" [2]). Гр. П. И. Шувалов, по мнению кн. Шаховского, подал пример и „другим многим" получать „заводы казенные медные и железные в свои пользы, в убыток казне, а себе в обогащение" [3]). В этом тоже нет ничего невероятного: „ласкатели", конечно, помогали не даром. Многие титулованные и оффициальные лица имели полное основание полагать, что гр. П. И. Шувалов даже в том случае, когда не окажет им протекции, всетаки не станет им препятствовать сделаться владетелями вакантных казенных промыслов, так как сам слишком много получил от казны и естественно не в его интересах было своими действиями вынуждать других гово-

---

Приводим „справку" целиком.

	Р.	К.
„Кож ворванных в 1753 г. продано тульскому купцу Ларивону Лугинину, которые за море и за границы посланы на	10,489 р.	$41^3/_4$ к.
Учинить в 20 лет	209,788	35
Моржины отпущено за море на 1315 р. во учинение в 20 лет	26,312	—
Зубьев моржевых отпущено за море на 831 р. 42 к., а в 20 лет	16,628	40
Трески сухой в Кальском остроге в отпуске за море на 3295 руб. Учинить в 20 лет	65,900	—
Итого в 20 лет в отпуске за море на	318,628	75

[1]) О повреж. нр., стр. 65

[2]) Записки, стр. 141.

[3]) Ibid.

рить о том, чем он пользовался. И действительно, мы видим, что в царствование Елизаветы Петровны появилась целая плеяда чиновных горных заводчиков. Обширная „ведомость", относящаяся к этому вопросу, показывает, как сильно развились владения такого рода. Гр. Воронцов, гр. Чернышев, гр. Ягужинский, кн. Репнин и мн. др. были более или менее крупными заводчиками [1]).

Заводы, отданные правительством излюбленным лицам, стоили казне недешево; но тем не менее уплата заводчиками затраченных на заводы денег была поставлена в чрезвычайно льготные условия и велась не особенно рачительно, как это усматривается из одной „ведомости" [2]). Чиновные заводчики также, как гр. П. И. Шувалов, наделялись крестьянами, а такие, близкие люди к последнему, как, напр., его брат гр. А. И. Шувалов пользовались, сверх того, и другими льготами. Так, в силу именного указа 1751 года (13 го февраля) гр. А. И. Шувалов получил в вечное потомственное владение железные заводы в Ярославском и Боровском уездах („Исецкие и Угоцкие"), а в Переяславском уезде дворцовую волость „со крестьяны и со всеми угодьи", и эти заводы и волость, очевидно, отнесенная к заводам, были освобождены от платежа оброка. Доимка, которая была накоплена прежними владельцами заводов—„иноземцами", была оставлена на наследниках этих старых владельцев, „а с него, гр. Шувалова, и с потомков его" было приказано „не взыскивать" [3]). В 1754-м году от гр. А. И. Шувалова на высочайшее имя поступила челобитная, в которой он просил, чтобы его железо было освобождено от пограничных пошлин; дело в том, что в 1751-м году, когда гр. А. И. Шувалов только-что получил вышеназванные заводы, он был „уволен" „от платежа казенных сборов". „А с сего года, добавлял граф, „казенные платежи браться будут": так не лучше ли снова освободить? Сенат, куда было передано это прошение, поспешил удовлетворить его [4]).

[1]) М. А. М. Ю., Сен. Д. по Б. К., т. 2864.
[2]) М. А. М. Ю., см. прилож.
[3]) М. А. М. Ю., С. Д. по Коммерц. Б., М. и Гл. М., т. 2701.
[4]) Ibid., т. 2852.

Итак, довольно быстро в сфере русского государственного и народного хозяйства XVIII стол. выросло и окрепло привилегированное владение чиновных лиц казенными промыслами. В иерархии по табели о рангах то из лиц, которое пользовалось наибольшим влиянием в государстве, разумеется, приобретал себе наиболее выгодные и обширные промысловые владения. Так образовалась особая социальная группа наиболее ярким представителем которой явился гр. П. И. Шувалов. Однако необходимо помнить, что этот промышленник и торговец является одним из многих и что не он создал условия для промысловых получений от казны, нами рассмотренных, а что эти условия создала для него предшествовавшая история той части нашего старого государственного хозяйства, которая относится к правительственным регалиям и монополиям. Введение частной компанейской организации должно считаться одним из важнейших моментов этой истории, так как на основании законодательной рекомендации этого введения стали появляться под видом компаний единоличные владения, которых поэтому нельзя отделять от института торгово-промышленных компаний. Таким образом промысловые владение чиновных лиц нельзя отделять одно от других, прежде всего, вследствие их одинакового экономического и финансово-юридического происхождения, характеризующегося тем, что правительство, надеясь на выгоду, законом постановило передавать казенные промыслы частным компаниям. Затем такие промысловые владения нельзя отделять друг от друга и вследствие принадлежности владельцев к одному и тому же общественному классу. Все эти владельцы были более или менее видными представителями правящего класса, и в силу одного этого их интересы не могли быть не солидарными в значительной степени; некоторые владельцы заседали одновременно в высших государственных учреждениях и, в силу этого, не могли не считаться друг с другом,—особенно с наиболее влиятельными пред лицом верховной власти. Протест со стороны кн. Шаховского против бесконтрольного положения гр. П. И. Шувалова нужно считать исключением, равно как и мнение комиссии о горных

делах при императрице Анне Ивановне о неудобстве совмещать службу в горном ведомстве с владением казенными заводами... Впрочем, последнее мнение по отношению к Бирону было парализовано оговоркой той же комиссии, заявившей, что гороблагодатские и лапландские заводы в сущности находятся в сфере „милости“ „Ее Императорского Величества“. Единичны были и такие случаи, когда person'e grat'e отказывали в какой-либо льготе, касающейся до промышленной деятельности таковой особы [1]).

Но что́ наиболее тесно сплочивало чиновных промысловых владельцев, так это одинаковость их положения по отношению к рабочим рукам: тут, как это вполне выяснится ниже, солидарность их владельческах интересов была настолька велика, что возникало сближение между чиновными владельцами и простыми—„купеческого звания“.

В частных случаях, правда, соприкосновение между отмеченными двумя категориями промышленников и торговцев не всегда вело к солидарности; иногда получались враждебные отношения, хотя это нисколько не противоречит той солидарности, которая зависела от самых главных и общих условий положения обеих промышленно-торговых групп. Впрочем, прежде чем перейти к отношениям между означенными категориями промысловых и торговых деятелей, я попытаюсь также-же, как и раньше, наиболее типическими чертами характеризовать промысловые компании, возникшие в рассматриваемое время в среде торгово-промышленного класса, как особой сословной группы.

Промысловые компании „купецких людей“ можно делить с точки зрения большей или меньшей их близости к правительственной власти и влиятельным ее представителям. Близость же эта обусловливалась прежде всего степенью „казен-

[1]) Гр. Чернышев просил поселить к его заводам недостающих ему 224 челов. черносошных крестьян, мотивируя свое прошение тем, что ему было обещано указами 600 челов., а приписано 376. Правительство по этому поводу напомнило гр. Чернышеву (в указе 27-го июля 1760 г.), что «к партикулярным заводам деревня приписываются на время, а не вечно» и рекомендовало ему стараться обучать и употреблять на тех заводах своих собственных крепостных крестьян (П. С. З. XV, 11087).

ного интереса", который ожидался от тех или других промыслов. Ясно, что в тех отраслях государственной промышленности, которые считались казенными регалиями,—в винокурении и солеварении и в торговле продуктами этих производств правительство было наиболее заинтересовано, ибо от этих продуктов казна получала наибольший доход. В XVIII ст. винное и соляное дело, хотя и находилось подобно правительственным монополиям в колебательном состоянии относительно способа их содержания [1]), и финансист нередко поговаривал, что откупное содержание лучше, выгоднее казенного, тем не менее он, даже при откупной системе, помнил, что винное и соляное дело-статья казенная и что она должна давать *доход* казне, а не одни обещания дохода. И действительно, как бы там не эксплуатировались эти финансовые установления частными лицами, доход, напр., от вина не был мечтой, а был „первым доходом". Не то—правительственные промысловые монополии. Об них наши старинные прибыльщики постоянно говорили, что хотя это статьи казенные, но их следует неукоснительно отдавать в эксплуатацию частным лицам, которые, де, и принесут казне настоящую пользу; когда же это совершалось, „охочие" или партикулярные люди тотчас же забывали о настоящей казенной пользе, вследствие чего нередко бывало, что таковая „польза" равнялась нулю или представляла даже минус. Словом, правительственная монополия в XVIII ст. на деле обращалась в частную, оставаясь лишь в принципе казенной, ради которого и происходили частые вмешательства власти в дела, переданные из казны в частные компании и „содержание".

Если однако мы не видим большого сходства между тем, что называлось регалиями, и тем, чему придается название монополий правительства, если не видим большого сходства, взглянув на положение этих установлений в XVIII ст. с фактически-финансовой точки зрения, то мы замечаем между откупщиками регалий и правительственных монополий очень большое сходство в социально-экономическом отношении; по-

[1]) См. мою статью: „Русское законодательство о хлебном вине в XVIII ст. в Учен. Записк. Каз. У-та. 1892 г.

этому в настоящей и следующей главах мы не можем игнорировать винных и соляных откупщиков, не можем в том же смысле пропустить мимо и откупщиков разных „сборов", ибо все эти помощники каммер-коллегии дают черты, характеризующие торгово-промышленные компании, как учреждение, являющееся существенною принадлежностью известной социально-экономической категории. Начать хотя бы с того, что откупщики регалий и пошлинных сборов брали эти статьи часто не единолично, а компаниями [1]). Так, напр., таможенные и прочие сборы" в Нижнем Новгороде и в уезде были отданы московскому купцу Матвееву „с товарищи", следовательно — целой компании, на четыре года (1742—1748) — „из платежа с учиненною наддачею": компания должна была платить казне ежегодно 10985 руб. $10^1/_2$ к. [2]). В 1750 г. винная и водочная продажа в Петербурге, Кронштадте и Ингерманландии была отдана на откуп тоже компании: купцу Савве Яковлеву „с товарищи" на четыре года; при чем эта фирма прославилась своими „наддачами" казне, т. е. увеличением откупной суммы. К 1758 году представитель винной компании успел прибавить 200000 руб. к прежней откупной сумме в 300000 руб., об'явленной в 1750 году. „Наддачи" делались далеко не по собственной инициативе бравших откуп, что видно из тщательного выделения той цыфры, которая выражала наддачу „своей охотой": из 200000 всей наддачи только 35,000 руб. Яковлев добавил „без торгов" по своей воле, да и то не даром, а за какое-то пожалованье [3]). Чаще „наддача" делалась казной, особенно когда не было охотников взять винный откуп, а прежний откупщик своевременно от него не отказался; в этом случае сенат на основании Уложения оставлял откуп за прежним откупщиком, нередко увеличив откупную сумму; впрочем откупщик не всегда спасался от откупа и в том случае, если он отказался от

---

[1]) В инструкции 1-го марта 1753 года было предписано даже «корчемные конторы сдавать на откуп *компаниям* или откупщикам, имевшим на откупу питейные сборы (П. С. З. XIII, 10672).

[2]) М. А. М Ю, С. Д. по Каммер-Кол., т. 874.

[3]) П. С. З. XV, 10799, 10906.

него своевременно; сенат не всегда обращал внимание на такую аккуратность и оставлял откуп за прежним откупщиком уже без всякого юридического основания или, как выражается гр. Д. А. Толстой, „отринув законы справедливости“ [1]).

Правительство к винным откупщикам предъявляло большие требования и тем их пугало; но боязливость их особенно не отражалась на самых „питейных сборах“, которые, говоря вообще, возрастали довольно быстро [2]). С компанейщиков, как с людей, более или менее состоятельных, разумеется, легче было получить определенную сенатом сумму, чем с казенных голов и целовальников, которые иной раз были далеко несостоятельными, хотя правительство и тут старалось поручать „сборы“ лицам, наиболее богатым и потому наиболее надежным.

Как бы то ни было, но та настойчивость, с которою сенат оставлял „питейные сборы“ за откупщиками и компаниями, является весьма понятной и не требует подробного комментария.

Подобным же образом сенат хлопотал и о соляной регалии, с тою однако разницею, что частным лицам передавалась не торговля солью, бывшая казенной [3]), а солеварение и доставка соли в казну [4]).

Компании и откупщики, бывшие пособниками казны в эксплуатации отмеченных регалий при всех тяготах, на которые они часто жаловались, не могли не быть на виду у вла-

---

[1]) История финансовых учрежд., стр. 167.

[2]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-Кол., т. 873 См. Приложение.

[3]) П. С. З. XIII, 9895,—10128, 9682, 9544, 9816, 9998; XV, 10296, 10135, 10351, 10546,—10688; XV, 11382; к продаже соли назначались и купцы, но как и в до-петровскую старину, ввиде поверенных от правительства «голов».

[4]) П. С. З. XII, 9117; С. М. Соловьев, Истор. России, т. 22, стр. 178 и 179, 234 и 235; П. С. З. XIV, 10583; 10197. Приведенные ссылки относятся до солеварения и до соляных подрядов. Что же касается винокурения, то в царствование импер. Елизаветы Петровны, когда восторжествовал откуп в торговле вином, и казенное *винокурение*, признанное невыгодным, уступило место частному (П. С. З. XIV, 10356): см. свод относящихся сюда данных в моей статье—«Законодательство о хлебном вине в XVIII ст.».

сти, чем и об'ясняются „пожалования“ и льготы, которыми откупщики разных „сборов“ пользовались не в пример другим промышленным торговым людям [1]). Делать поблажки для людей, обязывавшихся платить в казну откупную сумму за „сборы“, приходилось правительству и потому, что довольно трудно было иногда найти желающих взять откуп, и поневоле приходилось требовать „сборщиков“ вообще „из купечества“. Так, напр., поземельные пошлины и сборы с так называемого „привального“ в Переяславской провинции, бывшие в откупу у купца Ермилы Рюмина (1722—1726 гг.), с 1727 г. начали собирать сборщики, выбранные из тамошнего (Переяславля Рязанского) купечества“ несомненно по необходимости: „за непринятием того сбора на Ратушу и за ненахождением лиц, готовых взять тот сбор на откуп“ [2]). Эта необходимость для правительства была плачевной, потому-что сборы нередко запускались выбранными из купечества сборщиками [3]). Губернская и уездная администрация, вероятно, должна была сильно желать утверждения системы компанейского откупа, ибо, при "верных сборщиках“, ей было очень беспокойно: воеводам и губернаторам постоянно внушалось из Петербур-

---

[1]) Напр., указание на пожалование Яковлеву: П. С. З. XV, 10799. XIII, 9852; указ о нетребовании соляных подрядчиков, во время их поставок, в магистраты. Ратуши и др. места ни по каким делам, кромо татебных, убийственных, подлежащих тайне. XV, 11202: этим указом было запрещено С.-Петербургской соляной конторе наказывать определенных к соляной продажо купцов без сношения с магистратом. Соль требовалась в казну в значительном количестве не только для народной «нужды», но и прямо таки для казенного потребления—на казенные рыбные промыслы.

[2]) М. А. М. Ю, С. Д. по Камер-Кол., т. 871.

[3]) Если в примере, на который я намекаю в тексте, и можно было об'яснить недобор, сильно превозошедший сбор, тем, что брали только привальное и отвальное с судов, а поземельный сбор с 1724 года был «оставлен» (в 8 лет на 601 р. 42 к. «сбора» получилось 1159 р. 63 к. «недобора»), то в других случаях такое об'яснение было неуместно. Напр, из одного доношения Камер-Коллегии сенату (1743 г.) мы узнаем, что по «таможенным и кабацким сборам в недоимке состояло с 1730 по 1741 г.— 672,050 руб. Собирали „верные сборщики“, и правительство их деятельностью было недовольно, потому-что, не смотря на неоднократные напоминания о сборе недоимки «сполна без всякого опущения“, недоимка все оказалась с опущением (М. А. М. Ю, С. Д. по Камер-Кол., т. 879).

га, чтобы они имели „крепкое и неослабное старание и смотрение“ за сборами под опасением „взыскания той недоимки“ на них самих [1]). Итак, при содержании всякого рода „сборов“ компанией или даже одним крупным капиталистом (в известном районе и известных „сборов“), всем было довольно удобно: и казне, куда поступление представлялось более обеспеченным, и администрации, не говоря уже о самих компанейщиках и откупщикам, которым, если и приходилось иногда быстро раскошеливаться, то, говоря, вообще, не на что было жаловаться вполне серьезным, а не обычным фальшиво-слезным образом.

С достаточным вниманием правительство в разсматриваемое время отнеслось и к тем купеческим компаниям, которые брали на себя содержание казенных рыбных промыслов. Рыбные промышленники и вообще пользовались значительными льготами: так, напр., они имели право покупать беспошлинно хлебные и другие припасы для собственного употребления [2]), а за сало, кожи и другие товары, покупаемые этими промышленниками на сальные промыслы, они были обязаны платить только одну пятикопеечную пошлину [3]); в 1750-м году (9-го марта) было велено не брать никаких сборов с рыболовных мест в Кизляре [4]), а в 1756 г. был сложен сбор с рыбных садков всюду, где он еще оставался [5]). Тем большими преимуществами наделялись промышленники, изъявлявшие взять в содержание такие рыбные и сальные промыслы, которыми правительство было наиболее заинтересовано. Эти промыслы нам известны; известно и то, что на этих промыслах купеческая компания не была прочна, так как интересы купцов-компанейщиков здесь столкнулись с интересами чиновников-компанейщиков высшего ранга. Мы уже знаем, что беломорскую компанию кн. Меншикова и б. Ша-

---

[1]) М. А. М. Ю, С. Д. Камер-Кол., 879.
[2]) П. С. З. XIII, 9634.
[3]) Ibid., — 9701.
[4]) Ibid., — 9714.
[5]) Ibid., XIV. 10556.

фирова заменила компания Матвея Евреинова с детьми и, хотя при Петре В., она оказалась номинальною, но тем не менее в указе, отдавшем этой купеческой компании промыслы (30-го окт. 1721 г.), было ясно обозначено предпочтение купеческого содержания казенных промыслов содержанию посторонних купечеству лиц. „Прежним компанейщикам", гласил указ, „также и иным, никому, кроме купечества, в сей компании никакой части иметь не велено, и того ради ему, Евреинову, в сию компанию, кроме купечества, никого не принимать". Это — распоряжение самого Петра В., об'явленное им коммерц-коллегии, из которой и дан был цитированный сейчас указ [1]). Кондиции, установленные для Матвея Евреинова при Петре В., легли в основание и тех условий, на которых беломорские промыслы получил в компанию сын Матвея — Андрей Евреинов с братьями (21-го янв. 1731 года). Как старые, так и новые кондиции, были для Евреиновых несомненно выгодны; несомненно также и то, что оне были не так льготны, как кондиции, на которых эти промыслы получали высокопоставленные лица. Так добыча мелких промышленников, хотя и была поставлена в благоприятные для Евреиновых условия, но все не отдавалась им в полную монополию. „Которые ловцы, говорилось в старых кондициях евреиновской компании, „будут для того промысла ездить, и что у них будет в промыслу зверей, рыбы и сала, и им то все у них покупать повольною ценою по договору..." „Ловцы" имели право продавать свою добычу и другим купецким людям с платежем известной пошлины. Если бы мы только эти „пункты" сравнили в старых и новых „кондициях" евреиновской компании, то мы не заметили бы в них существенной разницы; но если мы обратим внимание на отношение правительства не к „ловцам", а к собственно купцам, т. е. перекупщикам добычи, то мы увидим, что в указе 1731 года установляется меньшее охранение их интересов, сравнительно с интересами компании, чем в старых кондициях, где интересы купцов далеко не подавляются интересами компанейщиков. В старых кондициях купцы, посторонние компа-

[1]) П. С. З. VI, 3841.

нии, могли сбывать приобретенный от ловцов товар внутри государства; таковым запрещалось лишь вывозить рыбные товары за границу, о чем в указе говорилось так:... „ежели из тех покупных товаров у кого купецких людей явится, что в вывозе из государства за море или за которые границы, в которое государство явно, или под каким видом, у тех людей оные товары конфисковать, и сверх того брать штрафы по усмотрению дела". В кондициях же 1731-го года мы читаем следующее: „А кому из тамошних обывателей потребно будет из вышеописанных товаров на их расходы, *а не в отвоз и не для продажи*, и тем от ловцов покупать позволить, где хотят, токмо с таможенною запискою и с платежем пошлин". Отсюда очевидно, что теперь для компании Евреиновых устанавливалась монополия не для одного заграничного отпуска, как раньше, но и для сбыта в города империи; таким образом замечание указа 1731 года о том, что промыслы сдаются Андрею Евреинову с братьями на прежних условиях, может быть принято только с оговоркой. Но все-таки не надо забывать, что запрещение торговли рыбными товарами касается не промышленников, а перекупщиков добычи: промысловые же люди или „ловцы" по прежнему и с платежем пошлин имели право продавать свой товар, помимо компании, кому угодно [1]); трудно только ожидать, чтобы товар шел мимо компании, по крайней мере,—в больших количествах, так как, кроме Евреиновых, по близости не было крупных покупателей. Евреиновы получили и другие льготы, менее важные,—так сказать,—частного характера: напр., им были отданы „залежалые казенные товары" по настоящей оценке и с рассрочкой платежа по 1000 руб. в год, два старых корабля с такелажем—„безденежно" и т. под. [2]).

Невозможно сказать что-либо определенное о величине торгового оборота компании Евреиновых, пользуясь теми отрывочными данными, которые находятся в моем распоряжении; к тому же уже обнародованные цыфры противоречат другим, взятым мною из архивных дел, и в настоящую мину-

[1]) П. С. З. VI, 5687.
[2]) Ibid., VIII, 5687.

ту я не решаюсь положительно утверждать, какие из этих цыфр заслуживают большего доверия. Г. Рожков из „ведомости", составленной в архангельской портовой таможне, сообщает, что компания Евреиновых в два года отпустила в продажу 7197 бочек сала, а компания б. Шафирова в два же года—1902 б. сала; эти цифры взяты г. Рожковым из бумаг архива Департамента Тамож. Сборов... Между тем в одном сенатском деле московского архива б. М-ва Ю ции значится, что от Евреиновых в 1734 году было отпущено за границу и в „Российский народ" товара [1]) на 11383 руб. 92 к., а от б. Шафирова в 1735 году на 31638 руб. 60 к., в 1736 г. на 34188 руб. 23 к. и в 1737 году на 24000 р. 91 к. [2]). Если сопоставить эти данныя, то выходить, что значительно меньшее количество товара отпускалось на значительно большую сумму; г. Рожков не обозначает, к каким именно годам относятся его числа бочек, но, ведь, и годов-то содержания, как евреиновского, так и шафировского, всего на всего-4-ре, и если можно предполагать, что два года отпуска, фигурирующие инкогнито у г. Рожкова, не совпадают с 1734 годом компании Евреиновых, то нельзя того же думать относительно компании Шафирова: *стоимость* отпуска за 3 года может проконтролировать количество отпуска за 2 года из 4-х лет, в течение которых были произведены все операции компании.

Сравнение пошлинных сборов с Евреиновых и с Шафирова показывает, что компания этого барона приносила русским финансам больше выгоды, чем компания московских купцов. За 4-ре года содержания" Евреиновых (1731—1734 гг. включ.) в казну поступило—5348 р. $36^{3}/_{4}$ к., а от Шафирова за 4-ре же года 6736 р. 12 к. (1735—1738 гг. включ.) [3]).

---

[1]) Сало было главным предметом отпуска.

[2]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б., М.-Кол., и Гл. Маг., т. 915.

[3]) М. А. М. Ю., С. Д. по Коммерц.— Б., М. Кол. и Гл. Маг., т. 915. «Ведомость» «таможенных и прибавочных пошлин".

Вообще, кажется, чиновные люди, владевшие беломорскими промыслами, с большим размахом „производили“ их, чем купеческая компания Евреиновых. Не говоря уже о гр. П. И. Шувалове, даже малодеятельный б. Шемберг в два года отправил в продажу 8328 бочек сала и еще менее деятельный, как промышленник, кн. Меншиков—7762 боч. сала в два же года, а Евреиновы за тот же промежуток времени отпустили 7197 бочек сала. Все эти цыфры, разумеется, неточны; но суть дела от этого, надо полагать, останется неизменной: „купецкая компания отстала в беломорских промыслах от чиновных „содержателей“... Это явление было результатом не столько того, что купцы вообще менее были деятельны, чем руководители государственной жизни, сколько того, что промысловой риск встречал известную задержку в тех ограничениях, которые были установлены для компании Евреиновых. Напр., Евреиновы не были освобождены из пошлин „с явки“ товаров в таможнях и „на покупку компанейских товаров, от чего был освобожден даже б. П. Шафиров (в 1735 г.) [1]).

Годы содержания: (Евреиновы)	С Евреиновых:		С б. Шафирова		Годы содержания: (Б. Шафиров).
	Рубли	Копейки	Рубли	Копейки	
В 1731 году→	2012	67	1831	24¾	←1735 г.
„ 1732 г.→	915	56¾	1982	70¼	←1736 г.
„ 1733 г.→	1723	48	1401	64¾	←1737 г.
„ 1734 г.→	660	65	1520	52¼	←1738 г.
Итого . .	5348	36¾	6736	12	

Далее—прибавка, свидетельствующая, что здесь показаны внутренние и портовые пошлины и что доимки на содержателях доимки „не имеется“.—

[1]) Указ 23 го апреля 1730 го года воздвигал тоже важное препятствие к процветанию беломорской компании: этим указом „рыба треска“ „была уволена в народ“. (П. С. З., VIII, 5687). См. также в М. А. М. Ю, С. Д., т. 915.

Со стороны правительства компании Евреиновых были предложены едва ли не большие требования, чем какие предъявлялись к высокопоставленным компанейщикам. Хотя и последним внушалась обычная сентенция о старании в промысловом деле, ради государственной пользы, но все же не с такой настойчивостью, как братьям Евреиновым, а, главное, эта настойчивость по отношению к обыкновенным купцам имела менее шансов остаться только на бумаге, чем по отношению к купцам необыкновенным. Во всяком случае приведем выдержки из указа, которыми до некоторой степени могут характеризоваться требования, пред'явленные правительством компании Евреиновых. Заявив, что „от Гренландскаго промыслу, который с 1724 года заведен тремя кораблями,—ежегодно убытки", указ продолжает: „ и для того оный Гренландский промысл содержать им же Евреиновым"... Далее указ предлагает „стараться" о приведении этого промысла „в доброе состояние", „не смотря на убытки": ибо они будут „награждены" прибылью „от других промыслов" [1]).

В 1731 г. был также подтвержден и тот прежний „пункт" (указа 1721-го года), которого не приводит указ Полного Собрания Законов и который (в рукописном „деле") [2]) требует от Евреинова, чтобы он „никого, кроме купцов", в компанию „не принимал". Повелевалось об'являть в коммерц-коллегии о всяком, кого компания примет „в компанейщики" „или для правления". Вообще требовалась самая строгая отчетность во всем, как в количестве оборота, так и в „товарищах": „все записывать... поимянно без всякой утайки". По обыкновению, все эти и подобные частные требования, редко (а может быть, в те времена и никогда), как следует, исполнявшияся, подкреплялись устрашением: „ежели сия компания под своим именем другим промышленникам позволит что чинить для утайки пошлин, тогда сей промысл от них будет взят, а кто будет в том виновен, по обстоятельствам дела, штрафовать" [3]). Но любопытнее всего то, что хотя правитель-

---

[1]) П. С. З., VIII, 5687.

[2]) М. А. М. Ю., С. Д. по Комм., б. М. Кол. и Л. М., т. 915.

[3]) М. А. М. Ю., С. Д., т. 915

ство и настойчиво рекомендовало Евреиновым развитие северных промыслов, особенно невыгодного гренландского, однако не дозволяло употреблять „в промысел" более одного корабля, „хотя б конечный им убыток происходил". Правда, правительство советовало Евреиновым к двум старым кораблям, полученным ими от казны, „прибавлять" еще кораблей „для своей и государственной пользы", но прибавленные корабли однако должны находиться при промыслах на несчастный случай. Правительство об'яснило компании, когда надо пользоваться новыми кораблями: „ежели какое несчастие промыслу случится, что корабль разобьет, то промышлять другим, будет и другой пропадет", купить или делать третий „сосновый или дубовый" и т. д. [1]) При такой регламентации, об'ясняемой основными принципами тогдашней торговой политики, более придирчивой к обыкновенным, рядовым промышленникам, трудно ожидать от последних особо важных попыток к дальнейшему развитию уже заведенного правительством дела.

Астраханские рыбные промыслы правительство тоже стремилось производить частными средствами; но здесь дело не клеилось до гр. Шувалова: или частных средств было не очень достаточно, или обыкновенные купцы просто боялись их обнаруживать или, что вернее, кажется,—и мало имели, и боялись. Думать так есть основание. Когда в 1741-м году возник вопрос о приеме в астраханскую компанию еще одного компаньона, Ѳедора Кобякова, то оказалось, что старые компаньоны „наличных денег никто у себя не имеет", но за то все они, за исключением одного Ѳедора Губина, имеют на себе недоимку и долги „партикулярным людям" по порукам. Последние два обстоятельства были скрыты „товарищами", но они обнаруживаются ведомостями. Долги нельзя считать незначительными; напр., на Иване Мыльникове („а отчества не написано") за непоставку вина в Петербург 4610 руб. 67 к., штрафных 73 р. 70 к., да за вино, которое он должен был поставить на московские питейные дворы (15,000 вед. по 45 к. за ведро) и не поставил — 750 руб., а всего 6062 руб.

[1]) П. С. З. VIII, 5687.

Московский купец Мыльников стоял во главе астраханской рыбной компании вместе с другим московским же купцом Иваном Володимировым. Московское купечество, от которого, очевидно, требовалось поручительство за членов астраханской компании, приписанных к московскому магистрату, отказалось от этого, говоря: „за многие тысячи рыбных промыслов московское „купечество в верности не обязуется“ и отказалось потому, что было плохого мнения о материальной состоятельности своих собратий, вступивших в астраханскую компанию: „оные Володимиров с товарищами, отписывалось московское купечество, „люди маломочные и записаны окладами малыми“. Следовали и пояснения: так Кострин (один из „товарищей“) был в 1740 г. „ларечный“, а „сочтен“ в в гильдии „щетной квитанции не об'явил“; Петр Стремнев (другой „товарищ“) „написал себя первой гильдии неправильно“, ибо он второй гильдии, вообще же: подобным лицам „на столько множественную сумму“ „верить... не можно“ [1]). Откупная сумма была действительно немалою: компания должна была платить в казну ежегодно по 50000 руб. Видя, что эксплуатация астраханских промыслов исключительно частными средствами не налаживалась, правительство решило прибегнуть к компромиссу. Указом 1742 года (22-го декабря) все астраханские и саратовские рыбные ловли и учуги, в том числе и в Гурьеве, были поставлены под управление статского советника Соковнина: об „умножении“ же этих промыслов и казенных прибыльных денег был обязан стараться Иван Мыльников [2]), а чтобы он „умножал“ то и другое с большим рвением, в 1743 году (30-го апреля) астраханской компании была определена казенная субсидия в 55000 руб. [3]).

Трудно сказать вполне определенно, без оговорок, кто к кому был прикомандирован: чиновник ли к компании или компания к чиновнику. С точки зрения правительства, разумеется, чиновник к компании, но сама-то компания повидимому, была противоположного убеждения и не шла в выучку

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камерц—Кол.. т. 870.
[2]) П. С. З. XI, 8720.
[3]) Ibid XI. 8730.

к оффициальному администратору промыслов. Даже в 1744 году дело оказывается ни на шаг не подвинувшимся вперед. Управлявший в это время астраханской рыбной конторой вице-президент Михаил Раевский [1]) получил от сената предписание „принудить“ купца Мыльникова с товарищами „в рыбные промыслы вступить и без всяких отговорок“, но тут пришлось считаться со следующими обстоятельствами: Мыльников и некоторые из его товарищей уже умерли, а купец Александр Кузнецов, один из членов астраханской рыбной компании, получив от Раевского предписание немедленно вступить в рыбные промыслы, отвечал, что ему „одному в те промыслы вступить не можно“ [2]).

Во второй четверти XVIII стол. правительство пытается установить эксплуатацию отдаленных, хорошенько еще неизвестных промыслов на Камчатке и на „пустых островах“ „близь“ нея, но, будучи научено прежними неудачными казенными попытками по отношению к гренландскому промыслу, оно здесь, на крайнем северо-востоке своих азиатских владений, желает испытать счастия прежде всего три помощи частной предприимчивости, а затем подумать или „рассмотреть“... Результатом такого именно плана и является со стороны правительства согласие на учреждение компании, так сказать, для промышленной рекогносцировки. Права и преимущества, а также ограничительные условия владения, предоставленные этой компании, прямо обусловливаются тем, что на более или менее широкие частно-промышленные операции на Камчатке правительство посмотрело, как на пробу

---

[1]) Рыбные конторы были учреждены в Саратове и в Гурьеве-городке, что указывает вообще на известное недоверие к такой деятельности частных лиц, чтобы она вполне совпадала с казенною пользою (П. С. З. XI, 8131 и у В. Н. Витевского: И. И. Неплюев и Оренбургской край в прежнем его составе, вып. IV-й, стр. 633 и 634).

[2]) М. А. М. Ю. С. Д. по Каммерц—Кол., т. 882. Г. Витевский, согласно с данными печатного указа считает И. И. Неплюев и пр., стр. 633) обоих Иванов—Мыльникова и Володимирова людьми „подозрительными и ненадежными“; но ему осталось неизвестным, что мнение камер-коллегии о названных лицах вполне оправдало ь на деле, что в сущности „компания“ этих купцов и не начинала своих действий.

для определения казенных доходов от промыслов. В 1748 году была основана купцом Юговым компания, которая и получила камчатские „звериные промыслы“ в содержание „с платежем третьей части“ „из наловленных зверей“, т. е. с платежем еще неизвестного и потому натурального оброка. Затем проектировалось следующее: если дело пойдет налад и для казны окажется выгодным, то будет необходимо „по усмотрении улова тех зверей и происшедших на то собственных расходов“, обдумать и решить вопрос, содержать ли камчатские промыслы впредь „казенным коштом“, или опять отдать частным лицам „с приращением казенной прибыли“.

Правительство имело свои виды и выжидало. Эта позиция была весьма удобна для казны, но совсем неудобна для юговской компании, так как последней, в виду такой постановки вопроса о промыслах на Камчатке, пришлось потерпеть отказ в 4-х летнем сроке, на который Югов с товарищами хотел арендовать „те промыслы“: они были сданы компании всего на одну поездку. Это ограничение владения весьма серьезное... Были установлены и другие подобные ограничения, тщательно оберегающие интересы казны. Югов просил освободить компанию от пошлин „с вина с судов и такелажа, с хлебных и съестных припасов, кои употребляться будут“ для членов компании и „для работных людей“; сенат отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что они тот промысел берут „в компанию, ища своего интереса“, а потому и брать с них следует „по указам“. Число рабочих людей было определено до 30 человек на каждое судно и притом было велено нанимать непременно „с указными печатными паспортами“; точно было установлено, что пороху на каждого работника компания может иметь всего три фунта, а винтовку — одну; после этого само собой понятно, что количество судов было тоже регламентировано: всего 4-ре—не более: строить их предписывалось „в таких местах, где указами не запрещено“.

Главнейшим правом компании несомненно является просимая и полученная ею монополия, хотя бы и на одну экспедицию: „пока означенный Югов с товарищи“, гласит сенатский указ, „на островах для ловли зверей будут, в то

время до возвращения их с тех промыслов, для промыслов таких же зверей на те острова других промышленников никого не впущать". Хотя камчатские промыслы правительству и не были хорошо известны, но сенат имел некоторое основание предполагать, что они будут доходны, ибо на это наводила его справка, об'явленная им в том же указе, который трактовал об отдаче камчатских промыслов Юговской компании. Сведения пришли с „места". „Тамошних служилых людей сержант Басов услыхал, что имеются бобры" на тех самых островах, „где капитан командир Беринг почти не со всею командою умре". Сержант отправился туда с промышленниками и „вывез" с островов „до 5000 бобров с собою"[1]).

Мы познакомились с несколькими типами торгово-промышленных компаний. Характеризовать их в новейших юридических терминах (полное коммандитное, акционерное товарищество) мы не станем, ибо те времена были чужды позднейших определений так называемого торгового права и потому эти определения вместе с названной „научной" дисциплиной имеют весьма условное и преходящее значение. Всегдашнею нашею целью было не изощряться в ученой „юридической" схоластике, а исследовать самыя явления, по существу, их социологическую природу[2]). И поэтому в данном случае типы компаний характеризуются нами лишь со стороны их социального состава. Пред нами в качестве компанейщиков выступали и очень высокие господа, члены правительства, и люди простые, которым тогда приходилось низко склоняться пред первыми и нередко уступать им дорогу в чисто торгово-промышленной области. Это — противоположные точки: один тип компаний характеризуется чрезвычайно большими правами и на деле малыми обязанностями по отноше-

---

[1]) П. С. 3, XII, 9480.

[2]) Покойный А. С. Лаппо-Данилевский не понял этой точки зрения, с которой рассматриваются типы русских торгово-промышленных компаний в настоящем исследовании; и потому когда-то обрушился на автора его со всею силою ученого формализма.

нию к правительству, другой—значительными обязанностями и сравнительно небольшими правами. Эти две крайние характеристики компаний совпадают с общими очертаниями двух главных категорий, на которые мы разделили все промысловые компании: именно 1) компании высокопоставленных лиц и 2) компании простых купцов. Но, всмотревшись ближе в эту общую классификацию, мы заметим некоторое разнообразие в физиогномиях компаний в каждой категории, при чем мы увидим также, что переход от первой группы компаний во вторую вовсе не так резок, как это может показаться с первого взгляда. Действительно, компания кн. Меншикова и б. Шафировых, впрочем образованная Петром В., впрочем же, под страхом гнева государя злоупотреблявшая его доверием,—не одно и тоже, что самоуверенно, безконтрольно действовавший промышленно-торговый дом гр. П. И. Шувалова, обставившего свои промысловые операции целым рядом юридических норм и легальных обоснований. С другой стороны, если компания б. Шемберга и не уступит по самоуверенности и безконтрольности действий шуваловскому „содержанию", то должна уступить последнему в обширности сделанных гр. Шуваловым промысловых захватов. Этою именно чертою „содержание" гр. П. И. Шувалова выделяется из всех остальных,—равно как берг-компания отличается от других „содержаний" своим уже чисто казенным оттенком.

От берг-компании и шуваловских промысловых „контор" до компании Евреиновых, конечно, огромное расстояние; но оно не так велико между последней и компанией кн. Меншикова с б. Шафировыми; тем менее переход от бр. Евреиновых к одному б. Шафирову, компания которого обойдена здесь, в общей характеристике, как не дающая наблюдателю каких-либо новых типических черт. Б. Шафиров, разумеется, имел полную возможность выхватить беломорские промыслы у Евреиновых и выхлопотать себе более выгодные условия,—это—правда; но правдой является и то, что лишь только захотел получить те же промыслы совсем большой

человек (Бирон), как шафировская компания сейчас же кон[чи]лась и тоже—раньше срока, как и евреиновская. Обе компании сближает и то обстоятельство, что при отдаче б. Шафирову беломорских промыслов, ему было велено принять „в компанию двух человек из архангельского купечества". Купцы имелись и в компании кн. Меншикова.

Эти компании служат ясным доказательством неизолированности чиновничьих и купеческих компанейских „содержаний", что пропагандировалось самим правительством [1]).

Не смотря на то, что при Евреиновых на северных промыслах дело шло сравнительно тише, чем прежде (при кн. Меншикове) и после (при Шемберге и гр. Шувалове), —эту купеческую фирму однако нельзя ставить наравне с неудавшейся астраханской компанией: астраханских компанейщиков правительство „понуждало" „вступить в промыслы", а бр. Евреиновы сами просились.... Евреиновых нельзя смешать и с безвестными „товарищами" (включая сюда и Югова) камчатской компании: последние получили промыслы на одну экспедицию, а Евреиновы на 10 лет. Евреиновская фирма была хорошо известна правительству и на нее в оффициальное „безвременье" возлагались большие надежды. Если эти надежды и не были оправданы фирмой в значительной степени, то в такой же степени это зависело от самой компании, в какой и от того крайне неустойчивого положения, которое занимала компания, владея казенными беломорскими промыслами. Евреиновы имели больше оснований, чем кн. Меншиков с товарищами, торопиться набрать побольше барышей, не заботясь особенно о пополнении казны разного рода сборами чрез дальнейшее развитие промыслов. Это не помешало впоследствии елизаветинскому сенату отнестись к фирме Евреиновых с полным сочувствием, не помешало признать их ходатайство законнее и справедливее ходатайства наследника б. Петра Шафирова. Вообще,

[1]) После неудачных опытов, иногда запрещалось купцам впускать в компанию не купцов; но б. частью требовалось, чтобы чиновные директоры взяли в компанию и купцов.

Евреиновы и в это время оказались в числе нужных „купецких людей“, как и другие, подобные им, особенно разные откупщики, в роде Саввы Яковлева, астраханского—Попова и др. Тягаться с таковыми пред лицом власти было не под силу всем тем, от кого правительство не ожидало больших финансовых услуг.

Глава VII-я.

Столкновения и связи в среде компанейщиков и откупщиков.

Борьба из-за промыслов между дворянами. Борьба б. Шафирова с бр. Евреиновыми из-за беломорских промыслов. Борьба из-за астраханских промыслов между купцами. Астраханская компания Сидора Попова и Яицкое войско. Винные компанейщики. Значение гр. П. И. Шувалова в купеческом мире. Гр. Шувалов—винный подрядчик и откупщик. Связь его с другими винными откупщиками. Солидарность между гр. Шуваловым и тесной группой крупных промышленников и торговцев. Общие выводы.

Обращаясь теперь к рассмотрению отношений между более или менее крупными компанейщиками, откупщиками и всякого рода большими торговцами, сначала отметим те отношения, в которых выразилось столкновение интересов. Столкновение порождалось прежде всего петровской переоброчкой казенных промыслов—угодий, находившихся во владении частных лиц. Как известно, промыслы, взятые у таковых в казну, затем были снова отданы „всякого чина людям“ „с публичного торгу из-наддачи“. Бывало так, что промыслы вновь приобретались не теми лицами, которые владели ими раньше, а другими, и само собой понятно, что впоследствии, при благоприятных условиях, прежние владельцы не всегда оставляли дело без иска к новым владельцам, особенно, когда можно было опереться на старинные до-петровские грамоты. Такие тяжбы должны были явиться, как это подсказывает и простая догадка на основании обычного хода человеческих дел такого рода; у меня под руками, правда, имеется всего один факт этого порядка, но едва ли будет большею смелостью предполагать, что подобных нижеследующему свидетельству старины можно отыскать и больше...

Впрочем, в данном случае вопрос не в количестве, а в том, что бы отметить явление, заключающееся в том, что переоброчка должна была задеть фамильные имущественные интересы прежних владельцев угодий, а во вторых те,—которые явились результатом „наддачи", т. е. интересы новых владельцев. Интересы новых владельцев выступали на сцену с жалобницею после того, как старые владельцы уже снова успели получить себе угодья, бывшие в их владении до указа 1704 года.

Так некоторыми ловлями на Волге и Медведице, а также на „других малых речках" до указа 1704 года владела фамилия Салтыковых; после же означенного указа ловли попали в руки кн. Михаила Михайловича Голицина; в 1729 году тайный советник Василий Федорович Салтыков, бывший в то время московским генерал-губернатором, оттягал раньше утраченные Салтыковым промысловые угодья, опираясь на жалованную грамоту, данную еще его отцу боярину Федору Петровичу Салтыкову—до указа 1704 года. Кн. Голицин опять в иное время, в 1749 году, бил челом на Салтыкова, прося о возвращении ему рыбных владений, принадлежащих ему на основании сделки, заключенной им с правительством в момент переоброчки,—на основании указа 1704 года[1]).

Для нас указание на подобные столкновения имеет значение введения к изложению столкновений между компанейщиками - откупщиками.

Право собственности, созданное общим правительственным распоряжением 1704 года, а также и другими актами, нарушалось то и дело, раз это нарушение было необходимо для интересов казны, или для интересов сильных лиц. Озна-

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Коммерц-Кол., т. 2488. Кн. Голицин указывал на то, что Салтыков, оттягивая у него промысловые угодья, умолчал о состоявшемся в 1727 году в Вер. Тайн. Совете указе, „по которому велено рыбныя ловли, в чьих дачах есть, отдавать владельцам этих дач без перекупки". Это является косвенным доказательством того положения, что факты подобного рода возникали нередко: они даже вызвали общее на этот счет постановление со стороны высшего центрального учреждения того времени.

ченный указ 1704 года в иных случаях являлся полным противоречием прежним дарственным грамотам. Интересы казны здесь были поставлены выше интересов частных лиц; но когда кошельки частных, но сильных людей взяли верх над государственным казначейством, ничего не стоило забыть фискальный указ и пренебречь правом собственности, полученным, в силу его, новыми хозяевами на угодья старых владельцев. Припомним: Евреиновы получили беломорские промыслы на 10 лет, а потеряли их чрез 4-ре года; барон Шафиров с наследниками, для которого было „учинено“ нарушение условия, получил промыслы тоже на 10 лет, но чрез 4-ре года и 9 месяцев его наследники лишились промыслов, так как они были переданы клезрету Бирона, получившему промыслы тоже на 10 лет, но продержавшему их, по воле обстоятельств, всего 3 года 10 месяцев с небольшим.[1]) Само собой понятно, что и Евреиновы, и б. Шафиров свое право на промыслы, нарушенное при одном правительстве, пытались восстановить при другом. Отсюда—целая борьба на бумаге из-за утраченного промыслового благополучия. Некоторые данные этой бумажной борьбы я постараюсь здесь сгруппировать, ибо самая борьба, при всей ее безплодности, в сущности представляет жалкое следствие известной уже нам тенденции в правительственных мероприятиях о передаче казенных промыслов частным компаниям, тенденции—доставлять промыслы наиболее в данный момент желательным лицам.

В начале елизаветинского царствования, по отнятии беломорских промыслов у б. Шемберга, заявили претензии на них представители прежних компанейских фирм: Евреиновы и наследник б. П. Шафирова, Исай Шафиров. Эти конкуренты, стремясь перебить друг у друга лакомые промыслы, выставляли пред правительством наперерыв попранные прежние права и понесенные убытки. В челобитной б. Исая Шафирова, поданной им в сенат (3-го марта 1741 года), указывалось на то, что отец его, б. Петр Шафиров был награж-

[1]) Б. Шемберг 23-го мая 1739 года получил промыслы; другой указ 17-го июня (М. А. И. Ю., С. Д., т. 915); а 7-го апреля 1742 г. они были отняты у него.

ден за службы вместо деревень северными сальными и рыбными промыслами на 10 лет и „владел ими по кончину свою, чрез 4 года и 9 месяцев", что, владея этими промыслами, он понес большие убытки, ибо должен был „содержать два корабля, которые б ходили для ловли китов в Грунтланд"; отец Исая Шафирова тем более, по словам челобитной, вошел в „великие долги", что содержал „при оном сальном промысле лишних служителей и давал управителям по 500 и 600 рублей жалованья"; кроме того приходилось чинить корабли, которые „многажды" „повреждены бывали". Эти ущербы, де, вытекали из соблюдения кондиций отцом Исая Шафирова; затем уже на голову наследников заслуженного барона посыпались еще горшие невзгоды: промыслы отняты у них и отданы б. Шембергу; с последнего даже снята обязанность „удовольствовать" всех тех купцов, с которыми б. П. Шафиров заключил контракты; эта обязанность снята „по челобитию" б. Шемберга и „заступлением герцога Курляндского", в результате чего и „воспоследовал" указ 8-го сентября 1739 года, послуживший „к раззорению" наследников Петра Шафирова, ибо этим указом было „повелено по контрактам удовольствовать купцов Бардевика и Кюна им, Шафирова наследникам". [1])

Б. Исай Шафиров просил снова отдать ему утраченные промыслы—на 10 лет. Евреиновы не желали ему их уступить ибо сами по отношению к промыслам находились в таком же положении, в каком находился б. Исай Шафиров; и как барон ссылался на раззорение от другого барона и Бирона, так Евреиновы указывали на убытки, которые они потерпели от б. Петра Шафирова. „А как ему, Шафирову", говорили Евреиновы в своей челобитной, „те промыслы были пожалованы, то у них в тот год многие на поставку промышленникам и ловцам розданы были уже задатки и протчие учинены были приуготовления и на отпуск тех товаров в пути были корабли"; Шафиров „утраживал" „силою своею" „и по тому его пожалованью"—„лишить их всего того, что тут было

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б. К. и Гл. М., т. 949.

употреблено"; им, Евреиновым, пришлось „немалою суммою удовольствовать" б. Шафирова—„на тот год, дабы тот их употребленный капитал совершенно не пропал"... Евреиновы на основании своего „пожалованья" и убытков тоже просили о возвращении им промыслов. Статский советник б. Исай Шафиров протестовал против челобитья Евреиновых и просил не верить последнему, как неправому. С наведенными разного рода справками [1]) это дело разсматривалось в сенате в 1744 году (3-го июля), и сенат, сославшись на указ Петра Великого 1721 года (где повелевалось отдать промыслы „в компанию купецким людям" и, „кроме купечества", „в той компании никому не быть"), высказался в том смысле, что „барону Шафирову, мимо помянутых Евреиновых, те промыслы в содержание отдать не надлежит". Припомнились и прежние прегрешения б. Петра Шафирова, за которые при Петре Великом он был приговорен к смертной казни, „яко хищник и тать". Чтобы устранить претензию наследников когда-то опального большого чиновника, вспомнили и мелочи, что когда в сенате разсуждали о винах б. Петра Шафирова, то он, не обращая внимания на приказ сенаторов и обер-прокурора—выйти из зала заседания, не исполнил этого, но „поносно обер прокурора бранил" [2]). Однако промыслы не достались и Евреиновым, как известно,—не смотря на вспомянутый указ 1721 года и мнение сената в пользу этой купеческой фирмы...

В 50-х годах XVIII ст., когда вообще в нашей про-

---

[1]) Напр.: в 1739 г. (8-го сентября) в указе Ея Им. В-ва сенату было «написано»: «понеже генерал-берг-директор барон Шемберг Ея Императорскому Величеству бил челом, что бывший действительный тайный советник б. Петр Шафиров забрал у иностранных купцов (трех)—16400 рублей, за которые по учиненным между ними контрактам обещал он, барон Шафиров, отдать им, купцам, сала и для того на заготовление оного, которое покупается там от промышленников—каждая бочка по 2 рубля с несколькими копейками, надлежало ему, барону Шафирову, все истинные деньги оставить в капитале, а самому довольствоваться только теми деньгами, которые, сверх той покупки, остаться имеют; а он, б. Шафиров, из оных взятых денег в капитале ничего не оставил и сам не приготовил». (М. А. М. Ю., С. Д., т. 949).

[2]) Ibid.

мышленной политике восторжествовал принцип частного содержания, можно подметить столкновение между купцами из-за астраханских рыбных промыслов. Теперь (в конце 50-х годов) эти промыслы (разумеется не все, а часть их), а также черноярские, саратовские и царицинские мы находим в эксплуатации коломенского купца Сидора Попова. Означенные промыслы привлекают и другого купца Кобякова, и он начинает подкапываться под Сидора Попова. Из экстракта камер-коллегии, относящегося к 1758-му году, усматривается, что купец Кобяков указывал на неудобство отдавать казенную вязигу одному Попову, который её откупил и „тем чинит тамошним гражданам притеснение“... „И ежели, прибавлял Кобяков, „по его вымыслу допущено будет“, чтобы „отбирать“ „безденежно“ икру и вязигу у мелких промышленников в рыбную контору Попова, „то тамошним гражданам от той рыбы на продажу останется один хвост“. Указывал Кобяков и на то, что „в партикулярных водах от ловцов клей безденежно отбирается запрасно, ибо издревле по статьям Ижерской канцелярии клей от рыбных ватаг велено весь брать в казну за деньги и... разные цены велено платить“, что „прежде“ „в рыбную контору и отдавался и деньги потому плачивали из казны“; это, впрочем, уже действительно старое время: „а с прошлого 1735 и 1736 годов“, пояснял Кобяков, „рыбная контора, заведуя собою, стала отбирать безденежно, незнаемо с чего, с немалою обидою“ [1]). Таким образом и откупщик Сидор Попов наследовал лишь порядки, заведенные уже давно, во время еще преобладания казенного содержание промыслов над частным.

Конкуррентом Попова на астраханские промыслы явился не один Кобяков; последний в своем челобитье глухо ссылается на „некоторых из тамошних купцов“, желавших получить те же промыслы и посылавших даже „поверенного“ на казенные торги; „точию тех купцов уже не упоминается“, говорит Кобяков, „и потому видно, что с оными согласился, дабы пристойной наддачи было достойно неучинено“. Из этих

---

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-Кол., т. 882.

указаний ничего не вышло: камер-коллегия была на стороне Сидора Попова, заявив, что на него и жалоб от астраханских „граждан“ ни от кого не поступало, и промыслы были сданы Сидору Попову с платой в казну 12063 руб. 74¼ к. в год — на 10 лет; промыслы были утверждены за Поповым в 1760 году, а просить их он начал в 1755 году [1]): следовательно Сидору Попову пришлось выдержать целую борьбу, прежде чем более или менее прочно, на легальном основании, утвердиться на казенных рыбных промыслах.

Привилегии, данные коломенскому купцу Сидору Попову, задели существенные интересы Яицкого войска [2]).

Яицкие казаки тоже рыбные промышленники, продающие свой товар крупным рыбным торговцам. Яик представлял, да и теперь представляет рыбно-промысловой пункт, где действует крупное общественное и юридическое лицо—казацкое товарищество. Но в экономическом положении этого товарищества надо различать два момента: момент владения и момент пользования. Владение рыбными промыслами на Яике у казаков общинное, а пользование ловлями основано на чисто

---

[1]) Ibid.

[2]) Столкновения Яицкого войска с астраханскими рыбными промышленниками происходили и раньше (см. у В. Н Витевского: Неплюев и Оренбургский край, вып. IV-й, стр. 636—639). «Причины» этих столкновений г. Витевский усматривает в том, „что правительство, отдавая Яицкому войску на откуп рыбные ловли, не обозначило точным образом районов ведомства Саратовской и Астраханской рыбных контор от урочищ войсковых рыбных промыслов так-что определенной грани между ними не было“ (стр. 637). И. И. Неплюев установил эту грань; между тем столкновения продолжались. Отсюда ясно, что „причины“ заключались не в неопределенности границ, а в чем-то другом, тем более, что сам г. Витевский далее замечает: «границы эти (границы „ведомства саратовской и астраханской рыбных контор), как оказывается, были». Едва ли также „споры“ имели своею основною причиною то, что откупщики „все вольно“ „захватывали“ самые казацкие „воды“: до этого яицкое войско как владетель этих вод, конечно, откупщиков не допустило бы. Нет, «споры», очевидно, «зависели», от монопольного положения рыбных откупщиков в мире рыбников, к которому принадлежали и яицкие казаки: не на владение «водами» направлялось главнейшее и самое ощутительное давление монополистов, а на сферу промышленно-торговых казацких операций и отношений. Видное же общественное положение монополистов давало простор и всяким злоупотреблениям по казацкому адресу.

трудовом принципе, обусловливается личным трудом каждого из членов казацкой общины. Отсюда ясно, что никто из посторонних войску не мог заявить никаких претензий на яицкие промыслы, но всякий крупный рыбный промышленник, получивший от правительства монополию на те или другие продукты рыбного дела, тем самым приобретал право вмешиваться в сферу чисто промышленных и торговых операций яицких казаков. Сверх того, последним, как торговцам, не соединенным в своих действиях этого порядка в прочную и правильную ассоциацию, было прямо таки невозможно тягаться с крупным монополистом. Так Сидору Попову была дана монополия--на мешечную икру, и этого было вполне достаточно, чтобы яицкие казаки, тоже платившие за промыслы откупную сумму, след. бывшие тоже особого рода откупщиками, почувствовали себя в полном экономическом плену у этого рыбника. Немудрено, что из среды яицкого казачества послышались просьбы и жалобы. В 1760 году войсковой атаман Яицкого войска Андрей Бородин в „доношении" своем в сенат просил, чтобы войску было позволено „делать" икру, клей и вязигу также, как и прежде („за особливые войска яицкого службы") „и чтобы оная мешечная и протчая икра, клей и вязига" покупались купцами и откупщиками „при войске Яицком", как это было прежде, „а откупщику Сидору Попову к нашей мешечной икре, клею и вязиге и протчим рыбным припасам не притрогиваться". Поводом к этой просьбе послужили следующие злоупотребления, вытекавшие из привилегированного положения Сидора Попова на рыбном рынке юго-восточной окраины. В 1759 г. яицкого казака Василия Тамбовцева „по указу Ея Императорского Величества „за деланье и за продажу курским купцам мешечной икры" было приказано бить „при войске плетьми"; тогда же и тем же указом войску было запрещено „строить мешечную икру"; разрешено же было „делать одну зернистую"; но казачество воспротивилось таким распоряжениям и „репортовало", что казака Тамбовцева штрафовать (т. е. сечь) не следует, ибо в „постановленной в государственной камер-коллегии с войском яицким контракте об оной мешечной икре никакого

запрещения не учинено". Атаман прибавляет, что указ о штрафовании был прислан оренбургской канцелярией „из государственной камер-коллегии". „В указе же Ея Императорского Величества, состоявшемся в прошлом 1759-м году в Правительствующем Сенате", говорит атаман, „об этой яицкой мешечной икре ничего не толковано, кроме сего, что астраханские рыбные промыслы и весь округ около Волги и выше даже до Саратова, звериные и прочие угодья отданы в содержание на откуп коломенскому купцу Сидору Попову на 10 лет из платежа положенной за те угодьи суммы... и велено волжским, терским и гребенским казакам из уловной в их водах рыбы икру мешечную и клей по средним ценам отдавать ему, откупщику, а кроме его, как икру, так и клей никому на сторону не продавать и не отпускать", а войску яицкому отнюдь не запрещено. Далее атаман указывает на невыгодные следствия данной Сидору Попову монополии, как для русских потребителей, так и для уральских производителей, „ежели" говорит он, „мешечной и протчей самой чистой икры войску яицкому не делать, а делать одну, как камер-коллегия дозволяет, зернистую"... Перспектива же „делать одну зернистую" не очень заманчива: „оная зернистая икра", поясняет атаман, „кладется в телеги, в которых так перебивается, что сделается на подобие дегтя, и тако иностранные народы будут довольствоваться самою чистою икрою, а Российские подданные негодною". Ссылка на интересы Российских подданных сильно подкреплялась интересами самой казацкой общины: „а Правительствующему Сенату", указывает атаман, „довольно известно, что войско яицкое всё свое пропитание имеет и службы Ея Императорского Величества исправляет своим коштом и всю казацкую сбрую лошадей достает за уловление рыбы в Яике-реке и на том весь корпус содержится"; в монополии, данной откупщику Сидору Попову, атаман прямо усматривает лишение казаков рыбного „промысла", что неминуемо повлечет за собой „крайнее раззорение" войска, лишенного возможности эксплуатировать ловли сообразно с своей выгодой и принужденного согласовать свою рыбную промышленность и торговлю с выгодами откупщика-монополиста. Не

смотря, однако, на такие решительные заявления начального человека яицких казаков, правительство указом 3-го мая (1760 г.), в общем подтвердило привилегированное положение Сидора Попова и по отношению к яицкому войску. Правда, было заявлено, что Попов должен соблюдать контракт неотложно, „в чем он, Попов, исполнился", что он, Попов, „к отмене того претензии иметь не может"; но за то и Яицкому войску было внушено, что оно должно платить Попову при продаже ему мешечной икры пошлину—30 к. с пуда, „ибо за отпуск за море 10 к. с пуда велено откупщику платить от той компании, ибо откупщик будет платить в казну немалый откуп" [1]).

„Немалый откуп" был всегда основанием для поддержки интересов компаний. Это особенно справедливо относительно тех компанейщиков, которые брали на откуп винные подряды. Так, напр., представитель винной компании откупщик Савва Яковлев своим значением в мире русской водки просто давил тех торговцев, которые желали распространять в России иностранные водки. Этот откупщик и его товарищи постановили не покупать иностранных водок и тем привели в ужас владетелей этих питий; торговцы-иностранцы пожаловались на Савву Яковлева даже иностранным министрам при русском дворе... Эти отношения хорошо уясняют значение „компании", как особого финансового учреждения, почему я и предлагаю вниманию читателя следующия фактические данные. В 1750 году (20-го декабря) польский, саксонский и голландский министры заявили в иностранную и комерц-коллегию, что обретающиеся здесь голландские, гданский и другие иностранные купцы"... „многократно просили в комерц-коллегии", чтобы их водки покупались у них откупщиками; „однакож сии откупщики"... „весьма малую цену давали" и даже „об'явили, что им, откупщикам, такие водки вовсе ненадобны"... Министры за иностранных купцов „пристойное заступление чинили" и „прилежно домогались, чтоб повелено было откупщиков ко взятью оных вод к по справедливой и настоящей цене принудить" или позволить про-

[1]) М. А. б. М. Ю., с. д. по камер-коллегии, т. 882.

давать их, помимо откупщиков, „другим партикулярным Российским купцам“. Камер-коллегия, в которую тоже поступали подобные прошения, 24-го августа того же года постановила: призвать „компанейщиков в оную коллегию и взять у них письменное известие, чего ради они у этих купцов дупельтовой водки не покупают“. Компанейщики два раза приходили в камер-коллегию и „подавали доношение с таким об'явлением, якобы им той водки вышеозначенные купцы не продают, а требуют дорогою ценою“. О цене компанейщики „обещами подать известие, но не подали и более в коллегию по многократным к ним посылкам упрямством своим не являются и чрез то явились коллегии ослушны“... Это камер-коллегия докладывала сенату. „Между тем“, продолжала она в своем доношении, „иностранные и российские купцы приходят в оную коллегию почасту и приносят на оных компанейщиков словесную жалобу“, что они у них „показанной водки не покупают“ и требуют, чтобы было позволено продавать её другим партикулярным купцам „для отпуску внутрь России“. Это докладывалось в сенате уже в 1751 году (1-го марта). Сенат постановил: компанейщиков Савву Яковлева с товарищи к покупке иностранной водки „не принуждать“, а Российским и иностранным купцам, имеющим эту водку, разрешить продажу ее другим купцам, внутрь России, „кроме Москвы“, с платежем пошлин [1]). Иными словами: монополия яковлевской компании была оставлена без всяких ограничений в районе ея откупа: в Петербурге, Кронштадте, Ингерманландии и Москве; угнетенные этими откупщиками, видимо, и не расчитывали добиться того, чтобы власть принудила Яковлева с товарищами заключить нежелательные для компании сделки, почему они и просили позволения сбывать свой товар „внутрь России“, т. е. в те места, куда не распространялась монополия компании, платившей в казну 746724 р. ежегодно [2]). В означенной просьбе трудно было отказать русским и иностранным торговцам иностранными водками, когда за последних ходатайствовали сами иностранные министры.

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-Кол., т. 887.
[2]) П. С. З., XV, 10906.

Как уже было замечено выше, винные компанейщики были нужные люди правительству, и оно по понятной причине действовало в их интересах,—вследствие связи последних с интересами казны. В 1742 году, напр., камер-коллегия заявила сенату, что на московские питейные дворы было необходимо подрядить 400000 вед. вина „по требованию питейных компанейщиков", при чем было сообщено и о том, что камер-коллегии очень сильно пришлось торговаться с винными подрядчиками на питейные дворы. Винные подрядчики в таких торгах нередко боролись с чиновниками камер-коллегии и членами сената посредством стачек, противополагая таким образом свою собственную промышленную солидарность союзу казны с питейными компанейщиками [1]). Откупщики же, зная, что они представляют необходимое звено в государственных финансах, иногда разговаривали с органами власти в довольно решительных выражениях. Так в 1745 году один купец, после торгов в камер-коллегии на откуп таможенных,

---

[1]) Камер-коллегия сообщала, что винные подрядчики «за вино просили разными ценами, а после дню цену объявили, что они меньше 82 к. за ведро не возьмут и более в той коллегии торговаться не будут, а сего 13-го дня (1742 г.) допущены были пред собрание правительствующего сената—советники камер-коллегии .. Федор Беклемишев, кн. Григорий Шаховский, Иван Богданов, ассесор Андрей Щетинин и при том были представлены винные подрядчики для окончания торгу и о последней цене спрашиваны, почем они за поставку того вина за ведро возьмут и ко уменьшению цены те подрядчики были увещеваны и склоняваны и по многому увещанию и склонению объявили все, что возьмут по 80 к. за ведро, а ниже той цены не возьмут и вперед торговаться не будут» (М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-коллегии, т. 876).

Или вот выдержки из другого доклада камер-коллегии сенату.—«В нынешнем 1743 году на продажу в питейные дома пива и меду по публикам из той конторы и по неоднократным посылкам явилось винных промышленников 15 челов., которые по многому от камер-конторы увещеванию и сбавки цены склоняванью при последнем торгу за поставку в разные питейные дома просят неравной ценой за пиво 20—22 к. за ведро, за мед 19½—22 к. за ведро, а меньше того и против прошлых лет цен не берут и от торгов отказались и объявили, что меньше оных цен взять им не можно, что, де, против прошлых лет пивные и медовые припасы гораздо покупаются дороже» и т. д. Далее камер-коллегия, еще раз повторив, что «оные промышленники не соглашаются на меньшую цену, «якобы за дороговизною припасов», прибавляет: „а других сочих людей к поставке пив и медов не явилось" (М. А. М. Ю., Сен. Д. по Камер-Кол., т. 880).

канцелярских и кабацких сборов, заявил в том же учреждении, что „ежели в том феврале месяце отдача ему учинена будет, то он и впредь торговаться будет, а по прошествии того февраля месяца, ежели отдача учинена не будет, то ему ни за какую сумму оные сборы не надобны“ [1]).

Компании и вообще крупные торгово-промышленные фирмы, находясь в близких отношениях с государственной казной, еще ближе стояли к казне тех оффициальных лиц, которым принадлежало преобладающее влияние на внутренние дела. Как известно, из таких лиц в 1-ой половине XVIII стол. особенно выделился гр. П. И. Шувалов. Этот государственный человек широко воспользовался компанейским принципом и на казенный и на частный счет. Приобретая себе монополии, гр. П. И. Шувалов доставлял возможность и другим делать тоже самое. Фельдмаршал Миних в своих записках отмечает, что, вследствие правительственного значения гр. Шувалова, „произошли разворительные монополии“ [2]). Так монополия на эксплуатацию архангельских лесов была передана гр. П. И. Шуваловым некоему Вильяму Гоум, английскому купцу, на 20 лет, который хищнически истреблял наши вековые северные леса для своего обогащения и для интересов английского правительства, получавшего от этого аферпста превосходный корабельный материал за ничтожную цену; сам Гом позднее (1783 г.) окончательно обанкротился; но вместе с тем этот негласный „компанейшик“ Шувалова успел истощить лесное хозяйство и вообще экономическую жизнь нашего Севера [3]).

Весьма вероятно, что и коломенский купец Попов получил астраханские рыбные промыслы с согласия гр. П. И. Шувалова, господина рыбных промыслов у Астрахани и на Каспийском море. Существует также основание думать, что и армяне Иссахановы получили персидский торг в компанию

---

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-Кол., т. 878.

[2]) Записки, стр. 89.

[3]) П. Н. Фирсов: „Расхитители и расхищение народного достояния в России“, этюд, составленный в этой части по архивным документам Казань, 1917 г. См. также сборник моих статей: „Исторические характеристики и эскизы“, т. I, Казань, 1922 г.

только в силу ходатайства за них гр. П. И. Шувалова. Кн. Щербатов очень прозрачно намекает на финансовые сделки армян с государственным финансистом, свидетельствуя, что большую часть денег, взятых из банка, армяне отдали гр. П. И. Шувалову [1]). Не даром, разумеется, и другие лица, при посредстве гр. П. И. Шувалова и прямо от него, получали право на эксплуатацию всяких казенных статей-угодий, торгов, регалий. Кн. Щербатов сообщает, что и Гом заплатил Шувалову за монополию на олонецкие леса целый миллион, взятый англичанином из того купеческого банка, откуда достали денег и армяне персидского торга [2]). Гр. Шувалов был не только промышленник и торговец первой степени по обширности оборота: он был и выдающимся винным подрядчиком и откупщиком вместе; отсюда его связь с компанейщиками и этого типа. „Вы, укорял его кн. Шаховский, „сделали, что откупщики питейной продажи при новом откупе немалую к прежней цене прибавку учинили, но напротив того вы снабдили их многими вновь, выгоднейшими пред прежними, привиллегиями, и сами, сделавшись участником в подряде, в многочисленную вина в Петербург поставку и в откупы с кабаков винной продажи вступили“ [3])... Очевидно, тем обстоятельством, что гр. Шувалов был винным подрядчиком, об'ясняется повышение поведерной платы за вино, поставляемое на откупные кабаки; а тем обстоятельством, что гр. Шувалов, был и откупщиком, хотя и не таким крупным, как подрядчиком, об'ясняются выхлопотанные им привилегии для винных компанейщиков [4]). Впрочем, радеть об интересах винных компанейщиков гр. Шувалов должен был и на основании известного житейского правила о взаимном мытье рук: винные компанейщики не мало переплатили ему денег, как винному подрядчику, в силу учиненной надбавки.

До самой смерти своей (1762 г.) гр. П. И. Шувалов оставался центральной фигурой в нашей экономической по-

---

[1]) Записки о повр. нр., стр. 89.

[2]) См. прилож.

[3]) Записки кн. Шаховского, стр. 142.

[4]) Напр., указ о льготах для целовальников.—П. С. З., XV, 11125.

нитиве: в этой фигуре соединились воедино все выгоднейшие статьи казенного дохода и переплелись все отношения тогдашнего русского торгово-промышленного мира. Неудивительно, что крупные купцы и промышленники тяготели к гр. П. И. Шувалову, а он к ним. Обе стороны в общем были прочно об'единены своими отношениями к торгово-промышленной отрасли государственного хозяйства, которую обе стороны и стремились эксплуатировать по возможности широко и без препятствий. Обогащаясь сам, гр. П. И. Шувалов вовсе не желал быть единственным, во избежание осуждения, а следовательно и риска: он давал возможность поживиться и другим, хотя, понятно, за собой оставлял львиную долю. Это хорошо видно из учреждения, по его инициативе, купеческого банка (1754 г.)[1] „для поправления купечества и коммерции", банка, которым, по сообщению кн. Щербатова, „воспользовался" сам его учредитель[2]. Уничтожение внутренних таможен[3], говоря вообще, было проведено гр. П. И. Шуваловым в интересах крупных торговцев. Это мероприятие является тоже показателем той тесной связи, какою компанейский принцип сплотил главнейшего компанейщика со всеми остальными; что гр. Шувалов сам больше всех воспользовался выгодами уничтожения внутренних таможен, это—вопрос, которого мы уже касались выше и который поэтому является посторонним в настоящей главе: здесь для нас необходимо лишь отметить, что гр. П. И. Шувалов в своих торгово-промышленных операциях искал поддержки в целом общественном слое, члены которого в свою очередь, взирая с упованиями на государственную казну, искали поддержки со стороны влиятельного государственного деятеля. К тому же для откупщиков и компанейщиков было очень рискованно относиться невнимательно к гр. Шувалову, ибо последний был едва ли не самый крупный деятель на тогдашнем русском рынке. Поневоле приходилось делать ему любезности.—Когда в 1759 году гр. П. И. Шувалов получил отсрочку, между прочим, уплаты таможен-

[1]) П. С. З., XIV, 10280.
[2]) О повр. нр., стр. 65.
[3]) П. С. З., XII, 10154—указ 20-го декабря 1753 г.

ных пошлин, то таможенные откупщики Шемякин с товарищами в сенате заявили, что они не будут претендовать на просимую гр. Шуваловым льготу, и льгота была дана [1]). Гр. Шувалов желал, чтобы пред лицом верховной власти и всенародно от всероссийского купечества была засвидетельствована ему полная признательность. Кн. Шаховский указывает на „звезду и крест кавалерского ордена св. апостола Андрея",—регалии, поднесенные гр. П. И. Шувалову купцами. На это была употреблена часть денег, собранных купцами „для покупки и подносу" „бриллиантовых вещей" „всемилостивейшей монархине в знак благодарности... за снятие внутренних пошлин".... Кн. Шаховский упрекал гр. П. И. Шувалова в том, что он сам „уговорил купцов" сделать сбор, и что „бриллиантовые вещи" они поднесли „по его приказанию"; при этом обличитель ссылался на „многих", которые высказывали это мнение, и особенно на убежденного в этом шуваловском маневре „обер-президента магистратского" [1]). Опять необходимо сказать: нет оснований не верить кн. Шаховскому уже потому, что его рассказы о гр. П. И. Шувалове вполне соответствуют общему характеру его государственно-финансово-промышленной деятельности, известной нам из оффициального делопроизводства. Маневр, употребленный Шуваловым, делал честь его дипломатическим способностям: тут для всех очевидно выразилась связь, какая существовала между его финансово-экономическою политикой и „умоначертанием" „Российского купечества", своими подношениями заявившего верховной власти, что оно очень и очень благодарно ей за одобрение и утверждение главнейшего из проектов гр. П. И. Шувалова. Бриллиантовые регалии подносились гр. Шувалову несомненно искренне многими купцами, теми, которые обогатились чрез ходатайство и поддержку влиятельного финансиста в правительственных сферах; это прежде всего—компанейщики, получившие в содержание винную регалию и все привилегии, выхлопотанные гр. Шуваловым для винного откупа. Таких, т. е. обогатившихся, благодаря Шува-

---

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б.-Колл., т. 2864.

лову, было, повторяю, немало: фельдмаршал Миних ссылается на „обогащение множества частных лиц", как на результат господства гр. П. И. Шувалова в русских экономических делах [1]). Другие раззорились от неумеренного аппетита этого деятеля; но и сам он умер, оставив казне солидную сумму долга [2]). Вообще, если оставаться при обсуждении этого вопроса в верхних слоях, то следует отметить, что от операций гр. П. И. Шувалова государственная казна пострадала всего более... В этот период... „казна нуждалась в деньгах", говорит старый фельдмаршал [3]). И не мудрено это вытекало из всей тогдашней торгово-промышленной и финансовой политики. Достаточно указать на те убытки, которые потерпело государственное казначейство от шуваловско-гомовского откупа, чтобы уже не возникало на этот счет никаких сомнений,— ибо эти убытки явились лишь одним из наиболее ярких результатов всей экономической политики тех времен. Главнейшие общие положения, которые развивались в настоящем отделе, могут быть формулированы следующим образом.

Частно-компанейским принципом, который был завещан Петром I русскому торгово-промышленному миру, воспользовался, в силу сложившихся благоприятно для гр. Шувалова, разумеется, обстоятельств, влиятельный государственный деятель, бывший вдобавок остроумным финансистом, в результате чего получилось:

1-е) господство гр. П. И. Шувалова в промышленной и торговой сфере;

2-е) его, гр. Шувалова, единение с крупнейшими русскими и действовавшими на русской почве иностранными ка-

---

[1]) Записки Миниха, стр. 89.

[2]) Кн. Щербатов свидетельствует о целом миллионе шуваловского долга казне. В указе 1763 г. (14-го ноября)—о принятии в казну заводов, принадлежавших гр. Шувалову,—гороблагодатских и колыванских отмечена более скромная цыфра казенного долга гр. П. И. Шувалова—186,629 р. 65 к.; уплачено им было не более, как 6940 р. 35 к. Наследнику П. И. Шувалова было велено «весь казенный медного банка долг уступить и дать квитанции» (П. С. З. XVI, 11966).

[3]) Записки Миниха, стр. 89.

питалистами, скрепленное и правительственным, и „купецким“ значением гр. П. И. Шувалова;

3-е) уничтожение внутренних таможен, проведенное Шуваловым, как непосредственно в своих интересах, так и в интересах указанного единения; и наконец:

4-е) расстройство экономической жизни нашего Севера и государственных финансов *).

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА УЛИТИНА Алексея Викторовича

*) Это расстройство вполне выяснилось лишь впоследствии, в эпоху Екатерины II, о чем, сверх моего, вышеуказанного очерка: «Расхитители и расхищение народного достояния в России», см. в помещаемых в приложении архивных документах, относящихся к екатерининскому царствованию. Архив департамента таможенных сборов. Дела комиссии о коммерции, № архива 894, св. 50.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ „КОМПАНЕЙЩИКАМИ".

Глава VIII-я.

Компанейщики и рабочие.

Состав рабочих. Волнения и восстания приписанных к заводам государственных крестьян. Волнения фабричных рабочих. Бедность и обнищание крестьян, приписанных к заводам. Бедственное положение рабочих на заводах и фабриках. Отношение к этому положению правительства и заводовладельцев. Классовая сплоченность знатных и простых капиталистов против справедливых жалоб рабочего люда. Общие выводы.

Компания была только излюбленным выражением привилегированного промышленного и торгового предприятия. Она была только частным, но наиболее рельефным явлением в области торгово-промышленной привилегии, действовавшей в торгово-промышленной среде XVIII стол. Если мы спустимся вниз этой среды, то понятно мы невольно еще более, чем раньше, раздвинем рамки своей темы; ибо мы должны будем вполне войти в круг тех отношений, которые не справляются о различии юридических форм, а отзываются так или иначе на реальную сторону дела; последния же в общем и главном была одинакова во всех привилегированных промышленно-торговых предприятиях, как компанейских—действительных и мнимых, так и прямо единоличных; вследствие этого мы и не станем в дальнейшем изложении различать компанейщиков от некомпанейщиков юридически, потому-что с экономической точки зрения все крупные „содержатели" представляют одну социальную группу, особенно заинтересованную вопросом о рабочих руках. Этот вопрос несомненно принес немало трудных минут

государственным людям XVIII стол. Рабочих рук не было, их не хватало. Между тем государство, „казна", потом высшие общественные классы почувствовали необходимость в национальной промышленности. Как тут быть? Если бы в среде населения постепенно развилась широкая промышленная деятельность, то несомненно не было бы и вопроса о недостатке рабочих,—скорее народился бы вопрос об их избытке.

Но на Руси было наоборот. Масса населения не чувствовала никакой настоятельной необходимости выйти из тех примитивных форм труда, которые ей были свойственны с давних времен: потребности этой массы в конце XVII стол. едва ли чем существенным отличались от потребностей ея в XII—XIII столетиях, в эпоху зарождения позднейших государственных порядков. Московское государство создалось при помощи этой массы и развилось на счет ея материального и духовного застоя. Достаточно окрепнув политически, государство осмотрелось вокруг себя и нашло, что для дальнейшего роста не припасено ни материальной, ни умственной пищи, без которой, однако, не может обойтись ни одно политическое тело, если оно не желает обезсилить и погибнуть в неравной борьбе с другими, хорошо питающимися политическими организмами. Пришлось торопиться и запасать пищу обоих родов исключительными способами, которые, устраняя одни неудобства, влекли за собой другие,—менее вредные для политики, но более вредные для народных масс и для общественной этики. Словом, для удовлетворения новым потребностям государства и высших классов пришлось привлечь к делу заводской и фабричной промышленности крестьянство. Прежде всего стали приписывать государственных крестьян к казенным заводам [1]), ибо широкое промышленное дело начало заводить само правительство, а затем было позволено и частным лицам, „как шляхетству, так и купечеству", покупать крестьян к фабрикам и заводам целыми деревнями, но так, чтобы „тех деревень особо без заводов отнюдь не продавать и не закла-

[1]) Кильбургер показывает, что к горным заводам, учрежденным еще царем Михаилом Федоровичем, царь Алексей Михайлович приписал 400 душ крестьян... (см. у Семенова: Изучение истор. св. о внеш. тор., ч. I, стр. 33).

дывать и никакими вымыслы ни за кем не крепить и на выкуп таких деревень никому не отдавать". Даже вместе с заводами крестьян позволяли продавать только в случае крайности их владельцев и при том—„с позволения берг и мануфактур коллегии". Законодатель предвидел и злоупотребления, вследствие разрешения покупать крестьян к заводам: „а ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки не допускать и смотреть того накрепко в берг и мануфактур-коллегии, а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимаго и недвижимого имения" [1]). Из ограничения владельческих прав, приведенной оговорки и устрашения—с очевидностью усматривается, что только печальная необходимость принудила законодателя прибегнуть к такой радикальной мере, каковою является разрешение покупать крестьян к заводам, т. е. разрешение создать, ради преуспеяния национальной промышленности, особый вид крепостного состояния [2]). Явился особый вид населенных владений, названных впоследствии (1797 г.)—

---

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б.-К., т. 2710; П. С. З., IX, 6559. Инструкция В. Н. Татищеву 24-го марта 1734 г.; IX, 6858: указ 7-го янв. 1736 г., немного ограничивший разрешение покупать: без земель, а не целыми деревнями; в 1744 году снова было возстановлено разрешение в его полном виде, как было об'явлено в указах 1721 и 1723 годов (М. А. М. Ю. С. Д. 27 0 т.). Сенатским указом 1752 г. (12-го марта) берг- и мануфактур-коллегиям было приказано «иметь крепкое смотрение», чтобы заводчики и фабриканты не покупали излишних крестьян «под видом заводов и фабрик»; настоящим же дворянам «никакого во прещения не чинить». Позволено было каждому доменному водяному заводу иметь 160 душ, медным заводам 2000 душ, затем фабрикам разных специальностей разное количество душ от 12 до 42; указом 1753 года (5-го ноября) было об'явлено, что крестьян к заводам можно покупать не только деревнями, но и «без земель»—«в указную пропорцию»; при этом непременно писать „кому за тех покупных людей и крестьян, впредь до новой ревизии подушные деньги и рекрут платить". П. С. З. XIII 9954).

[2]) До императора Петра III позволение оставалось в силе. Импер. Петр III-й запретил покупать крестьян к заводам и импер. Екатерина II-я подтвердила это запрещение, а Павел восстановил разрешение; только в 1816 г последовала окончательная отмена этой меры, уже давно пережившей ея государственное значение (см. у В. И. Семевского: Крестьяне в царств. импер. Екатерины II-й, стр. 394—397).

поссессиями, явился особый вид рабочих, названных в исторической литературе поссессионными крестьянами [1]), и особый вид владельцев, еще, кажется, никак не названных, но которых всякий поместит в высший класс торгово-промышленных людей XVIII стол.

Заботясь о доставлении заводам и фабрикам рабочей силы, правительство находилось тем более в затруднительном положении, что тех рабочих, которые своею охотою шли на заводы, оно считало необходимым устранять оттуда и водворять на прежние места. Это были беглые. Действительно, имелись в государстве люди, которым в XVIII стол., при более крепкой, чем раньше администрации на окраинах, некуда было идти, и они шли на заводы. Они убежали от разного рода повинностей и от своих вотчинников, ища лучшего и находя на заводах, может быть, еще худшее положение...

Административные обязанности власти столкнулись с государственно-экономическими целями правительства, а далее, после Петра В., с интересами государственных людей. Начиная со времени Петра В., правительство (в течение 1-ой половины XVIII стол.) вело двойственную политику, именно,— вследствие указанного сейчас противоречия в предстоявших ему задачах: оно стремилось удовлетворить заводы рабочими руками и вместе с тем не обидеть вотчинников, поддержать их право собственности на принадлежащих им и числящихся в то же время в бегах крестьян; но все же надо сказать, что правительство больше поддерживало заводчиков, чем успокаивало вотчинников; поддерживать первых было и удобнее, ибо самые крупные из них были и вотчинниками самыми большими [2]).

---

[1]) Семевский, цит. соч., стр. 406.

[2]) Так, в 1722 г. (18-го июля) было запрещено выдавать с заводов беглых их прежним действительным владельцам (П. С. З., VI, 4055). Точно также и в указе (19-го января) 1723-го года было заявлено: «с заводов их (работных людей) неволею не ссылать, дабы тех промыслов не остановить» (П. С. З. VII, 4145). В 1724 г. по плакату (20-го июня) было приказано отпускать с заводов беглых прежним владельцам—за 50 руб. (П. С. З., VII, 4533). В 1732 г. (10-го ноября) было велено переписать вновь всех имеющихся на фабриках «мастеровых людей и их учеников и работников, как мужский, так и женский пол, и их детей», также «сколько дворцовых, монастырских и помещиковых людей и крестьян и каких других чинов и

В результате этой политики получилось то, что значительное число беглых было зарегистровано за заводами; но все, не попавшие сюда „по указам", были сочтены всегда подлежащими возвращению их владельцам с уплатой за держание беглых на заводах и фабриках известной суммы. [1])

Несомненно, недостаток в рабочих руках для казенных заводов был до некоторой степени причиной снисхождения к

но скольку лет в обучении имеются». «А оных мастеровых людей до будущего об них точного определения с тех мануфактур не ссылать и челобитчикам не отдавать» (П. С. З., VIII, 6255). В 1736 году (7-го января) было приказано «всех, которые поныне при фабриках обретаются и обучались какому-нибудь мастерству,... а не в простых работах обретались», оставить на фабриках, заплатив за таких мастеров «от тех фабрик деньги». Обретавшихся „в черных работах" было велено «отдать, чьи они были», но «пожилых денег» с фабрикантов и заводчиков «не взыскивать» (П. С. З., IX, 6858). В 1755 г. (30-го декабря) сенат отметил: «Вся та Сибирская губерния... состоит б. ч. в самых пустых землях, которые для пользы государственной населения требуют»... В этой губернии «наиболее других губерний довольные и весьма лучшие и надежные руды и металлы обыкиваются» (Schnitzler.—Statistique et itineraire de la Russie: «En 1749 on a découvert sur une montagne de la Sibérie une masse de per pesant 42 pouds. La Sibérie fournit encore de mercure» и т. под. стр. 41) *„Для произведения впредь полезных государству и интересу Ея Импер. В-ва заводов в мастеровых и работных людях весьма нужней шая потребность и надобность видится"* и т. под. Вследствие этого, сенат «не мог смелости принять беглых, как с казенных, так и с партикулярных заводов на прежние жилища выслать» и т. д. (П. С. З. XIV, 10494). Иногда правительство давало вполне рациональные и в то же время вполне невинные советы для устранения недостатка в рабочих на частных фабриках. Напр., в 1753 году, когда оказалась «немалая нужда» «в рисовальных и красильных мастерах», то правительство рекомендовало (ук. 12-го августа Российским фабрикантам — выписывать мастеров из иностранных государств «самим» и «на своем коште»; очевидно, беглые были плохими рисовальщиками и красильщиками. (П. С. З. XIII, 10129).

[1]) В указе 1754 г. (13-го мая) было заявлено, что те беглые люди, которые были отданы указами на фабрики и мануфактуры, не могут уже быть отняты от них; неотданных же, хотя бы они „к мастерствам обучались", всё равно было велено выводить к прежним владельцам, взыскав за держание штраф за мущину по 100 руб., а за женщину 50 руб. „А ежели за обучение мастеров содержатели отдать не пожелают, чтоб тех мануфактур, фабрик и заводов не опустошить, то за таких тем содержателям платить владельцам за мужеск пол 50 руб., а за женск 25 руб." и т. д. Если же кто впредь будет принимать беглых на фабрики и заводы, то таковые должны платить штраф по 200 руб. „за мужеск пол и по 100 руб. за женск"—за год (П. С. З. XIV, 10233).

беглым со стороны правительства, хотя в указе 1754 года оно и обещало высокий штраф за укрывательство беглых. За год до этого указа началась ревизия заводов Казанской и Сибирской губернии с тем, чтобы выяснить состав рабочего заводского населения; было найдено, что, сверх законного числа, которое должно было бы получиться, если бы соблюдались постановления, касающиеся этого предмета, императрицы Анны, а именно, сверх 8362 душ,—на заводах живет еще 17,265 человек. „Излишние“ были приписаны к казенным заводам, а не отданы их помещикам: [1]) таким образом самое определение—отдавать впредь—было об'явлено „в народ“ после того, как „казна“ уже воспользовалась беглыми для своего государственно-промышленного дела. А через год, после общего определения о неприеме вновь беглых на заводы под страхом штрафа (ук. 1754 г.), было приказано не высылать пришлых крестьян после обеих ревизий—как с казенных, так и с частных сибирских и пермских заводов Акинфия и Никиты Демидовых, барона Строганова, Петра и Гаврилы Осокиных: на казенных было оставлено—2357 душ, на частных—4493 души (1755 г.) [2]). Само нуждаясь в рабочей силе [3]), правительство, вообще говоря, достаточно по-

---

[1]) Указ 12-го августа (1753 г.). На заводах Сибирской и Казанской губерний (стат. сов. Акинфия Демидова, статск. сов. Никиты Демидова, детей Акинфия Демидова—медниц. завод Петра Осокина, Гаврила Осокина, Семена Красильникова, Семена Иноземцева, Кирилы Небогатова и Казанского гарнизона аудитора Литвинова, тулянина Ивана Меньшева Маслова) было крестьян 25,627 челов., в том числе приписных государственных крестьян 11.391, а покупных—5856 душ; остальные—„пришлые и другие“. (П. С. З. XIII, 10131).

[2]) П. С. З., XIV, 10494.

[3]) 17-го апреля 1744 года в сенатском указе было заявлено: .....„с печатными паспортами работных людей никто не является, от чего, за неимением оных, на учугах в казенной работе немалая остановка и „в рыбе недолов“ (П. С. З. XII, 8922). В случае крайнего недостатка в рабочих людях приказывалось прямо наряжать к казенным промыслам из купечества, кормящегося черной работой, из разночинцев, из солдат астраханского гарнизона (П. С. З. XII, 8922). Повелевалось употреблять на казенных рыбных промыслах даже колодников, „присужденных к смертной казни и политической смерти и к вечной каторге, заковав их в твердые кандалы“, „под присмотром безопасного караула“, „чтобы“, поясняет указ, „те колодники уйтить не могли“ (П. С. З. XIII, 9879, 10113).

кровительствовало присутствию беглых не только на казенных, но и на частных заводах, тем более, что частное промышленное дело было очень тесно связано с казенным: то непосредственно в виде винного и соляного [1]) откупа, то посредственно в виде обещаний казенной пользы от частного содержания казенных промыслов. Остановимся опять несколько на промыслах гр. П. И. Шувалова, как самых типических для изучения второго вида связи казенного интереса с частным.

Обращаясь прежде всего к северным промыслам, я прежде всего должен отметить общеизвестный факт малонаселенности этой русской окраины. В XVIII стол. эта окраина в промысловом отношении погибала от малолюдья. В 60-х годах прошлого века прожектер предлагал для развития промыслов на Белом море и Северно-Ледовитом океане увеличить „в тех местах" число жителей, ссылаясь на то показание, что другого способа не знают те, которые там „бывали" и „дело сие знают" [2]). Очень возможно, что мероприятия внутренней политики вообще и промысловой в частно-

---

[1]) Соляные промышленники, поставлявшие соль в казну, то и дело жаловались на недостаток рабочих рук, вследствие чего, де, является замедление в доставке соли и даже возникает невозможность доставить соль в срок и в требуемом количестве. „С печатными паспортами нет, а с письменными не велят брать", говорили они. Правительство приказывало наряжать на работу „дворовых, государственных, синодальных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян". Так в 1714 году было наряжено для Строгановых 9000 человек, а остальным пермским промышленникам 4000 чел. (П. С. З. XII, 9108; см. также у С. М. Соловьева, Истор. России, т. 21, стр. 307; т. 22, стр. 31—33). В 1745 году было сделано распоряжение о приеме на соляные промыслы рабочих с письменными паспортами от помещиков или управителей за подписью священников, распространив, однако, эту меру только на два года (П. С. З., XII, 9226). В 1746 году пришлось нарядить на Бахмутские соляные заводы по 600 человек на каждый и обещать штраф за слабое исполнение этого указа (П. С. З. XII, 9351). В 1748 году, чтобы, очевидно, не повторяться в указах, правительство прямо повелело ежегодно назначать работников на пермские соляные заводы из крестьян казанской губернии (П. С. З., XII, 9521). Вследствие недостатка в работниках, на соляных судах появилось много беглых рекрут, крестьян и разбойников; тем не менее сенат не велел задерживать суда, приказав, однако, осматривать их и задерживать подозрительных людей (Соловьев, т. 22 стр. 33 и 34).

[2]) Цит. Рук. быв. Им. Пуб. Б. Г. Отд. II-й, № 55.

сти следует считать одной из важных причин плохого заселения края. По крайней мере, архангелогородский гражданин Василий Крестинин, об'ясняя, почему жители „не умели пользоваться" в Архангельске „коммерческими правами", говорит, что „во времена строгих денежных поборов оставляли они домы свои пусты, убегали почитай все из города и в окрестных деревнях скрывались". [1]) Иностранный наблюдатель—Вебер делает со стороны общее показание в этом же смысле, что, де, в трудное время Петра В. „многие принуждены были бежать из своих домов". [2]) Кроме других причин, население этой местности, по всей вероятности, разбегалось и от рекрутства, тем более, что матросов в начале, по свидетельству Вебера, набирали „*из архангельской* и казанской" губерний, как из „провинций, расположенных по большим рекам". [3]) Позднее сам гр. П. И. Шувалов ссылался на березовских казаков, которые сильно злоупотребляли на крайнем Северо-востоке финансовыми полномочиями и тем самым отвадили промышленников от посещения отдаленных мест вплоть до Оби—реки; промышленники совсем перестали туда „ходить и ездить", „ибо им березовские казаки, кои ездят для сбора ясака, чинили обиды и разорения". [4]) Наконец, те промысловые привилегии, которыми наделялись чиновные компанейщики, особенно б. Шемберг и гр. П. И. Шувалов, конечно, не могли способствовать привлечению населения в эти места для промыслов, ибо всякий знал, что в „тех местах" существует промысловая „контора" и следов. запрещается самостоятельное промысловое дело, самостоятельное по отношению к этой „конторе".... [5]) Безлюдье было слишком

---

[1]) Краткая Архангелогородская история, стр. 4-я; С.-Пет., 1792 г.

[2]) Das veränderte Russland, § 185.

[3]) Ibid., § 179.

[4]) М. А. М. Ю., С. Д. по Коммерц, Б., М. Кол. и Гл. Маг., т. 2768.

[5]) Не даром, как нам уже известно, гр. П. И Шувалов в одной из многочисленных своих бумаг, поданных им в сенат, сообщает о том, что среди северного населения прошел слух, „якобы" архангельскому „и прочему промысловому народу" „учинено запрещение" „ходить" „по сибирским берегам" „на промыслы сальные и звериные". Не учреждение дороги в Сибирь чрез Верхотурье было причиной слуха о запрещении „ходить"

острою неприятностью для „конторы“ гр. П. И. Шувалова, чтобы он остался равнодушным к этому явлению... Как известно, эта „контора“ питалась на счет разных промышленников, раньше основавшихся здесь; их именем, т. е. опять таки именем „народной пользы“ гр. П. И. Шувалов и боролся с безлюдьем. После указания на то, что мезенские сальные и рыбные промышленники „написаны в контору“ Шувалова, была сделана следующая характеристика путей и условий деятельности этих промысловых людей: „имеют они на морские звериные и сальные промыслы, на Грунланд и на Новую Землю летом судам отпуски, и на оных посылают корменщиков и работных людей, *каких кто отыскать может*, кроме подозрительных“; этим людям промышленники приказывают, „не заворачивая в Мезень“, идти с промыслов прямо к Архангельску для продажи добычи в контору гр. Шувалова; но беда в том, что доступ им сюда несвободен,— „за неимением печатных паспортов“. Причина критического положения конторы здесь сводилась к отсутствию печатного вида, представлявшегося к тому же (гр. Шувалову и разсуждавшим по этому вопросу учреждениям) *в данном случае* совершенно излишним: „на море и на морских берегах —на пустых местах нужды в паспортах никакой не бывает“. Указом 8-го марта 1753 года было позволено допускать к „конторе“ гр. Шувалова „работных людей“ и без печатных паспортов. [1]) Устранив таким образом гарантию контроля над

для промыслов „по сибирским берегам“, а действительное запрещение самостоятельной промысловой деятельности на Севере, вследствие чего „ходить“ очень далеко, до Оби—реки, с тем, чтобы потом представить добычу в контору гр. П. И. Шувалова, по цене его управителей,—сделалось крайне невыгодным, как говорится,—„себе дорожё“, и промысловые экспедиции сюда „охочих ловцов“, совершенно прекратились (М. А. М. Ю., С. Д. т. 2768).

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Коммерц. Б., М. К. и Гл. М., т. 2768; П. С. З. XIII, 10075. Дозволение гр. П. И. Шувалову допускать к „конторе“ его и без печатных паспортов тем более достойно внимания, что правительство и в казенном деле, в „исключительных даже случаях, было достаточно осторожно к беспаспортным“. Напр., в указе (30-го апреля 1743 года), вышедшем раньше за 10 лет до сейчас цитированного, было объявлено: „ежели, от чего Боже сохрани! с посланною казенною рыбою и припасы судам учинится какое несчастие, потонет или на мели остановится: то для сего

„подозрительными людьми“, гр. П. И. Шувалов выхлопотал себе в сущности право пользоваться трудом кого бы то ни было, даже беглых, лишь бы они везли в его „контору“ промысловую добычу.

Горные заводы гр. П. И. Шувалова тоже постоянно нуждались в рабочих руках, и ему приходилось, кроме нередких ходатайств о приписке крестьян к заводам, хлопотать об оставлении у него и тех крестьян и мастеров, которых „надлежало“ взять с заводов. В 1756 году (10-го октября) сибирский губернатор генерал-лейтенант Мятлев от кушвинской заводской конторы гр. П. И. Шувалова получил доношение, в котором эта контора просила освободить крестьян, приписанных к заводам Шувалова, от казачьей службы, ибо все крестьяне „до единого“ „обращались“ „в работе“, которая „труднее против других заводов во всем“ [1]). В 1757 году гр. П. И. Шувалов лично бил челом на высочайшее имя о том, чтобы екатеринбургская канцелярия не требовала с его заводов мастеров, которых она прислала сюда в 1756 году. „Ежели“, говорил гр. Шувалов, „тех данных мастеров и подмастерьев отпустить обратно, то в производстви заводов учинится остановка“, „поноже“ и без того „имеется“ в них „недостаток“, „от чего казне ущерб, а мне явный убыток последует“. На это челобитье „последовал“ указ (17 го апреля 1757 года) с весьма благоприятным, как почти всегда, для гр. Шувалова постановлением: „по тому той канцелярии требованию мастеров не отдавать, а ежели, паче чаяния, оные от тех заводов уже взяты, то их к тем заводам возвратить“ [2]). Контингент мастеровых и рабочих в тесном смысле, т. е. людей, получавших за свой труд заработную плату, составился из казенных и дворцовых „служителей“, уже специализовавшихся в заводско-фабричной технике и отданных вместе с заводами и фабриками партикулярным лицам, за-

---

оных судов и вынимания потопшего, в прибавок к работным при тех судах людям, нанимать тутошних обывателей и посторонних, *хотя и без паспортов* которым при той работе быть, *пока суда снимутся, а более того* оных отнюдь не держать (П. С. З., т XI, 8730).

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б.-К., т. 2646.

[2]) Ibid., т. 2864.

тем—из так называемых вечно-отданных" (беглых и др.) и нанятых мастеров[1]); контингент всех таковых сравнительно с государственными крестьянами на заводах был очень невелик; так по ведомости 1757 и 58 годов на 12637 государственных крестьян на шуваловских заводах приходилось мастеров и работных людей всего 705 челов.; у гр. Ив. Лар. Воронцова на Верхне-исецком заводе крестьян было 4646, а рабочих и мастеровых 482; у гр. Ягужинского государственных крестьян показано 1384, а рабочих—230; у гр. И. Гр. Чернышева крестьян—6329, а рабочих—431 и пр. [2]). Из крестьян в данный момент, разумеется, не все были годны к работе: напр., по цитир. вед., из 6329 государственных крестьян на заводе гр. И. Гр. Чернышева только 3463 челов. помечены годными в работу [3]).

Итак, во всяком случае, вполне несомненным является тот факт, что большинство рабочих рук на заводах представляло государственных крестьян, приписанных к заводам по воле правительства, а также крестьян, купленных частными лицами на основании „указов"; несомненно, количество крестьян, приписанных к заводам по воле правительства было несравненно более, чем количество купленных, в рассматриваемое нами время [4]).

---

[1]) Последним, т. е. нанятым мастерам, и плата иногда назначалась меньше, чем, напр. тем, которые были из дворцовых мастеров или из „не помнящих родства: по крайней мере из одного свидетельства (о фабр. Володимира Щеголина с товарищи) мы узнаем, что ткач (суконной фабрики) *из городского купечества* получал 3 к. с деньгою с аршина, а ткач *из дворцовых служителей* и лиц, *неизвестно „каких чинов"*, получал 6 к. с аршина (М. А. М. Ю., С. Д. по Б.-Кол., т. 1603).

[2]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б.-Кол., т. 2710. У гр. Мих. Лар. Воронцова было 4 завода, в том числе Мотовилиха: рабочих на всех показано 595 челов., „а сколько крестьян, о том известий нет".

[3]) Ibid.

[4]) Напомню в виде примера, что *у одного гр. Шувалова*, по официальной даже ведомости, насчитывалось свыше *12 т крестьян в одном промышленном пункте;* между тем, как у 8 московских фабрикантов отмечается 4000 душ, несомненно купленных, а не дарованных. Приписанных государственных крестьян следует отличать от тех заводских рабочих, которые впоследствии были названы посессионными крестьянами. В. И. Семевский в своем обстоятельном труде („Крестьяне в царств. Екатерины II-ой) делит посессионных крестьян на следующие группы: 1) казенные мастеровые,

Другою выдающеюся частью заводских рабочих, как известно, были беглые...

Таким образом уже самый состав рабочего населения на заводах грозил социальными осложнениями.

Действительно открывается целый ряд волнений и мятежей заводского населения. И это явление было естественным и в то же время, разумеется, ненормальным результатом ненормально сложившихся отношений, прежде всего — результатом прикрепления государственных крестьян к непривычному заводскому делу, людей, знавших раньше одно государственное тягло. Прикрепление к заводам беглых, не желавших знать господской барщины и попавших, „паче чаяния", навсегда в другую своеобразную барщину, способствовало обострению заводско-рабочего вопроса. Помещичьи крестьяне, переселенные на заводы, тоже весьма сильно тяготились непривычной и весьма трудной работой, хотя, конечно, для них переход от обычаев деревенских „управителей" к обхождению заводских прикащиков не мог быть так-же резок, как для государственных крестьян, для которых прикащичьи порядки во многом были совершенною новостью. И вот вышло так, что „приписанные" не хотели быть заводскими крепостными и „в работу не шли"...

Приходилось усмирять возмутившихся командами, что, впрочем не всегда удавалось сразу. Оказывалось, что для прикрепления к заводам крестьян недостаточно написать указ, а надо на деле исполнить те угрозы [1]), которыя в совокупности своей именовались „экзекуцией". Словом, возникали очень большие неудобства и неприятности и для крестьян, и для правительства, и для его агентов, особенно в „местах наибольшего „распространения" заводов — в Пермском и Оренбургском крае-и особенно же в царствование импер. Елизаветы Петровны, когда слишком много государственных кре-

отданные заводчикам, 2) вечно-отданные: а) отданные за определенную плату и б) непомнящие родства. 3) мастеровые и крестьяне, купленные к заводам; на стр 436 г. Семевский мельком сообщает о продаже казенных заводов (каких? не упоминают) „за ничтожную цену разным вельможам (П. И. Шувалеву, Воронцовым и др.) при Елисавете Петровне". Об этом см. у Семевск. во 2-м томе того же сочин.

[1]) П. С. З., напр.,—XIII, 9643.

стьян было обращено в рабочую силу, крепкую заводам. Некоторые фактические данные этого времени я и позволю себе здесь процитировать [1]).

22-го Декабря 1754 года оренбургский губернатор И. И. Неплюев в своем донесении правительству обрисовал критическое положение заводской администрации, очутившейся лицом к лицу с волновавшимся заводским людом. Дело заключалось в следующем. Генерал аншеф и гр. Шувалов начал устраивать в Оренбургском крае заводы, к которым и были приписаны ясашные крестьяне казанской губернии: эти крестьяне со своей стороны начали „чинить противности". Против бунтовщиков была послана военная команда с поручиком Телепневым, при которой находился и поверенный служитель гр. Шувалова—Роман Яковлев. Возмутившиеся нисколько однако не испугались этой команды и даже отняли из ея „рук" „поверенного служителя силою и куда-то спрятали, так-что начальство и найти не могло его: он „пропал" безследно. Оренбургский губернатор, после такой „конфузии" для команды, получил от высшей власти предписание перевести из Казани „драгунский ревельский полк" на ближайшие к заводам Шувалова квартиры; а полковник этого полка получил предписания „стараться", чтобы „противники сходбищ не имели: зачинщики их были бы переловлены и отосланы в казанскую губернскую канцелярию. Тем не менее из всех этих предписаний пользы вышло немного, о чем и донесла И. И. Неплюеву казанская губернская канцелярия, сообщение которой оренбургский губернатор и довел до сведения центральной власти, а именно, что приписанные к шуваловским заводам казанские крестьяне „не только сами от той противности не унялись, но, прибыв в домы свои, и прочих таких же приписных невольно и с побоями в согласие свое понуждают" [2]).

В 1758 году капитан Толстой усмирял крестьян села

[1]) Эти данные были мною уже напечатаны в „Волжском Вестнике" за 1894 г., откуда я их и заимствую, добавив к ним кое-какие и другие сведения, невошедшие в статью: „Горно-заводские отношения Пермского и Оренбургского края в царств. Импер. Елиз. Петровны".—

[2]) М. А. М. Ю., С. Д. по Б.-Кол., т. 2767.

Ильинского, которые только-что были приписаны к шуваловским горным заводам. „Дабы"; доносил капитан, „от приписанных злодеев... какого нападения последовать не могло, чего ради я, ведая то их великое сборище людей,... сам с командою и с посторонними господ Строгановых прикащики следовал к тому селу Ильинскому... „следовал", чтобы об'явить указы, но „чрез мост не был допущен", и таким образом „увещания" состояться не могло. „Приписанные злодеи" „стояли по другую сторону реки, имея у себя в руках оружие, також луки со стрелами"... Эти крестьяне „единогласно об'явили, что они *в подписку* к заводам его сиятельства до возврата посланных от них челобитчиков никогда послушными быть не хотят"... Выслушав эти речи, команда стала стрелять; многие были переранены и убиты, а „некоторые ноймаы". Далее, как это бывало обыкновенно, происходили следствие и экзекуция... Дел таких возникало множество, и тот том бумаг, из которого я привел донесение капитана Толстого, наполнен сплошь „делопроизводством" о „противностях" крестьян, приписанных больше к заводам Шувалова [1]).

Крестьяне, отданные другим заводчикам, не отставали от шуваловских. Так, напр., в 1743 году крестьяне, приписанные к одному из заводов Демидова, „упрямством своим в работу не пошли"; за это было велено „учинить" им „наказание", каковое и было „учинено" [2]). Наказанием служили плети и батоги, а также квартирный постой команд, что считались едва ли не хуже батогов. В одном назидании командиру, который был отправлен в 1753 году для усмирения горно-заводских крестьян Демидова и Гончарова, последний род наказания рекомендуется, как весьма внушительный: „ежели противники", говорится здесь, „по многим от него, командира, увещаниям от противности не удержатся и помещику их, Демидову, послушны не будут, то ему, полковнику, по вступлении в ту власть, весь Рижский полк, где удобнее не только лагерем, но и по квартирам расположить" [3]).

[1]) М. А. М. Ю., Сен. Д. по Б. К., т. 2767: дела по 1760-й год включительно.

[2]) Ibid.

[3]) Сенатский Архив, № „Дела" — 691-й.

Волновались и фабричные рабочие. В 1749 году суконный фабрикант Ефим Болотин с товарищи донес в мануфактур—коллегию, что „работные люди" компанейской фабрики оставили „дело" „неведомо с каким умыслом" и „упрямством своим, работать не хотят". Это было расследовано обычным образом, и главные зачинщики получили наказание: были биты кнутом. Но, когда затем одного из них, Терентия Аѳанасьева, за вторичное ослушание рабочих, начали снова наказывать кнутом, то рабочие бросились „с великим гвалтом" и „команду отбили"; „и ежели бы он (Ефим Болотин) с достальною командою не поспешил, то уповательно", что „работные люди" совершили бы „немалыя злодейства". После этого 286 человек рабочих, наконец, пошли на работу, а 127 „упрямством своим" не вступают; кроме того, мануфактур—коллегия узнала из доношения, что с этой фабрики в бегах числится 586 человек. Мануфактур—коллегия со своей стороны не нашла, сверх испробованных, „никаких средств", „что чинить с ними", и рекомендовала сенату употребить такую меру: „пущих заводчиков, учиня им наказание кнутом и вырезав, ноздри, сослать в дальние города в ссылку вечно, дабы прочие"... „имели страх и впредь чинить того не дерзали". Сенат определил: десятого из 127 бить кнутом и сослать в Рогервик в работу, а остальных, бив кнутом, принудить к работе на фабрике Болотина и К°., предупредив, что с ними будет поступлено так же, как с их товарищами, если впредь они „учинятся" „противны" [1]). Из одного „экстракта" 1748 года усматривается, что и на суконной фабрике Дряблова существовали обостренныя отношения между рабочими и фабрикантом [2]).

Я ограничусь только этими указаниями, ибо самый факт фабрично заводских волнений в XVIII стол. уже достаточно подробно обставлен в исторической литературе [3]); меньше

---

[1]) П. С. З. XIII, 9643.

[2]) М. А. М. Ю. С. Д. по Каммерц.,—Б., и Мануф. Кол. и Гл. М., т. 949.

[3]) Соловьев, т. 23, стр. 27 и 28; 123—126 стр. и др.; Семевский (крестьяне в царств. Екат. II-ой), стр. 413—436; 439 •440; 473: это для 2-ой пол. XVIII ст.; 471 и 472 стр.—для 1-ой полов. XVIII ст.; здесь цитируется су-

внимания обращалось *на подробности самого положения* рабочих на заводах XVIII стол. Спору нет, что это *положение* ясно уже из того, что происходили частые фабрично-заводские осложнения и „противности", „понеже без крайности люди до крайности редко доходят" [1]); но тем не менее и тут возможны некоторые дополнения, сообщающие общим чертам индивидуальный облик.

Общие черты таковы: „они (заводские крестьяне), говорится в одном из оффициальных докладов (1752 г.), на помещика своего, Демидова, в разорениях и мучительствах показывают [2])". Современник подтверждает эту общую характеристику положения заводских крестьян более специальными чертами. Это молодой кн. Семен Воронцов, путешествовавший в конце царствования Елизаветы Петровны по Приволожью и Прикамью и писавший о своих заводских впечатлениях и наблюдениях. Молодого князя нельзя заподозрить в излишней мягкости, ибо он о своих людях выражается довольно об'ективно, что, де, они могли „околеть"; да и другие штрихи его переписки свидетельствуют скорее о практичности заводчика, чем о гуманных идеях XVIII-го стол.; так что мы в праве отнестись к его изображению заводских дел и отношений с большим, если не с полным, доверием.

Бедность и даже обнищание рабочего населения на заводах поразили кн. Семена Воронцова, и он счел нужным написать отцу о татарах, которые „издавна" добывали медную руду на егошинском заводе, „что и ныне делать продолжают"; экономическое положение этих татар прямо вызывает сожаление; вдобавок они не в состоянии добиться простой справедливости. Раньше работали они на юговских заводах гр. Ивана Григорьевича Чернышева, поставив туда руды „слишком на 30000 руб." Управляющий юговскими

конный регламент 1741 г., составленный в царств. Иоанна Антон., регламент, который хотя и «не применялся» «на деле», но из которого можно извлечь «не мало интересных данных, рисующих положение суконщиков». См. также ст. г. Погожева в Вести. Европы, 89 г., Июль, стр. 11 Вотчинныя фабрики и их фабричные.

[1]) Выраж. Екатерины II-ой (Семевский, цит. соч. стр. 420.

[2]) Чтения в Им. Об. Ист. и Др., т. 2, 1863 г., Смесь, стр. 40.

заводами, Сотников желая, вероятно, наверстать убытки от прорванной плотины и тем избежать гнева своего господина, отказался заплатить вышеупомянутую сумму. Жаловаться высшей власти у них отнята возможность их бедностью: им не на что нанять подводы, чтобы ехать в Петербург и „просить там суда у Правительствующего Сената“. Кн. Семен Воронцов, „зная их бедность“, ходатайствовал пред отцем за этих татар, испрашивая для них 200 рублей: „а оныя деньги“, присовокуплял сын, „не пропадут, за тем, что нынешним летом должно нам им выдать слишком тысячу рублей“ [1]). Разжалобили также молодого князя „исенские мужики“, „которые до основания было разорились старанием Алексея Ивановича Бахметьева“; этот последний, между прочим, „заставляет исенских мужиков их же лес рубить и возить к нему на строение мыльной фабрики“; этого однако мало: Бахметев, „вместо платы, плетьми сечет, для чего не поспешно работает“ [2]).

Казенные мастеровые, отданные вместе с заводами частным лицам, терпели еще худшее: их во всех отношениях стремились смешать с крепостными. Злоупотребления были еще более систематическими и затяжными. Так мастеровые люди полотняной и бумажной фабрики ассесора Гончарова об'явивили в мануфактур коллегию, что прикащики берут „со всех их подушные и рекрутские деньги“ „с немалым излишеством“ „противу узаконенных указами платежей (напр., против указа 1745-го года). а именно 1) по нынешней ревизии с 240 душ мастеровых и работных людей подушных денег бралось ежегодно по *1 рублю* (а оклад 70 к.), в 2 набора

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, т. 16, стр 29.

[2]) Ibid., т. 16, стр. 12. Заводские управляющие очень старались; тот же князь Семен Воронцов не может не нарадоваться на одного из них: «здесь, на заводе, писал он отцу, видел я с крайнею радостью чрезмерное рачение Жемчужникова к вашему интересу; можно сказать, что этот человек о том только и думает, чтобы Вам угодить». Помимо разных других его доблестных деяний, как-то постройки четырех анбаров, светлицы, прекращения «непорядков Алексея Ивановича на Исе» и т. под., этот радетель господской выгоды «отправил в Москву и Шую до 16 тысяч ведер вина (завод винный), до еще заготовлено им 8500 вед». (Ibid).

в рекруты отдано из мастеровых, а не из купленных его людей, 6 человек, а сверх той отдачи с того же числа душ взято деньгами с каждой души 1 р. 70 к., а в два набора со всех 4216 рублей; всего перебрано „против указов“— 3709 руб. 90 коп. Кроме того, мастеровым людям чинится „непорядочное содержание“; к тому же самый труд их поставлен в тяжкие условия: пенька покупается никуда негодная и велят вычищать из нея по 7 и 8 тюков с 2-х пудов, а если этого не выходит, то штрафуют: за пряжу, которую берут прикащики у фабричных женок, платят или очень плохо или совсем не платят и т. под. [1]).

Нельзя сказать, чтобы правительство XVIII ст. относилось невнимательно к положению рабочих людей: напротив, мы должны отметить тот неоспоримый факт, что в высших правительственных сферах заинтересовались этим положением и пытались его исследовать. Так, чтобы выяснить состояние суконных фабрик, была образована комиссия, которая констатировала большие в них неудобства для рабочих. Этих неудобств не скрывали от общества. Об них было об'явлено „во всенародное известие“ в суконном регламенте 1741 года: ткачи свету имеют немного—только, „дабы тканье свое точно высмотреть: другие работники прядут и чешут шерсть и стригут сукно в темноте“ [2]). Волнения, повторявшиеся все чаще и чаще, еще более заставляли центральную власть приглядываться к отношениям между рабочими и их господами—заводчиками и фабрикантами. Правда, к „противностям“ правительство относилось весьма строго и в указах и на деле: но всетаки оно не останавливалось на одной суровости, а ставило „вопрос“. Из „доношения“ генерал-прокурора мы узнаем, что сенат, выслушав сообщение берг—коллегии о мятеже демидовских крестьян и постановив увещевать бунтовщиков „указами“ и усмирять командами,

---

[1]) П. С. З. XII, 9409: указ 1747 г. (5-го Июня): о писании в подушный оклад состоящих на казенных и партикулярных заводах и фабриках мастеровых и работных людей и о считании их всех в одном семигривенном окладе. Сенатск. Ар., № 1562; жалоба разсматрив. в 1752 году.

[2]) П. С. З. XI, 8440.

кроме того, приказал и „разведать, отчего те крестьяне такое ослушание и противности чинят, и нет ли им от кого против других заводчиков каких обид и притеснений и от кого и в чем именно те обиды им произошли?“ И в другой раз был поставлен буквально тот же вопрос [1]), и он несомненно ставился не два только раза. Впрочем, что касается практической стороны дела, то на „вопросе“ оно пока и заканчивалось. Это не покажется преувеличением, если мы вникнем в некоторые закулисные обстоятельства. Трудно было в те далекие от нас времена добиться рабочему люду справедливости даже при самом правом деле и при благоприятном к нему отношении большинства членов сената. Вот пример. Пожаловались мастеровые люди суконного фабриканта Дряблова в сенат на своего хозяина, удержавшего у них „немалую сумму заработанных денег“ [2]), и просили взыскать с хозяина причитавшуюся им заработную плату; пожаловались и на „прочие обиды“. В сенате дело было решено в пользу рабочих. Но Дряблов остался недоволен постановлением сената, и „дело“ было перенесено в кабинет Ея Императорского В-ва „по письменному требованью за рукою статского советника Демидова“. Поверенным от мастеровых людей, вчинивших жалобу в сенате, пришлось долго жить в Петербурге, так как им было запрещено уехать домой „без указу“. Положение этих поверенных (Родиона Иванова, Ивана Шиншина и Василия Козлова) сделалось трагическим: велят жить, а средств для „пропитания“ нет, пришлось „подолжать великими долгами“ и даже „помирать гладом [3])“. Отсюда очевидно, что крупный заводчик, заводское управление которого внушало подозрение сенату, поддерживал крупного фабриканта

[1]) Чтения О. И. и Д. Р., 1863 г., т. 2-й, Смесь, стр. 40—41.

[2]) У. С. М. Соловьева приводится известие, что в 1742 году сенат повелел Дряблову платить мастеровым людям казанской суконной фабрики столько же, сколько они получали, когда фабрика находилась в казенном содержании и потом в содержании Михляева, а именно в то время платили ткачам 6 к. с аршина, прядильщикам по 3 к. за фунт; «тогда как настоящий содержатель Дряблов начал платить ткачам по 5 к., а прядильщикам по 2 к.» (Истор. России, т. 21, стр. 189).

[3]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камерц, Б., Ман.-К. и Гл. М. т. 949. Экстракт 1748 г.

желавшего разбогатеть на счет „мастеровых людей“. Это была своего рода круговая порука, тем более естественная, что самый влиятельный из членов сената был самым крупным заводчиком. Другие члены сената, повидимому, приноравливались к интересам выдающихся заводчиков или, по крайней мере, старались им не вредить. Намек на пассивное отношение к деликатным вопросам фабрично-заводских распорядков усматривается из донесения генерал - прокурора, который в отчете по делу о возмущении демидовских крестьян говорит, что постановление сделано всеми членами, „кроме тех“, „кои только для важных государственных дел, и то редко в сенате присутствуют“ [1]). Я боюсь думать, что уклонение происходило исключительно вследствие лени: скорее оно являлось пассивной поддержкой того положения вещей на заводах, на котором некоторые члены сената устраивали или хотели устроить свое материальное благосостояние. Как велико было значение иных связей для заводского благоденствия, показывает следующее место корреспонденции кн. Семена Воронцова. 15-го марта 1760 года последний писал отцу, что он, Семен Воронцов, „с крайним удивлением услышал“ о постановлении екатеринбургских судей отнять у них, кн. Воронцовых, Белоярскую слободу („а она у нас наилучшая“). Эта слобода была присуждена Александру Григорьевичу Гурьеву. Кн. Семен Воронцов потребовал чрез посланного у судьи Арцыбашева об'яснения, почему он поступил „так несправедливо“. Оказалось, что это было сделано по желанию Ивана Ивановича Шувалова, покровительствовавшего Гурьеву. Ив. Ив. Шувалов написал Арцыбашеву, по его собственному сообщению, „выговор“, „для чего Гурьеву не приписали крестьян с поспешностью“, и это самое обстоятельство и заставило оренбургских судей поступить так, как они поступили. Это „об'яснение“ было убедительно, и для кн. Семена Воронцова [2]): он ничего не мог иметь против такого союзника, какой обнаружился у Гурьева. Каждый из Дрябловых, Гурьевых, Демидовых и т. под. искал себе

---

[1]) Чт. О. И. и Д. Р., 1863 г., т. 2-й, стр. 44.

[2]) Ар. кн. Воронцова, т. 16, стр. 19 и 20.

союзника и все они вместе с Шуваловыми, Воронцовыми, Чернышевыми и т. под. представляли в общем столь крепкий союз, что какие бы то ни было жалобы заводских рабочих не могли достигать и действительно не достигали серьезных результатов. Самою легкою проверкою этого заключения служит то, что волнения крестьян продолжались и после этих жалоб и постановлений на них, продолжались в течение всей второй половины XVIII стол. Бороться с этими волнениями было тем труднее правительству, что „воинские команды" не всегда находились на высоте своего положения: „сыскные команды" пишет кн. Семен Воронцов, „вместо того, чтобы защищать, сами воруют [1])".

Итак, кратко формулируя содержание настоящей главы, мы приходим к следующим положениям: 1) учреждение государством заводской и фабричной промышленности повлекло за собой прикрепление известной части государственных крестьян, беглых и всякого рода бродяг к заводам [2]) и позволение покупать и переводить на заводы помещичьих крестьян (и при том не только на заводы дворянские, но и на купеческие), 2) насильственные меры, состав заводского рабочего населения и притеснения дали в результате заводско-фабричные волнения и побеги.

Уже во время императрицы Екатерины II-ой в именном указе, данном в 1763 году (9-го апреля) берг-коллегии, было об'явлено всенародно о „прямых причинах", „от чего учинились возмущение заводских крестьян". Между прочим, здесь говорилось: „на Ижевском и Воткинском заводах гр. П. И. Шувалова" „нашлися" „великое неустроение и неудо-

---

[1]) Ibid., стр. 12 и 13.

[2]) Разночинцы, «не имеющие купечества и промыслов, заштатные церковники, солдатские дети, нищие», все словом, праздношатающиеся отдавались на заводы и фабрики (Семевский, Крестьяне, 402—404). Даже праздношатающихся мастровых, солдатских и других служилых людей «женок», «кои работать могут», было велено еще в царствование императрицы Елизаветы Петровны по указу 1753 года отдавать на фабрики, дабы они не шатались... и зла от них какого не ледовать не могло»; впрочем, вернувшимся мужьям было предоставлено отдавать «женок» «беспрепятственно», если мужья того «пожелают». (П. С. 3, XV, 11485).

боносимые тягость и раззорение". Берг-коллегия, наставляла императрица дальше, должна об'явить „всем заводчикам, что отягощение крестьян было столь безвременно и велико, что уравнение между работою и заплатою совсем потеряно [1])".

В заключение нахожу нелишним заметить, что бороться даже благожелательно настроенным государственным людям было трудно против этого „неуравнения", ибо оно не представляло единичного злоупотребления, а было естественным следствием целого круга экономических отношений, примыкавших одним концом к государственному казначейству, а другим и даже бо́льшим к „конторам" лиц, имевших в правительстве „немалое значение".

---

[1]) П. С. З., XIV, 11790.

Глава IX-я.

„Мочное“ и „маломочное“ купечество.

Стремлению Петра В. об'единить торгово-промышленных людей противоречили материальные интересы отдельных групп, на которые распадалось это „сословие“. Компанейщики-преемники „гостей“. „Похищение казенного интереса“ „компанейщиками“. Связь компанейщиков с выборным городским начальством,—с бурмистрами. Прикрывание губернской администрацией плутней крупной буржуазии. Солидарность интересов представителей чина по преимуществу и представителей капитала по преимуществу сделала положение торгово-промышленной массы еще более тяжелым. Раззорение среднего и мелкого торговца от компанейских монополий. Общее заключение.

На торгово-промышленный класс можно посмотреть с двух главнейших точек зрения: а) как на один из об'ектов управления и б) как на совокупность весьма различных экономических величин. Историческая литература, долгое время исследовавшая не самые общественные классы, а то, что̀ из них пытались сделать правительства, естественно стояла на первой точке зрения, т. е. изучала общественные классы, как юридические установления. Не вдаваясь, однако, в обсуждение этого вопроса, кратко укажу лишь на рассуждение, имеющее известный вес при изучении русского торгово-промышленного класса XVIII стол.

Для управления в высшей степени важны механическая правильность и простота в административных учреждениях; этим мы скажем всё, когда захотим оценить желание Петра В. „собрать рассыпанную храмину“, иными словами—сконцентрировать дела по управлению торгово-промышленным классом в одном главном учреждении (Бурмистерская Палата, Ратуша, Главный Магистрат). Историки-юристы отсюда выводили, что Петр В. „соединил купцов и посадских в одно сословие“ [1]).

[1]) Дмитриев: История судебных инстанций, стр. 483.

Но, при всем уважении к историко-юридическим трудам, мы напрасно стали бы считать „собранную храмину“ сословием. Сословие обыкновенно характеризуется общностью прав и привиллегий, принадлежащих его членам; но могла ли быть создана эта общность только потому, что была учреждена Бурмистерская Палата, в которую было приказано явиться выборным из купцов и посадских людей „ведать“ этих людей? Конечно, нет; ибо в сущности Петр В. соединил лишь отделения различных канцелярий в одну канцелярию, почему и термин „сословие“ в данном случае едва ли даже применим, если только не обозначено, что он употреблен в особом специально административном значении.

С экономической же точки зрения петровское правительство не могло не видеть в торгово-промышленной группе разнообразия интересов и не могло не констатировать этого разнообразия в законодательстве: учреждением гильдий [1]) и цехов лишь более точно, чем раньше, были определены те главные экономические категории, на которые распадался торгово-промышленный класс. Против привилегий высшего слоя этого класса Петр В. не только не боролся, но еще более их усилил в своей покровительственной политике по отношению к торгово-промышленным компаниям. Цитированный выше Дмитриев отмечает, что „высшие члены сословия, гости и гостинные сотни, имели такие привилегии, которых у посадских людей вовсе не было [2])“. Это совершенно верно, но мне кажется, что те привилегии, которые были устранены петровским административным устройством торгово-промышленного класса, были ничтожны в сравнении с экономическими привилегиями его „высших членов“, и уничтожение первых, при оставлении вторых, не могло об'единить купцов и посадских в одно сословие в настоящем значении этого слова. Напротив, с течением времени все менее и менее делалось возможным заметить что-либо общее в интересах между „выс-

[1]) Как известно, Петр В. разделил торгово промышленный класс на две гильдии (Е. Осокин: о понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России, стр. 167), а императрица Елизавета прибавила еще третью (П. С. З., XI, 8504).

[2]) Истор. Суд. Инстан., стр. 483.

шими" и низшими членами торгово-промышленного класса: наконец, дошло до того, что совещательный орган правительства (комиссия о коммерции) — отровенно заявил, что между интересами „мочных" и „маломочных" купцов и не должно быть какой-либо солидарности: первых следует всячески оберегать от убытков и наделять всевозможных льготами, а на последних не стоит обращать никакого внимания, хотя бы от первых им и грозил несомненный убыток. И так, с экономической точки зрения ясно, что компанейщики и вообще „мочные" купцы XVIII стол. суть прямые и счастливые наследники гостей и прожиточных торговых людей московского периода, и торгово-промышленное законодательство первой половины XVIII-го стол., если и об'единило какую-либо группу людей в смысле социально-экономическом, то лишь „высших членов" купечества: эти „члены" в своих интересах, правах и привилегиях еще более резко, чем раньше отделились от остальной массы торгово-промышленного люда, и по отношению к последнему представляли враждебную сторону.

Эти общие замечания подверждаются фактами самой жизни. Но прежде чем перейти к экономической исторической действительности, на сколько, разумеется, ее можно восстановить по старым „делам", я должен оговориться в одном пункте: именно в том, что фактов, относящихся к поставленным и имеющим быть дальше поставленными вопросам, можно было бы подобрать и обнародовать гораздо больше, чем это делаю я можно было бы проследить фактические данные с петровского времени до другого конца взятых мною хронологических граней исследования; но мне думается, в вопросах, касающихся *результатов* тех или других стремлений, самое практическое остановиться на том моменте, когда уже вполне определено обозначились общественные комбинации, соответствующие основному характеру правительственной политики. Так я поступлю и теперь, сосредоточив свои наблюдения на 2-ой четверти XVIII столетия, т. е. на том времени, когда выяснилось настоящее положение компанейщиков и всех „прожиточных" людей и в „казенном интере-

се", и на рынке, и в магистратско-ратушском управлении.

Наиглавнейший „казенный интерес", как известно, заключался во всякого рода „сборах": кабацких, таможенных, соляных и т. д. Со времени утверждения в нашей финансовой политике компанейского принципа эти сборы начали отдаваться на откуп компаниям, и вот вместо ожидаемого приращения казенного интереса обнаруживается целый ряд „похищений" его, как раз, этими доверенными компанейщиками. Дел о таких „похищениях" возникало очень много, тянулись они нередко очень долго, вскрывая такую сеть связей и прикрываний, какая только и была в состоянии обусловливать появление новых подобных же злоупотреблений правительственным доверием. Особенно любопытно дело симбирской купеческой компании. Оно началось еще при господстве Бирона и продолжалось в правление принцессы Анны Леопольдовны, при которой указами 1740 (3 го Ноября) и 41 гг. (4-го марта) было велено „с симбирских купцов Андрея Воронцова, Герасима Глазова с товарищи истинных и утаенных ими приборных таможенных и кабацких сборов взыскать 129,015 р. Чтобы взыскать эту сумму, комиссия, образованная при сенате для расследованья этого дела, послала прокурора Ѳедора Жилина, вооружив его инструкцией, как „чинить" взыскание, и присоединив в помощники для достижения этой цели капитана Образцова. В августе 1741 г. (14-го числа) Ѳедор Жилин представил в комиссию сведенья о том, как велик долг на членах симбирской компании. Самый большой долг числился на главе компании Андрее Воронцове—16683 рубля. Часть положенной суммы [1]) была взыскана большая же часть оставалась в недобре, так как, по донесению прокурора Жилина, после взысканий, еще предстояло получить со всех членов компании—3127 руб. „А было ль взыскание и коликое число" в Декабре 1741 года, „о том от прокурора Жилина репорта в присылке не имеется"; впрочем: „такоож и генваря месяца сего 1742 года": очевидно, со взысканием не торопились. В об'яснении Жилина мы чи-

[1]) „Награжденіе" доносителю было включено в общую сумму компанейского долга казне.

таем; „неплатеж чинится не для какого отбывательства, но по самой необходимой нужде", „понеже эти купцы весь свой капитал", „по купецким обрядам", употребили в оборот: на строение заводов и в „струговые промыслы". Они не только не могут „показанную великую сумму заплатить", но лишены и промыслов своих, и купечества (возможности вести торговлю). А между тем эти купцы платили в казну „немалое число" пошлин... „Распродав свои домы, и заводы, и пожитки", они и вообще является несостоятельными плательщиками даже податей и, вероятно, „на них взойдут еще многие доимки"; и так по об'яснению прокурора Жилина, эти купцы круглые банкроты, почему „они просили" у „Ея Императорского В-ва" „помиловать", обещая впред „свое купечество производить" и в казну подати, а с промыслов налоги „платить исправно". Таково об'яснение прокурора Жилина [1]). Оно написано в сочувственном для купцов духе, хотя в начале и об'явлено комиссией, что „оный Жилин" „взыскивает и содержит их под караулом". Но необходимо выслушать и другую сторону. Имеется донесение (от 13-го января 1741 г.) от поверенных средней и меньшей гильдии—купцов Бориса Кузнецова и Якова Плеханова; это донесение лично привезли названные поверенные в Петербург. Средние и меньшие купцы показывали в своей челобитной, что Ѳедор Жилин „чрез происки их Воронцова с товарищи", „оставя их самих", „показанную сумму" взыскивает со всего симбирского купечества, с них, средней и меньшей гильдии, и взыскивает очень усердно: „бьет их братию среднюю и меньшую гильдию батожьем смертельно, морит в колодках и принуждает подписываться к платежу той суммы с каждой души по 6 рублей со взышеством". Бурмистр Иван Твердышев, который находился в той же „воровской компании и платежу повинен как за отца своего, так и за себя—до 6000 руб",... „приказал среднюю и меньшую братию" „из домов их таскать, также жен их и детей, и сажает всех в тюрьмы и морит в колодках"; „в 4-х тюрьмах" было их насажено „с 700 человек".

[1]) Цитируется по сенатской бумаге.

Тоже принуждая меньших и средних купцов подписываться к платежу по 6 руб. „со излишеством с души“, этот выборный начальник „морит“ их „без выпуску“, „смертельно“, от чего многие „могут в недолгом времени помереть“, особенно женщины—„от приключившихся родов“. Иные же „от такого страха“ „принуждены“ были разбежаться, „оставя домы свои“. „А что оные интересные хищники Воронцов с товарищи“, повествуется дальше в челобитной, „показывают себя, якобы они не в состоянии„ уплатить, то это неправда: они не только ту сумму, но и до 500,000 руб. в силах уплатить“. „Оные хищники“ „свои многие торги и промыслы имеют воровски под чужими именами, а именно Герасим Глазов с товарищи в том же 1741 году в Петербурге учинили подложный договор“ с одним кронштадским и одним петербургским откупщиком, чтобы поставить этим откупщикам (одному в Кронштадт, а другому на Ладожский канал)- 20,000 ведер вина, на что Воронцов с товарищи не имели права; дело было поставлено так: как будто бы это вино не с их заводов, а с заводов тех откупщиков, с которыми они вступили в сделку. Словом, поверенные от симбирского купечества отмечали „явное воровство“ в „поставк“ вина симбирской компанией петербургскому и кронштадскому откупщикам. К этому они прибавляли, что поверенные „воровской компании“, приехавшие для хлопот по делу о „похищении“ тоже в Петербург, обращались к ним, поверенным от симбирского купечества, с просьбой, чтобы они не жаловались на Воронцова с товарищи „за обиду и протчее“. Поверенные же от симбирской компании в поданном заявлении очень неясно говорили о своих отношениях к Симбирскому купечеству и высказывали надежду на помилованье императрицы. Что касается прокурора Жилина, то ему пришлось отписываться. Он об'ясняется чисто формальным образом, ибо, по его мнению, он поступал согласно инструкции: там сказано, что если виновные купцы окажутся несостоятельными, и это засвидетельствует ратуша, то взыскивать на всем купечестве.—Он так и посту ал; только купечество это „не приемлют и приходят к нему собранием, со многою укоризною и

досадами, от того отрекаются и угрожают на него челобитьем". 7-го января 1742 года прокурор заявил, что так как указом от комиссии повелено „взыскивать положенную сумму" „без всякого послабления", то он так и поступал. Когда же началась оценка их дворов и имущества, то Воронцов с товарищи об'явили, что больше платить не могут („разве продавать пожитки и протчее"). Однако тот же Жилин уведомлял, что комиссия может поставить „по подрядной цене" в Петербург на кружечные дворы 25000 ведер вина и ходатайствовал, хотя и довольно осторожно, чтобы было позволено виновным компанейщикам сделать эту поставку „в зачет" „положенной на них суммы". А для вящего подкрепления ходатайства прокурор Жилин высказывал сомнение в возможности собрать всю сумму в Симбирске без продажи пожитков... Правда, те которые поручилось за симбирскую компанию, готовы признать себя виновными и платить, но не прежде, как будут „обобраны" все те, за кого они ручались [1]). Очевидно, сторонних симбирской компании прокурор Жилин желал решить вопрос о компанейском долге путем поставки в зачет, но в то же время, стараясь показать себя рачительным исполнителем, просил компанию сообщить ему подрядную цену, чтобы, если комиссия согласится зачесть вино за „похищение", то он был бы в состоянии правильно распределить „положенную сумму" между плательщиками и сообразить, сколько еще останется взыскивать [2]).

Процитированное дело, как и многие подобные дела, позволяет отметить следующие общие явления.

I) Несмотря на доверие [3]), которое правительство оказывало компанейщикам и откупщикам, они блистательно его не оправдывали.

---

[1]) Это и другие, приводимые в кавычках слова и выражения, взяты из бумаг.

[2]) М. А. М. Ю, С. Д. по Камер—К, т 876.

[3]) На сколько правительство надеялось на компании и откупа видно из того, что по инструкции 1-го марта 1753 года было велено даже корчемные конторы отдавать компанейщикам и откупщикам по питейным сборам (П. С. З. XIII, 10672).

В самом деле, стоит только заглянуть в старые сенатские бумаги по камер-коллегии, чтобы не возникало никаких сомнений в справедливости отмеченного положения. При чтении многочисленных дел „о похищении казенного интереса“ можно было бы удивляться замечательной устойчивости правительства в убеждении, что компанейский откуп — очень удобный способ пополнять государственное казначейство, если бы этот способ не принимался правительством, как единственный в этой сфере, до которого в те времена доходила несамостоятельная финансовая мысль советников власти. Дело в том, что казенное содержание сборов и промыслов давало еще меньше гарантии на добросовестность исполнителей и на казенную пользу. Целый ряд следствий о похищениях выборными властями казенного интереса подтверждает невысокие достоинства казенного содержания: тут масса злоупотреблений и по кабацким [1]), и по таможенным [2]), и по соляным [3]) сборам, и по доходам с казенной рыбы [4]); случалось, что иные похищали „немалое число“: „не токмо до семи тысяч, но до семидесяти тысяч“.

II) Затем несомненно и то, что компанейщики и откупщики находились в очень хороших отношениях с выборным городским начальством — бурмистрами. На основании уже приведенных данных не трудно догадаться, что выборные представители купечества и компанейщики составляли, так сказать, одну клику. Их об'единял „казенный интерес“, к которому и власти, и не власти, но „*первостатейные купцы*“, относились одинаково. Так в 1742 году один белогорский купец пожаловался самой императрице на обиды, понесенные им от бурмистра и других лиц, присланных из губернской канцелярии для сбора недоимок. „Обстоятельства“ дела следующие. „Чины“ губернской канцелярии собрали белогорское купечество в ратушу, чтобы „заплатить миром“. „Жалобщик“

---

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-К., т. 2765.

[2]) Ibid., т. 886.

[3]) Ibid., т. 2764.

[4]) Ibid., т. 882; следствие было возбуждено по определению сената в 1752 году (27-го августа).

„с протчими купцами“ „спорил“ „словесно“, говоря, что доимку следует заплатить самому бургомистру, так как деньги уже отданы. За этот „спор“ он был вместе с другими посажен „под караул“; однако, „тое доимку миром заплатили, в том числе и я, нижайший, из-под неволи“. Бурмистр затаил злобу на главного члена оппозиции—„жалобщика“, и „по той злобе“ не давал „суда в обидах“ на него. А именно „первостатейные купцы“ Иван Петров сын Нехороший, да Степан Назаров, „наехав на меня в степи“, рассказывает „жалобщик“,... „били смертным боем и выбили у меня из кармана денег пять рублей“... Нехороший оказывается и с репутацией нехорошей. Этот купеческий витязь, по показанию „жалобщика“,—„приличный“ (уличенный) вор: будучи старостою, сборщиком и расходчиком в белогорском купечестве, Нехороший „украл 300 рублей“, в чем явился изобличен, кроме того этот купец—и убийца: у него было найдено „мертвое тело в доме, в навозе“; а „о смертном убийстве доносила девка“. Бурмистр с товарищами, которым потерпевший в степи пожаловался, не только не дали ему управы, но, „призвав в ратушу“ его сына и „не об'являя ему никакого дела“, били его батажьем смертно и от тех побой лежал он с недели четыре“; его же самого, „жалобщика“, выбрали „в службу“ для собирания оброчных денег, „не поочереди, для разорения моего“; далее жалобщик сообщает, как его били и „после смертных побой“, сажали „в холодную избу в жестокий мороз“... [1])

---

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-К., т. 877. В 1748 г. верейский купец Федор Чеблоков пожаловался на злоупотребления бурмистрами верейской ратуши «*и протчими*». Этот «доноситель» на «похищение» казенного интереса выборными лицами был отослан „при указе“ в московский магистрат по определению главного магистрата. Из допросных речей (так как было велено „оному человеку произвести розыск“) видно, что „похищение казенного интереса“ охранялось решительными мерами. Для иллюстр приведем несколько выдержек из „дела“. 6 го августа 1747 года Чеблоков «шел с отцом своим мимо верейской ратуши; ратманы выскоча из ратуши со многими верейскими купцами и неизвестно за что его, Чеблокова, и отца его били и втащили его, Чеблокова, в тюрьму и в той тюрьме лежал он без памяти часов пять, а потом означенные ратманы, пришед, поломали у тюрьмы двери и велели его, Чеблокова, бить (нескольким верейским купцам, ко-

Что выборные власти поддерживали „первостатейных купцов“,—в этом обстоятельстве нет ничего удивительного: бурмистры и ратманы были сами богатыми людьми, сами нередко участвовали и в компаниях, и в откупах, и в казенных подрядах; а главное—они показывали, можно сказать, пример хищнического отношения к „казенному интересу“. Уже император Петр В., возложивший довольно много надежд, финансовых и экономических, на выборное начало, принужден был разочароваться в тех членах разсыпанной храмины, которые были призваны реализировать это начало. Реформатору управления торгово-промышленным классом то и дело приходилось узнавать, что „от бурмистров премногие явились кражи казны“, что „за городскими бурмистрами премногое воровство сыскано“: в Ярославле было украдено 40 000 руб., а в Пскове 90,000 руб. Г. Дитятин в своем известном сочинении отметил, что Петр В. мало по малу начал слагать с Земских Изб и Ратуши „их обязанности по сбору податей и повинностей и отдавать их снова в ведение старого приказного начала“ [1]). После Петра В. до императрицы Екатерины II-й в управлении финансовыми и экономическими делами господствовали спутанность, случайность и произвол. В „воровстве“ оказывались одинаково и выборные и чиновники [2]). Контроль выборных чиновниками, а чиновников выборными приводил едва ли не к сближению между собой тех и других на почве обоюдной выгоды, да к чрезвычайным затяжкам разбирательств [3]).

торые его и били смертно и не терпя он те побои“, двух купцов „складным ножем порезал и то порезание учинено без умыслу, борони себя, а прежде того с показанными купцами у него, Чеблокова, ссоры и какой не было и напредь сего он, Чеблоков, никого не резал“ (М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-Кол., т. 896).

[1]) Устройство и управл. городов, т. I, стр. 181—183; этими указаниями почтенного ученого я пользовался и раньше (см., мою лекцию: «Правительство Московской России и Петр В. в их отношениях к торгово-промышленному классу—Ученые Записки Каз. У-та, 1891 г.).

[2]) В 30-х годах началось дело о похищении казенной пользы *приказными людьми* Нижегородской губернии; в «похищении» насчитывали 69,743 р. (Сен. Д. по Камер-Кол., т. 883—М. А. М. Ю.).

[3]) Продолжительность делопроизводства по «кражам казны» выборными иллюстрируется, напр., следующими выдержками из архивных бумаг. Эти выдержки здесь тем более уместны, что самые «похищения» произво-

III) Губернская администрация скорее прикрывала плутни именитого купечества, чем бодрствовала на страже казенного интереса—это тоже одно из общих явлений изучаемого времени. Подкрепляю отмеченное положение фактами, наиболее, по моему мнению, подходящими, как к этой частной черте предлагаемой работы, так и к общей ея теме. Так, напр., из доноса посадского человека Ивана Крашенинникова на похищение казенного интереса в новгородской таможне бурмистром Митрофановым с товарищи можно усмотреть, что к этому делу причастны и те злоупотребления губернской адми-

---

дились не в одиночку, а компаниями - «с товарищи». В 1745 г. посадский человек Кошеваров донес на „высочайшее имя", что псковский бурмистр Герасим Сушнягин с товарищи виновен «в похищении с кружечного двора казенного вина в домы, как на себя, так и на товарищей своих»; похищали и пошлины: «товары, де, для уменьшения цены и утайки пошлин в таможне записывали больше сырцом, а не чистым, понеже с чистого пред сырцом таможенных пошлин в платеже бывает весьма больше»; это происходило так: «когда иногородный купец для продажи товаров прибудет во Псков с выпискою или без выписки, тогда не прямо в шнурованную книгу по надлежащему порядку товар запишется, но в черные досмотры, и потом, много изгодя, когда придет время оному купцу ехать обратно в свой город, тогда запишется в книгу, а расценки товару чинится по тому черному досмотру». Из правительствующего сената, *„ради изследования"*, был послан преображенского полка *капитан поручик Тимирязев, а при нем секретарь, канцелярист, три писиста, капрал гвардии и два гренадера*. Это—комиссия. В 1748 г. (3-го ноября) эта комиссия об'явила, что «те люди, кои явились в подозрении и сумнительстве»..., были допрашиваемы и что «опая комиссия из некоторых допросов и из поданного купца Русинова доношения немалое подозрение разумеет *только ко изысканию о том истины без особливого из правительствующего сената указу опасна»*. В 1749 г. (25-го мая) по определению прав. сената велено (в П. С. З.—нет): которые люди по следствию явились в переделываньи, и в переплетении в книгу тетрадей, в клейке, и в выдирании, и в переписке листов и других воровствах,—о таковых накрепко по силе указов следовать и розыскивать, и буде кто по явному изобличению истины не покажут и подлинно дойдут до пытки,..—таких, как возможно, склонять и чтобы принесли истину без кровопролития, а ежели на тех истины показывать не станут, то таковых, подлинно к тому приличных, и пытать, а тех, которые только приличаются в подаже неявленных товаров и в утайке пошлин, также в других подобных винах, таких не пытать, а доходить следствием». И следствие «доходило»; но как «дошло»—мы не знаем: в 1750-м году оно не было еще закончено, в 1754 году правительство еще посылало указы, относящиеся к этому делу. (М. А. М. Ю. С. Д. по Камер-К., т. 891).

нистрации, на которые доноситель тоже жаловался весьма энергично. Губернатор, будто бы, держал Ивана Крашенинникова в тюрьме и морил голодом, а товарища его, Антропова, и совсем уморил. Этим губернатор не удовольствовался; он, „*исполняя злобу на показанное мое на него подозрение*“, говорит "доноситель“, „прислал человека своего Михайлу Иванова с протчими своими людьми в дом мой, которые в оном доме моем всякое разорение, позорище и грабеж чинили“; это давало повод Крашенинникову опасаться, как бы для него не было учинено „чего-либо злее“ „ночною порою“. Нет оснований не верить этим слезам посадского человека, тем более, что следствие велось очень долго. Донос был подан в 1744 году, а в 1753 году мы видим Крашенинникова „в содержании в Новгородской канцелярии под караулом“, где 22-го января в 1-м часу пополудни и „умре“. Это мы узнаем из сообщения следственной комиссии, назначенной в Новгород, вследствие доноса Крашенинникова и писавшей так много, что последний был в состоянии дождаться только своего конца [1]). Итак, если опять-таки не забывать, что дело подобное отмеченному, не было единичным [2]), то следует твердо установить тот общий факт, что и губернская администрация, и выборные, и, пожалуй, даже посылаемые для разбирательства комиссии занимали в сущности одну позицию, с тою только разницею, что одни на этой позиции начальствовали, а другие помогали начальствовать. Приблизительно отношения между правительственной администрацией и судьями с одной стороны и магистратскими выборными и вообще „мочными“ купцами с другой—укладывались в те же рамки,

---

[1]) М. А. М. Ю., Ст. Д. по Камер-К., т. 886, весьма об'емистый том сполна занят этим делом.

[2]) См. у С. М. Соловьева в Истории России, т. 22, стр. 184; „указами коллегиям и губернаторам запрещено самовольно накладывать пошлины: а орловский магистрат *грубым своим смыслом* берет, сверх указной пошлины по копейке с рубля с товаров, а с указных пошлин берет по копейке с рубля с товаров, будто на лекаря (см. также 185 стр. и след.). Очевидно, губернаторы имели основание сквозь пальцы смотреть на грубый смысл бурмистров. Приходилось сенату самому вмешиваться в дела такого рода и отрешать виновных в подобных злоупотреблениях от должности (Ibid., стр. 111).

как и в XVII ст., когда богатые купцы были выгодными гостями у воевод [1]). Я говорю „приблизительно", ибо отношения в XVIII ст. сделались сложнее, и связь влиятельного чиновника и крупного купца стала более прочной, чем в XVII стол.; эта связь уже выражалась не только в подарках и приношениях, но иногда и в общности промышленных интересов. Обнаруживалось, что между секретарями нет солидарности, а между секретарями и купцами есть, при чем секретарь гонит водку даже в незаклейменых казанах, а оброчные деньги за них платит купец и купец же принимает незаконную водку на свой откупной кабак [2]).

Материальная и при том большею частью особого рода солидарность между крупным купечеством и администрацией, выборной и назначенной, разумеется, имела свои прежде всего *материальные* же следствия, именно то, что в документах называется „тягостью" для остального купечества. Эта „тягость" была достаточно велика уже вследствие того привилегированного положения, которое заняли на русском рынке крупные промышленники и торговцы и которое ко времени императрицы Екатерины II-ой обрисовывалось всё резче и резче; эта тягость сделалась еще больше, массивнее, если так позволено будет выразиться, вместе с осложнением социальных связей в правительственном и торговом мире, вместе с расширением торговых операций среди чиновников и с развитием чиновничьих функций среди торгово-промышленных людей, словом — вместе с большим сближением на почве наживы между представителями „чина" по преимуществу и представителями капитала по преимуществу. Свидетельство

---

[1]) См. у Олеария, стр. 197.

[2]) Один секретарь Василий Гладков об'явил: «в бытность его в Пензе в 1742 году уведал он, что пензенский секретарь Гаврила Ермолаев завел без указу винокуренный завод в приданом жены его в пензенском уезде... и курит вино в восемьдесят казанов, а по окладным книгам за ним Ермолаевым клейменых только пять казанов *и с того числа с трех казанов оброчные деньги платит купец винный заводчик Алексей Конищев*, а вино, де, без об'явления в Пензенской канцелярии (Конищев) посылает для продажи в пензенский уезд в село Чарды—в кабак, который на откупу у купца Украинцева (М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-Кол., т. 878).

современника вполне гармонирует с этим выводом из фактов, заключающихся в официальных источниках. Кн. С. Воронцов, некоторые показания коего мы приводили выше, нашел, при посещении своем Астрахани, астраханское купечество в состоянии „разорения", при чем наблюдатель причину тяжелого положения купечества приписывал прямо отношениям между губернатором и ловким среди астраханских купцов воротилой Кобяковым. Кн. Семен Воронцов писал своему отцу: „ежели б здесь был губернатор такой умный, порядочный и несребролюбивый, как в Сибири Ѳедор Иванович Соймонов, сего разорения не было"... „А здешнего должность была, по получении из сената указа, чтобы Кобякову одному торговать, призвать его и приказать при собрании всего магистрата, чтоб показал сколько у него с товарищами капитала, ибо они в сенате показали, что у них около 600,000 его находится. Итак по свидетельству бы у них наличными деньгами, товарами и в торгу ни сорока тысяч капиталу не нашлось. Он бы тогда оную компанию остановить мог, а сам бы в сенат отрепортовался, а купечество не претерпевало бы разорения" [1]). Губернатор не „остановил" компании и в сенат не „отрепортовался", ибо, очевидно, он понимал, что сенат не без существенных оснований послал ему указ, „чтобы" Кобякову с товарищи „одному торговать". Так во всяком случае *мог понять* дело астраханский губернатор, вследствие чего и сохранил с компанией добрые отношения, способствовавшие разорению астраханского купечества [2]).

С другой стороны, сам кн. С. Воронцов не чуждался знакомства с торговыми и промышленными людьми, и это вполне естественно, ибо он сам был сын заводчика, хотя и

---

[1]) Ар. Кн. Воронцова, т. 16, стр. 32.

[2]) Да не подумает читатель что я кого-либо и что-либо обличаю в настоящей работе: я стараюсь, лишь представить комбинации старинных общественных отношений в том виде, в каком их изобразит всякий, кто сколько нибудь вникнет в факты источников, вдумается в них. Были и тогда хорошие губернаторы, имевшие в виду только пользу государства, как, напр., Соймонов Ѳедор Иванович, «которого», по словам кн. Семена Воронцова, «можно почесть примером честных губернаторов» (Ар. кн. Воронцова, Ibid.).

титулованного. Последнее обстоятельство производило особенный эффект в среде „купцов и фабрикантов", и „многие" из них кн. С. Воронцова „в гости звали", а он хотел „у них перебывать". [1]) Не подлежит никакому сомнению, что о Кобякове кн. С. Воронцов узнал от этих „многих купцов и фабрикантов", конкурентов Кобякова, заручившегося, впрочем, поддержкой на месте и в Петербурге; стало быть этих „многих" было уже не так много, это — тоже капиталисты, только они не поладили с Кобяковым; кн. Семену Воронцову было рассказано о таком самоуправстве Кобякова: „суда в Персию нагрузили товарами, пошлину государю заплатили и хотели уже выходить в море, вдруг Кобяков приехал, суда заарестовал и запрещает производить торг с Персией". [2]) Сообщение не похоже на вымысел, но оно указывает лишь на то, что в тех случаях, когда привилегированная „компания" по особым, иногда специально-местным, условиям чувствовала себя твердо на ногах, то представитель ея, опираясь, как на „указ", так — и это, может быть, главное — на знакомство с местною властью, мог действовать угнетательно не только на писшую купеческую братию, но и на крупных торговцев, отправлявших товары в Персию на кораблях.

Это значит — интересы не сошлись, и конкурентам приходится плохо: им только и оставалось жаловаться сыну петербургского вельможи и опираться на разорение „маломочного" купечества от сильного купца.

Весьма естественно указание исследователей, что крупные промышленники „притесняли писшую промышленную братию"; [3]) это такой факт, на котором мне не приходится останавливаться слишком долго. Читатель уже знает, что я сделал лишь попытку разложить этот факт на его составные элементы, выяснить ту цепь интересов, одним из результатов которой являлась „тягость", как для рабочего, так и для купца, непричастного к этим интересам. Правительство очень

---

[1]) Ар. кн. Воронцова, т. 16, стр. 32.

[2]) Ibid.

[3]) Обзор различных отраслей мануфактурной промышл. России, т. II-й, статья Рейхеля, стр. 386—388.

хорошо знало, что в „тягости“ мелкого и среднего купечества в значительной степени повинны богатые купцы, компанейщики и откупщики. Так в 1706 году государю сделалось известным, что едва не во всех городах „пожиточные“ при сборах „притесняют маломочных, убогих“. Перейдя к позднейшему времени, мы видим, напр., в Симбирске откупщика Кожина, от которого „всему симбирскому купечеству“, средней и меньшей братии „было великое разорение“. Этот Кожин состоял членом той симбирской компании, о злоупотреблениях которой уже была речь выше.

Нельзя сказать, чтобы правительство вовсе не старалось парализовать действие тех условий, в которые оно само ставило крупных представителей купеческого и промышленного класса. В законодательстве XVIII стол. можно найти немало примеров правительственного заступничества за „маломочных“ промысловых и торговых людей пред богатыми и сильными. Напр., в указе (27-го янв. 1731 года), отдавшем архангелогородские промыслы в компанию Евреиновых, было об'явлено: „смотреть, чтобы они, Евреиновы, ловцам и промышленникам, которые пропитание имеют и подати с себя одним тем промыслом оплачивают, ибо хлеба за студеным климатом не пашут, никаких обид и утеснений не чинили, а покупали-б повольною ценою, и деньги платили безволокитно, под потерянием за обиду и удержание денег данной привиллегии и сверх того платежа штрафа [1])“. Или: когда б. Шафиров запросил даровать „их компании“ монополию не только на заграничный, но и на внутренний отпуск семги, то комиссия о коммерции, как мы уже видели выше, высказалась против внутренней монополии, на том именно основании, что „ежели быть внутренней продаже в компании, то „признается народная тягость“ „ради“ выгоды немногих персон“ [2]). Комиссия о коммерции советывала отдать семгу компании „в один заморский отпуск“ и выражала пожелание, чтобы „компанейщики“ покупали „семгу от промышленников *безобидно*, а не по поставленной от барона Шафирова из трех

[1]) П. С. З. VIII, 5687.
[2]) Ibid.—, 5275.

тодов сложной цене". [1]) Сенат согласился и с советом комиссии, и с ея благим пожеланием: так и было постановлено. Беда „попрежнему" заключалась лишь в том, что все это были хорошие оффициальные слова; действительность же представляла противоположное, и словесные гарантии „указов" и „мнений" не могли иметь никакого значения уже потому, что самые настоящие, так сказать, задушевные симпатии комиссии о коммерции, а следовательно и сената, как известно, лежали не на стороне „маломочных", а на стороне „мочных". „Маломочный" озлоблялся и попадал в Тайную канцелярию за то, что выражал слишком откровенно свои чувства по адресу лица, стоявшего во главе правительства в период наибольшего развития привилегированной промышленности и торговли.

Обремененный „тягостью", купец средней и меньшей гильдии в своем безумном бреде пророчил императрице Елизавете Петровне страшную казнь от каких-то „десяти генералов"; только одни богатые купцы „будут о ней, государыне, сожалеть", „понеже она, государыня, богатых купцов награждает, а мизерные от того разоряются". [2])

Для нас приведенные больные слова мелкого купца любопытны в том отношении, что они свидетельствуют о чувствах, возникших под влиянием тех финансовых, экономических и общественных комбинаций, которые имели свое место в жизни того времени и которые мы пытались уяснить себе в настоящем исследовании. Торгово-промышленная политика, покровительствующая „богатым купцам" в явный ущерб „мизерным", была непосильна для достаточно уже истощившейся почвы. Русскому купечеству в 1-ой полов. XVIII ст. приходилось нести и *без того* много прямых финансовых обязанностей, чтобы еще быть в состоянии выдерживать на своих плечах привилегированную промышленность и торговлю.

[1]) Ibid.

[2]) Русская Старина, 1875, XII т., стр. 523—539: „и государыню, де, императрицу Елизавету Петровну десять генералов возненавидят и сожгут, де, ее огнем и т. под. И после, де, ея государство Российские оные генералы отдадут государю великому князю Петру Федоровичу (из дел Тайной канцелярии).

Большинство сборов с купечества падало особенно ощутительно на ту его часть, которая состояла из „маломочных", „мизерных". Это видно из простого перечисления сборов, требовавшихся со следующих статей: с весов, с кож палых лошадей, с яловичных кож, со скотины, с лавок, с кузниц, с харчевен, с солодовень, со скотобойн, с анбаров (и анбарных и дворовых мест), с постоялых дворов, с ледоколу, с водопою, с привального и отвального, с найма извощиков, с пятнания хомутов, с мостов, перевозов и т. д. [1]) Словом, почти все было обложено: в окладные же, к которым принадлежали перечисленные и другие подобные,—были также отнесены таможенные и кабацкие сборы, отдававшиеся б. ч. на откуп и таким образом ложившиеся не только своей собственной тяжестью, но и ратушскою, и компанейскою—на весь несостоятельный ремесленный, промысловой и торговый люд. [2]) Если затем мы примем во внимание, что, кроме окладных, были еще так называемые „неокладные" сборы (пошлины—крепостные, печатные, челобитчиковых дел) и что „оклад" на те и другие с течением времени всё увеличивался, то мы легко себе представим обременение нижнего слоя торгово-промышленного класса. Рассмотрение этих и других соприкасающихся вопросов не входит в задачу настоящего труда; но попутно, мне кажется, не мешает привести некоторые, относящиеся сюда, данные, чтобы беглые замечания не остались совсем без фактической брони. Так, напр., в ведомости по городу Орлу оклад таможенных и кабацких в 1710 и 1723 г.г. равнялся 12,552 р. 98 к. в год; затем эти сборы были отданы на откуп—на 3 года, и годовой оклад был увеличен до 16,669 р. 60 к.; оклад же 1741 года—уже 19593 р. 55 к; следовательно против оклада 1710 и 1723 г.г. получилось прибыли 6740 р. 57 к. [3]).

[1]) С купечества поступало в казну немало всяких сборов. Одних „четырегривенных денег и по 1 р. 20 к с души, по Кириллову, с купечества всего государства поступало ежегодно 208 250 р. 29 к. (Цветущ. состоян., ч. II-я, стр. 134).

[2]) А тут еще „уездные люди", от которых купечеству „есть великое помешательство" (М. А. М. Ю., С. Д. по Камерц-К., т. 883).

[3]) Если в иных случаях новый оклад и показан ниже старого, то все-таки *в общем* новый оклад имеет тенденцию увеличиваться (М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-К., т. 875).

После всего сказанного нет ничего неожиданного в том явлении, что и купцы так-же, как и крестьяне, стремились „избыть“ всякими способами те „тягости“, под давлением которых они находились, вследствие всего строя государственного хозяйства. Одни совсем удалялись из купечества, другие, оставаясь в нем, старались ускользнуть из-под контроля финансового ведомства. Ратушское донесение 40-х годов дает нам возможность констатировать тот факт, что канцелярия, на которую еще в XVII ст. так жаловались „купецкие“ люди, привлекает теперь их именно тем самым, на что они жаловались, когда всецело находились под ея управлением. Смоленская ратуша писала в сенат, что „некоторые из смоленского купечества из положенных в подушный оклад“ „от служения и протчих смоленского купечества тягостей“ „самохотно без ведома Смоленской Ратуши“ „определены“ „*в смоленскую губернскую канцелярию*“ „копиистами, подканцеляристами, а иные и канцеляристами“. Эти новые приказные „по случающимся до них делам“ „чинятся всегда ослушны Ратуше“, „от чего за таким их напрасным отбывательством смоленскому купечеству от служения за них и в платеже подушных денег, и в сборах, и делах, и протчих нуждах имеется не без тягости“... Вообще „отбывание“ в губернскую канцелярию из купечества послужило для ратуши достаточным поводом пожаловаться на то, что „купечеству в торговых промыслах“ произошло „помешательство и в платеже подушных денег остановка“ [1]).

Для того, чтобы освободиться от внутренних пошлин, купцы прибегали к „немалому секрету“, „которого“, по словам репорта (1-го сентября 1743 г.), „никак доказать нельзя“ [2]). Вообще, факты показывают, что положение массы

---

[1]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-К., т. 881.

[2]) М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-К., т. 880, см. прилож. Неявленные товары находили и запечатывали. Так, напр., купец 2-ой гильдии Иван Филатов донес Камер-Коллегии о безпошлинной торговле („пошлинным деньгам“, „входящим в казну“ „Ея И-ого В-ва“, „чинят немалый ущерб“ „шелковыми разных сортов товарами“. Донос был сделан 27-го окт. 1742 г В это же число „для запечатанья“ „в Суровских рядех“ (в Москве) „ходили камер-коллегии члены, которые по указанию того доносителя в тех

торгово-промышленного класса не только не улучшалось, но всё более ухудшалось, всё более и более деморализируя и нисших, и высших членов ея[1])..... Уничтожение внутренних таможен было не в состоянии устранить того экономического кризиса, который тяготел над большинством торговых и промышленных русских людей, ибо основные причины „тягости“ продолжали оставаться в неприкосновенности... В чем заключались эти причины? ответом на этот важный в моей задаче вопрос, осмеливаюсь думать, служит всё предшествующее изложение.

Здесь можно было бы остановиться, так как главные выводы большею частью формулированы, а частью с очевидностью сами вытекают из сгруппированных фактов. Но, мне кажется, будет нелишним, если я попытаюсь связать начало моего рассуждения с концом, чтобы не осталось места для серьезных недоразумений. Раньше был поставлен вопрос о крайней розни между верхами торгово-промышленного класса и его сравнительно многочисленными низами: мы видим, что с течением времени эта пропасть между „мочными“ и „маломочными“ еще более раздвинулась, ибо вся торгово-промышленная политика была направлена к тому, чтобы крупные торгово-промышленные деятели, как высших рангов, ведущих их к капиталам, так и высших капиталов, ведущих купцов к рангам, закрепили за собой все наличные производительные силы страны. Это нетрудно было сделать, ибо самый крупный торговый оборот и самое крупное производство в России находилось во владении и пользовании правительства[2]); правительство по своему почину[3]) расширяло

рядех запечатали с товарами 47 лавок (М. А. М. Ю., С. Д. по Камер-К. т. 878).

[1]) См. о нравах, кроме истор. России Соловьева, у И. А. Попова в „исторических заметках о Бежецком Верхе“: содержание дел и происшествий между купцами, извлеченное из Бежецкого Архива, Изд. О. И. и Д. Р., 1882.

[2]) В указе 10-го января 1720 г. было об'явлено, что рудокопные заводы „и оных употребления“ принадлежат „нам одним“, „яко монарху“. (Истор. начерт. горного производства, стр. 21—25).

[3]) Особенно при Петре В.

сферу торговли, развивало старые и заводило новые отрасли промышленности. Когда же непосредственно, по старинному выражению,--„производить“ эти статьи правительству сделалось недосуг, то ему не стоило больших хлопот отдать промыслы со всеми средствами производства (орудиями и рабочими - казенными мастеровыми и государственными крестьянами) и свои монопольные права на торговлю тем наиболее сильным экономически и подходящим по тем или другим соображениям—лицам, на которых правительство считало возможным положиться, как на хороших доставителей казенного дохода от промышленности и торговли. И что же из всего этого вышло? Да только то явление, на которое впоследствии указала императрица Екатерина II-я; императрица так высказалась по поводу одного проекта, „составленного по правилам всех монополистов“: „в начале моего царствования я нашла всю Россию по частям розданною подобным компаниям, и хотя я 19 лет стараюсь сей корень истребить, но вижу, что еще не успеваю, ибо отрыжки,—авось либо удастся, сим проектом оказываются“. А „правила“ „всех монополистов“ („компаний“), по ея словам, состоят в том, чтобы „захватить все в свои руки, не смотря на разорение людей от того последуемое“. На сколько „отрыжка“ была сильна, весьма хорошо видно из того, что самой императрице нелегко было с ней справиться: слишком сильным людям нравилась эта „отрыжка“ и даже просвещенной императрице Екатерине II-ой трудно было их цивилизовать. Императрица в только-что цитированном письме приказывает своему вельможе „возвратить“ проект о монополиях („буде сам его не издерешь“) „его составителям с тем, чтобы и впредь о подобном не заикались“ [1]).

Всё это ясно указывает, что правительство Екатерины II-ой решило покончить с прежним порядком в промышленности и торговле. И понятно почему: а) этот порядок, осно-

[1]) Правительство иногда и раньше пыталось противодействовать разрушительному действию покровительства крупной промышленности—по отношению к кустарному производству. Так, в 1758 г. кн. Никита Юрьевич Трубецкой высказал в сенате мнение: не давать привилегии (в смысле мо-

ванный государством прежде всего в интересах казны, эксплуатированный затем государственными „персонами“ и крупными капиталистами, начал вредить самому фиску, „нужда“ которого явилась первым побуждением основать в России крупную торговлю и промышленность при помощи покровительства (монополии, тарифы [1]) и пр.), б) этот порядок, кроме того, сильно давя мелкое производство, не порождал однако и значительного развития самого крупного производства, соединявшегося в глазах Петра В. с кровными интересами государства и русской будущей общественности, а в затаенных побуждениях табельного вельможества, в лице гр. П. И. Шувалова с товарищами,—с самыми настоятельными их собственными „нуждами“.

В заключение едва ли надо прибавлять, что русская торговля к царствованию Екатерины II недалеко подвинулась вперед, если оценивать эту отрасль народного труда с точки зрения мечты Петра Великого об освобождении русского купеческого оборота от иностранной зависимости: русская промышленность, хотя и сделала шаг вперед со времени Петра В., но всё же не такой, чтобы была завоевана самостоятельность для русского капитала на европейском рынке [2]). В 46 г.

нополии) для производства на фабриках того, что делалось раньше ремесленниками и что теперь запрещено напр., шляпы, «дабы чрез то у мастеровых людей пропитание отъемлено не было». Сенат согласился с этим мнением. Но это было исключением из общего правила промышленной политики; общее же правило скорее характеризуется указом 1751 года (15-го октября), которым запрещалось заводить фабрики без дозволения мануфактур-коллегии; запрещение мотивировалось тем, что «разных чинов люди производят безуказные фабрики» (П. С. З., XIII, 9889).

[1]) О тарифах см. у Семенова: Изучение истор. сведений о российск. внешней торговли и промышл.; часть 3-я, стр. 23—33. Только тариф 1731 года понизил пошлины на иностранные товары, уменьшив пошлину и на отпускные товары; а тарифы 1724, 1753 и 1757 гг. покровительствовали национальной промышленности чрез возвышение пошлин на привозные товары (исключая, впрочем, из них некоторые особенно необходимые России), но не забывали и непосредственной выгоды для государственного казначейства от туземных товаров—продукта той же таким двусмысленным способом поощряемой национальной промышленности; все это в конце концов давало себя чувствовать только русскому потребителю. Ср. истор. там. тарифа Лодыженского.

[2]) Увеличение количества фабрик и заводов от времени Петра В. до Екатерины II-ой не мешало современникам очень нелестно аттестовать и

камер-коллегия полагала, что не следует запрещать иностранным купцам заключать контракты с российскими купцами, ибо одни российские купцы своим капиталом здешние торги вести к лучшему не в состоянии; об'ясняется это бессилие тем обстоятельством, что „в России число капиталистов очень невелико". Сенат, покровительствуя национальной промышленности, не внял совету камер-коллегии и повелел всем российским купцам заключать контракты с российскими же иногородними купцами [1]). Отсюда понятно, почему русскому купечеству оставалось только сердиться и жаловаться на иностранцев [2]).

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕКА
УЛИТИНА
Алексея Викторовича

русскую торговлю, и промышленность. Так кн. Щербатов о торговле говорил, что «ея и ныне у нас нет». Та отрасль промышленности, на которую было обращено так много внимания, как со стороны правительства, так и со стороны отдельных государственных людей и предприимчивых промышленников, — „рудокопное исскуство" — кн. Щербатов считает „на весьма дурном положении" и утешает себя тем, что и этого не было бы, если бы не государственно-промышленная деятельность Петра Великого (Чт. О. И. и Д. Р., 1860, т. I).

[1]) Соловьев, Истор. России, т. 22, стр. 110. И потом, в царствование Екат. II-ой, число капиталистов не могло быть названо большим; на окраинах государства капиталистов было и совсем мало: Рычкову приходилось в книге, вышедшей в 1762 году, хлопотать о средствах, „дабы" город Оренбург «умножен был капитальными внешнюю коммерцию знающими купцами» (Топография Оренбургская, ч. II-я, стр. 312).

[2]) В некоторой мере неспокойное отношение русских купцов к иностранным оставило след в старинном делопроизводстве. В 1742 г. московские и иногородные купцы в большой московской таможне об'явили: „учинились, де, они известны от различных чинов", которые «в разговорах сказывали, что в немецкой слободе имеется всяких разных заморских продажных товаров довольно». Посылались для разведыванья „два ларечных человека", но они сказали, что нашли торг только в двух домах, ходил и еще один, но он нашел у одного иноземца «малое число галантерейных вещей» (М. А. М. Ю., С. Д., т. 877).

Приложения.

К стр. 44.

Об'яснение картины, нарисованной по поводу издания нового тарифа (изд. в 1757 году): „Россия, кроме своего копья и щита, держит весы правосудия и зрительную трубу, при ногах ея лежат знаки военной силы, а правою рукою подымает вверх щит имени Е. И. В-ва, защищая оным следующие фигуры, к ней приходящие, а именно, коммерция во образе девицы, цветами на голове увенчанная, в левой руке меркуриев жезл и рог изобилия, в правой же несколько цветов и плодов держит, которые, выпув она из сего рога изобилия, оные России подносит, подле сей стоит другая фигура в восточном одеянии, представляющая восточную коммерцию, и также подносит в чаше ладон, смирну, пряные коренья, жемчуг и драгоценные камни, позади сих фигур стоит справедливость, на главе треугольник, а в руке водовес, имеющая и она помянутые фигуры, якобы провождает и представляет пред Россией; вдали видна гавань с судами, а пред фигурами лежат всякие крупные товары".

(С. Д. о сочинении в комиссии о пошлинах тарифа, т. 2848, здесь же, в этих бумагах, имеются и два экземпляра описанной картины).

К стр. 70 и 116.

„В 1699 г. у города Архангельска с рыбы и сала в казну брать велено с 1000 рыб трески по 16 руб., а сала трескового за десятый пуд по 15 алтын и таможенные пошлины по указу. В 1702 г. в Кольском остроге с иноземцев брать велено за десятое число с рыбы трески за 1000 рыб

по 42 ефимка, а за сало по 1 ефимку за пуд. В 1703 и 1704 гг. по именным указам велено промыслам салу ворванья, моржевому, тресковому и других морских зверей, также моржиной коже и рыбе треске... быть в компании бывшего князя Меншикова с Шафировым и прочими компанейщиками", а „сверх пошлин" „ничего не имать".

Прибыли от сальных промыслов, кроме китоловного, впоследствии времени „получено (сведен. в этих же бумагах)—44,175 р. 66 к.": ибо „за проданные товары было выручено 128,779 р. 41 к.; в сальную компанию денег употреблено 84,603 р. 75 к.,—в китоловный промысел были присовокуплены для лучшего произведения того промысла все мелкие рыбных и морских зверей промыслы; на китоловный промысл было употреблено казенных денег 86,545 р. 57 коп. Тут же сделан расчет казенных убытков с китоловного промысла: „не возвратилось 67,031 р. 28 к." Таковы цыфровые итоги касающиеся северных промыслов (в 20-х годах) итоги, которые имеются в 915 томе Сенатских дел по Коммерц, Берг, М.-К. и Гл. М. (М. А. М. Ю.).

К стр. 105 и 130.

Вот некоторые оффициальные сведения о стоимости казне заводов, переданных Шембергу, Шувалову и другим.

а) Сколько употреблено „*казенного кошта*" на заводы „при горе Благодати"—Туринский и Кушвинский с 1735 по 1747 г.

На Туринский и Кушвинский	30,301 р. 84 к.	(„казен. кошта")
Да когда они были в партикулярном содержании барона Шемберга, то партикулярного кошту употреблено	7970 руб. 94 коп.	
Итого	38262 руб. 81 коп.	
На Баранчинской с 1747 по 1751 г.	10864 руб.	(казенного)
Итого...	49,135 р. 78 к.	

С 1747 года по 1754 г. в Берг-Колл. известий „не имеется".

б) „ВЕДОМОСТЬ“

„Об отданных из казенного содержания партикулярных заводах, сколько с них за те заводы во что в казну стали денежной казны ко взысканию положено и что в то число в платеже получено и затем осталось не в платеже“.

	„Во что те заводы в казну стали“:	
	Р.	К.
Гороблагодатские (Кушвинский, Туринский, Баранчинский); с платежем в течении 10 лет (расрочка) отданы Шувалову (июня 1-го) в 1754 году	182,296	81
В то число в уплате 5000 р., затем осталось 177,296 р. 86 к. Срок в 1774 г. в июле.		
— —		
В 1758 году (декабр. 14) генерал-поручику сенатору графу Роману Ларионовичу—Верхне-Исецкий с платежем в 5 лет. Если не уплатит в 5 лет, то на основании именного указа 1754 года плат-ить в теч. следующих 5-ти лет, но не более.	35,712	29¼
— —		
В 1759 году графу Ягужинскому . .	72,687	94½
Срок в 1764 году. Платежа не было.		
В 1759 году—капитан-поручику Гурьеву с платежем в 5 лет; срок в 1764 году.	47,861	26¼
Платежа не было.		
— —		
В 1759 году—гр. Мих. Лар. Воронцову (сенатору), а от него порученные брату его генерал-пор. сенатору Р. Л. Воронцову медноплав: Ягошинский, Мотовилинский и Пыскорский с платежем в двенадцать лет. Ко взысканию по оценке—165,315 р. 16 к.	174,333	41¾
(М. А. М. Ю., С. Д. т. 2864).		

К стр. 97.

а) „ВЕДОМОСТЬ"

„О ценах компанейских товаров из поданного от определенных к сальным промыслам комиссаров доношения".

Доношение составлено по „взятой от бывшего при Шемберге управителя Вернизобера справке".

„В компанию оного Шемберга у города Архангельска в покупке нижеследующие товары по договору в 1739, 1740 и 1741 гг. и нынешнем 1742 г. имелись по полным ценам", „а именно": сало ворванное и тресковое топленое по 35 коп. пуд.

Нетопленое, смотря по доброте, по 20, 21, 22 и 23 коп. пуд.

Китовое нетопленое по 18 к. пуд.

Кожи ворванные по 7 и 8 к. и по 10 к.

Нетопленое ворванное и тресковое сало по 25 к. пуд.

Топленое китовое по 30 к. пуд.

Нетопленое по 15 к. пуд.

„Кость моржевая".

„2 зуба" моржевых „весом в 4 фунта по 16 к. фунт.

„24 зуба" „весом 24 фунта по 10 к. ф. и т. д.

б) „В государственную коммерц-коллегию из архангелогородской губернской канцелярии о принятом от барона Шемберга от управителя его Вернизобера и прикащиков и от промышленников сале и что из того куда в продаже и закупке и в остатке.

ВЕДОМОСТЬ

в приходе сала ворванного 1742 года.

Принятого у прежде бывших комиссаров ...нынешними... на счет от барона Шемберга.

Топленого (1) 3385 пуд. 17 ф.
(2) 2248 — 16 —

Нынешними комиссарами принятого от подрядчиков его ж Шемберга привозного с морских берегов . . . . . 336 пуд. 5 фун.

Итого топленого 5969 пуд. 38 фун.

Нетопленого у прикащиков его Шемберга сала с морских же берегов, барды и бардяного . . . . . 3273 пуд. 10 фун.

Всего топленого, нетопленого, барды и бардяного . . . . . 9243 пуд. 8 фун.

Покупных у промышленников прежними комиссарами:

Топленого . . . . . 4198 пуд. 24 фун
Нетопленого . . . . . 28 пуд. 10 фун

Покупных же топленого при других комиссарах:

Топленого . . . . . 3381 пуд. 13 фун.
Нетопленого . . . . . 1244 пуд. 22 фун.

Всего в приходе сала.

Топленого . . . . . 13549 пуд. 35 фун.
Нетопленого . . . . . 4344 пуд. 2 фун.
Бардяного . . . . . 137 пуд. 30 фун.
Барды . . . . . 64 пуд. 10 фун.

Токмо нетопленого сала не все еще перетоплены, а когда перетоплены будут, то из оного например, а не заподлинно по прежней обыкности начаемо быть топленого . . . . . 3200 пуд.

Всего с вышеписанными надлежит быть топленого . . . . . 16749 пуд. 37 фун.
которого исчисляется по 7 пуд в мерную бочку и по тому исчислению будет например, а не заподлинно бочек мерных . 2392 и 5 пуд. 35 ф.

(Архив департамента тамож. сборов, дела комерц-кол., т. 2215).

К стр 109.

ТАБЛИЦА

доходов от казенных астраханских рыбных промыслов (за 15 лет царствования имп. Елизаветы Петровны)

Годы	От рыбы		От икры		Итого прибыли «сверх истинной цены»:	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
В 1742	6158	9	680	14	6838	24
„ 1743	5074	81	870	21	5945	2
„ 1744	5415	82	339	37	5755	19
„ 1745	1376	18	213	7	1589	25
„ 1746	6196	57	804	75	7001	32
„ 1747	4071	76	609	63	4681	39
„ 1748	3572	46	219	82	3792	28
„ 1749	3775	71	957	27	4732	98
„ 1751	2214	87	42	75	2257	62
„ 1752	1755	21	167	60	1922	81
„ 1753	3075	85	774	50	3850	35
„ 1754	4458	21	868	6	5326	27
„ 1755	1415	19	526	60	1941	79
„ 1756	1316	98	490	66	1807	64
„ 1757	1855	67	910	1	2765	68

(М. А. М Ю, С. Д. по Камер—К., т. 882).

К стр. 105 и 130.

Оффициальные данные, имеющиеся в моем распоряжении на столько скудны, что почти не заслуживают внимания для выяснения вопроса, как велик был отпуск шуваловского железа. По „ведомости“ 1757 и 1758 гг. меди было пока-

[1]) Дроб. д. коп. отброшены.

зано 705 пуд., а железа 97,921 пуд в отпуске (М. А. М. Ю., С. Д., т. 2864); но эти цыфры нельзя считать сколько-нибудь полными, обо они очень сильно противоречат выбранным из другого источникохранилища г. Рожковым. Цыфры последнего, впрочем, относятся к более ранним годам и к одному позднейшему. Когда уже не было в живых гр. П. И. Шувалова, в сенат была предоставлена следующая „ведомость" об отпуске железа с гороблагодатских заводов за море.

В 1731 г.	600 пуд.
„ 1735 „	2145 пуд.
„ 1741 „	12709½ „
„ 1742 „	4670 „
„ 1744 „	218,763½ „
„ 17.5 „	194,464¼ „
„ 1746 „	324,977¼ „
„ 1747 „	337,109½ „
„ 1748 „	172,338 „
„ 1750 „	1,235,864 „
„ 1765 „	1,975,123 „ („Мат.", с. 26

Если бы мы приняли во внимание только эту „ведомость", взятую г. Рожковым из Государственного Главного Архива, и признали бы её вполне точной, то мы были бы должны прежде всего сделать заключение о том, что при б. Шемберге железа отпускалось за море очень ничтожное количество; а это было бы явною несообразностью. Действительно, по справке, доставленной портовой таможней и опубликованной г. Рожковым, оказывается, что „от имени б. Шемберга" было отправлено за границу 505,910 пуд. железа за три года (1739, 1740 и 1741), а остальными фирмами в то время 39,965 пуд. Из такого сопоставления двух „ведомостей" г. Рожков справедливо делает заключение, что „за два года (1739 и 1740) весь отпуск железа от имени б. Шемберга не записывался в таможенные книги и прошел без оплаты тарифных пошлин в ефимках".

Г. Рожков имел дело только с оборотом б. Шемберга и по этому вопросу сделал немало ценных фактических на-

блюдений. Относительно отпуска шуваловского железа мы имеем возможность (за отсутствием прямых „известий“) сделать только расчет на основании косвенных указаний. Нам известно сообщение кн. Щербатова, который свидетельствует, что ежегодный доход гр. П. И. Шувалова с гороблагодатских заводов = 200,000 руб. Существует также известие (из архивн. бумаг) о прибыли с 1 пуда железа, относящееся ко времени между 1744 и 1755 годами, когда железо продавалось по 63 копейки за пуд, а прибыли на пуд „имело быть“ — $31^1/_2$ копейки. Предположив, что сообщение кн. Щербатова достаточно точно и что цена на железо особенно не могла измениться и в следующие (за 1755 г.) годы шуваловского содержания, получим:

$$X = \frac{20{,}000{,}000}{31^1/_2} = 634{,}290 \text{ пуд.}$$

Итак, с гороблагодатских заводов при Шувалове отпускалось железа ежегодно (приблизительно) ок. $^1/_2$ миллиона пудов, по крайней мере; при том скорее выше, чем ниже этой суммы.

К. стр. 135.

„ВЕДОМОСТЬ“,

показывающая колебание и возрастание питейных сборов в Петербурге, Кронштадте и Ингерманландии за 14 лет.

Годы	Петербург	Кронштадт и Ингерманланд	Итого.
	рубли [1])	рубли	рубли
В 1730	74822	18379	93,201
—1731	68379	23,967	92,346
—1732	107506	18,733	126,239

[1]) Копейки отброшены.

—1733	126191	19650	145841
—1734	138179	19806	157985
—1735	134595	16769	151364
—1736	122253	19831	142084
—1737	175338	20067	195405
—1738	179620	20067	199687
—1739	172739	21019	193758
—1740	213662	22722	235384
—1741	250562	25752	276314
—1742	232246	25084	257330
—1743	237884	24492	262376.

В эти цыфры вошла также 10 я доля с найма извощиков, очевидно, для перевозки вина (М. А. М. Ю. С. Д. по Камер-Колл., т. 878).—

К стр 136.

К казенным рыбным промыслам соли требовалось „немалое число“ пудов; вот, напр., „ведомость“ соли с озер „в вывозе“ на „казенные рыбные промыслы“.

В 1732 г.	123,989	пудов
„ 1733 „	144,171	—
„ 1734 „	107,427	—
„ 1735 „	165,004	—
„ 1736 „	145,625	—
„ 1737 „	125,359	—
„ 1738 „	85,346	—
„ 1739 „	93,882	—
„ 1740 „	25,429	—
„ 1741 „	86,136	—

К стр. 164.

Впоследствии армяне „персидского торга" разорились и обратились по свидетельству Гмелина в „прикащиков и маклеров". В своем разсуждении, представленом в коммиссию о коммерции (2-ю) и трактующем „о каспийском торге", Гмелин очень жалеет о такой плачевной судьбе компании, ибо считает армян весьма способными к персидскому торгу, как знающих языки персидский и турецкий, а равно и обычаи этих стран.

Банкротство компании Гмелин приписывает тому, что, вследствие покровительства России, армяне потеряли свой кредит в Голландии (Арх. Д-та Там. Сбор., Д. Коммиссии о коммерции № 25). Хотя нельзя определенно утверждать, что это относится именно к той армянской компании, которая, по свидетельству кн. Щербатова, подарила гр. П. И. Шувалову солидную сумму денег, но тем не менее ничто не говорит против такого сближения фактов, которое, может быть, и оказалось роковым для компании, ибо, если не отказаться от означенного сопоставления, то компания была ослаблена материально в самом начале своей деятельности. Это, по всей вероятности, именно та компания, которая была образована в 1758 году и, надо думать, не без участия гр. П. И. Шувалова, так хорошо отблагодаренного ее директорами. Можно было бы предположить, что Гмелин говорит о старой армянской компании, действовавшей здесь еще в XVII ст., если бы в „разсуждении" не было замечания о „покровительстве" компании со стороны России; мы знаем, что старая армянская компания была лишена покровительства России еще в 1719 году, когда у нея были отняты привилегии (П. С. З., XV, 10848), а в 1758 году, в указе, которым персидский торг отдавался Иссаханову с братьями, члены прежней армянской компании были тщательно устранены от нового дела (XV, 10848). Во всяком случае этот вопрос, за наименьем у меня более точных данных, я оставляю открытым..

К стр. 168.

Комиссия о коммерции.

Из экстракта о лесном Аглинского купца Гома с товарищами промысле.

1774 г., Августа 19-го дня в учрежденной при дворе Ея Императорск. В-ва комиссии о ком. слушан был экстракт о „промысле" Гома „Но как торг сей начало свое воз'имел от такой коммерции, для которой с казенной стороны до того времени никакого капитала употреблено не было, отданной токмо в свободный выпуск лесов онежских графу Шувалову, а от него перешел по контракту на двадцать лет, а потом недопуская до истечения сего 20-ти летнего срока на 30 лет, в руки аглинскому купцу Вилиаму Гому; он же Гом занял потом 300 тыс. рублей из экспедиции медного банка, прибавил еще к тому по 763 только год своего собственного капитала 243947 рубл., так как сие из дела по бывшей следственной комиссии в 763 г. производимой гр. Н. Ив. Паниным о сем лесном промысле видно; и наконец по обстоятельствам, которые из дела ниже усмотрены будут, употребил еще в сей лесной торг доныне 1,000999 р. 93 к. из суммы ему вверенной для выписыванья золота и серебра.

Торговля же сия от 1763 г. начала ослабевать, и напоследок пришла ныне в совершенный упадок, а капитал столь знатный в погубление... то и надлежало ныне нам нижеподписавшимся сколь само по себе дело ни пространно нашлося войти во все онаго подробности и сделать справки и разыскания в течении всех предшедших лет год по году, по самое настоящее время. Сие самое востребовало не мало времени и комиссия сколько ни старалася, не могла еще оного по сей час привести до совершенного окончания. Между тем сообрав отвсюды надлежащия осведомления, по меньшей мере до того дошла, что к возвращению казенного капитала, совсем уже почти потерянного, не находит иного как единственный способ ту же самую лесную торговлю восстановить, дабы от выпуска отдаленных и безполезных лесов, какое нибудь, хотя мало по малу возвращение сделать казенного интереса и оное год от году от малых начал возвес-

ти на высокую степень торговли полезной тамошным обывателям неимеющим никакого другого промысла и государству оградя сию торговлю всевозможными от казенной стороны предосторожностями и сохранив при том свободу коммерческую для подкрепления кредита в чужих краях у тех корреспондентов, с которыми дело по сему торгу иметь будет должно".

Далее идет доклад об операциях Гома, которые комиссия обещает и дальше изучать, дабы окончательно в них разобраться.

Затем коммиссией о ком. предлагается „план" дальнейшего устройства лесного промысла:

Первым пунктом этого „плана" является положение, что Гом должен быть оставлен хозяином и производителем промысла.

„Купец аглинск. Вилиам Гом будучи короне должен 1.567111 р. 62 коп. а сверх того партикулярным кредиторам и себе самому по сему же торгу немалою суммою денег, остаться должен попрежнему в сем торге лесном онежском хозяином и производителем".

Но, разумеется, под ближайшей опекой и контролем правительства, — „хозяин", с известными ограничениями в распоряжениях.

Из 3-й части доклада коммиссии о коммерции о деле Гома. „Разсуждения и мнения коммис. о комерции":

..„Гом, будучи купец жадный и имея голову наполненную безконечными коммерческими спекуляциями, как известно, всегда делал проэкты к новым отраслям Российского торга, но не имея ни прилежания, ни попечения о произведении их в исполнение, никогда не оставался на том, чтоб усмотря неудачу, ограничить себя какою-нибудь осторожностью, а всегда поступал необузданными замыслами в умножение капитала опускаемого в свой торг, и чрез то попадая из одного в другое нещастие, искал себе возстановления случайного, чтоб где только можно чужой капитал на кредит себе в руки доставить. Хотя же он имел и свой собствен-

ный, но будучи всегда должен кредиторам, никогда свободных рук не достигал независимый ни от кого производить собственный свой торг, а между тем жил всегда роскошно и убыточно, не помышляя никогда о конце безполезных своих коммерческих действий и о своем неумеренном прожитке. Такого сей купец будучи характера и находяся всегда в падении своих купеческих дел, сыскал себе в 1748 году убежище в персоне покойного фельдмаршала графа Петра Ивановича Шувалова, упражняющегося на те времена в проэктах как для пользы государственной, так и для своего собственного обогащения.

Сей купец обласкал его знатными прибыльми из торгу лесного-онежского и тем возбудил в гр. Шувалове желание и ревность следовать спекуляциям Гомовым; что самое с 1752 года и в дело было произведено... Ибо гр. Шувалов получа себе привилегию на неограниченное время на леса онежския и пропуск их за море, дал Гому сию коммерцию в руки из прибыли известной, с тем, чтоб Гом своим капиталом действовал. На таких условиях Гом именем гр. Шувалова чрез некоторое время и производил онежский торг употребляя на то и свой и кредиторов своих капитал, а граф Шувалов довольствовался тем, что ему от Гома обещаны были великия годовыя прибыли, и что Гом ст него не требовал на то никаких денег".

Гом сам не видел собственными глазами" „лесов тех капитальных", никогда не был ни в Архангельске, ни на Онеге, а, живя в Петербурге, все дело вел при помощи нанятых „великою суммою" людей. Прибылей „великих" не было, и вот гр. Шувалов „припудили" Гома весь сей торг взять на себя на 30 лет" на известных „кондициях". „На сие предложение" Гом должен был уже против желания согласиться „для возвращения потеренного вовсе своего капитала".

Шувалов „исходатайствовал" для Гомовых промысловых операций из медного банка 300,000 р. и из сих сейчас же взял себе в уплату откупной суммы 120,000; 200,000 рубл. Гом оставался должным Шувалову. Дела Гома пошли плохо: он и свой и своих кредиторов капитал потерял, лаская себя тем

„всегда“, что с ожиданием чрез несколько лет столь знатный употребленный его капитал даст ему богатый и никогда неистощаемый оборот к удовольствованию кредиторов и его набогащению. В сих то худых обстоятельствах и в мнимой его надежде, комиссия в 1763 году о возвращении розданных из медного банка денег Гома застала, которая контракт его с гр. Шуваловым уничтожила, и постановила Гому не токмо новыя кондиции по его тогдашним обстоятельствам невозможныя для платежа в казну, но и срок оного сократила. Однако Гом ни от чего поневоле не отказывался, а ободрял себя новыми проектами не только к избавлению своему, но и к мнимому своему набогащению. В таком дел его *стеснении коммиссии неизвестно, каким образом Гому пришло в руки от стороны короны выписывание золота и серебра а напоследок и придворное банкирство.* Гом получа посредством оных 800,000 рубл., *с лишком* (последн. *слово* припис. рукой Теплова) казенных денег зачал выписывать для монетного двора и золото и серебро, а при том и ремитировать казенныя деньги так как банкир в чужия государства. Но как за великую партию выписанного золота и серебра корона платила ему особенными и наличными деньгами, и он почитал уже себя в таком состоянии, что он казенныя может делать ремизы по банкирству одним кредитом, то имея во власти своей 800,000 р. готовых денег, сделал он себе новый и необзданный проект, который не только бедствие его довершил, его и корону привел в убыток и партикулярных кредиторов разорил, а именно он не об'явя никому и в тайне сам собою все сии 800,000 р. обратил так, как свою собственную сумму на размножение упадшего своего онежского лесного торгу, понимая в мысли своей, что он лесной торг на высочайшую степень возвысит, а ремизы свои по банкирству будет делать навсегда посредством кредита происходящего от того же торгу онежского.

Никто сего его действия *долговременно* не знал от стороны короны, а он сим знатным капиталом все то зачал на Онеге строить, что требовало только превеликих издержек и поворот ему, по мнению его, обещало по прошествии неко-

торых лиц. Между тем и в таких дерзских и отважных предприятиях ни мало не прибавил ни своего собственного прилежания, где бы он мог своими глазами сам все досмотреть, но уверялся на нанятых его служителях и пр.. Жил он неотлучно в Петербурге и довольствовался хотя не раззорительным для столь великой коммерции прожитком, но всегда для человека попечительного в трудах коммерческих неумеренным и отвращающим к делам и должности его купеческое недремлющее прилежание".

„В сих то обстоятельствах" „банкирство с чего" государыней „снято и другому в руки отдано, а 800,000 р. данные ему на выписывание золота и серебра, которые служить были должны ему кредитом в чужих краях по банкирству его, не находилися уже в наличности"... „Плоды" же потому торгу онежскому не только еще тогда не созрели, но и „самые малые прибыли он обращал в умножение того же торгу для строения вновь богатою рукою затеваемого, пристаней, мельниц, спусков карабельных, новых собственных кораблей, домов для служителей, амбаров для лесного товару, фабрик канатных, а здесь в Петербурге фабрик сахарной, полотняной, ситцовой, пильной мельницы, к чему и надобно было содержание многих служителей; свой же собственный прожиток наче приумножил".

Но короне было бы „убыточно" прекратить сразу все эти операции Гома, и комиссия проектировала их продолжение на изв. условиях „под опекой особ. прав. опекуна и под наблюд. надзирателя". Имеется в бумагах Теплова проект инструкции надзирателю; цель этого проекта — наблюдать „чтобы Гом нимало не расточал", словом, должны быть обезпечены интересы казны и кредиторов.

„Вам яко надзирателю и совета подателю надлежит по вашей должности стараться, чтоб каждый кредитор по содержанию раздела без замедления удовольствован был". —

Указ Теплову.

„При сем вам препоручается копия с поднесенного нам доклада от коммиссии о коммерции о Гомове лесном онеж-

ском торге для сведенья вашего, и все то, что нами в оном конфирмовано. Вы для сего торгу учреждаетеся от нас опекуном и долг имеете всякого года требовать от учрежденного при оном надзирателя балансовой ведомости, которую при окончании каждого года нам самим предъявлять так, как и вносить, куда от нас повелено будет, прибыльные из сего нового торгу деньги; а какую инструкцию выдать должны надзирателю сего торга оную при сем вам прилагаем". Дальше вставлено на полях рукою Теплова: [И сверх того всего повелевнем престерегать того в сей лесной онежской коммерции, чтоб истребления лесов напрасного не было и всякое хозяйство в рубке лесов определенных к сему торгу наблюдаемо было].

В прочем всякое сумнительство, о котором вам по сему торгу или по несогласию мнений его коммерческих Гомом вам предъявлено будет, сами решить можете. В случае же и вашего собственного сумнения нас докладываться должны и ожидать на то нашей резолюции". Дальше приписано рукой Теплова: [и быть вам к сему делу во единственном нашем ведении, о чем и сенату нашему дано уже знать].

Из „примеч. кн. Воронцова на 3-ю часть доклада о Гомовом деле".

„Как купец Гом не токмо сам учредитель, но и хозяин сего торга и все состояние оного никому столь неизвестно, как ему, да сверх того нет другого способу к возвращению казенных и партикулярных долгов, как от продолжения онаго торга и промысла: то и нельзя кажется производства помянутого торга другому кому препоручить, как означенному ж Гому, тем более, что не нашлось бы охотников на толь тягостных кондициях, как выплачивание казенных и партикулярных долгов оный промысел на себя взять, что однакож без нарушения обыкновенных купеческих обрядов и сделать бы было не можно". Воронцов признает „падение Гомово неинако, как совершенным банкротством" [1]).

1) А. Д. Т. Сб. Д. К°. Ком., № 894 арх., 50; свя; № Кат. 206.

К стр. 209.

а) Из „репорта“ „о действительном исполнении по присланным указам“:

„Тверичи посадские люди, как в Твери“, так и в других городах, „подряжают иногородных людей в поставку себе во Тверь хлебного товару, а больше муки аржаной с *таким договором*, что на тот товар, когда он продавец тот свой подрядный хлеб и протчее поставить ему купцу в Тверь, то *привесть бы* на его Тверитиново имя выпись яко бы на покупку того товару (где оный иногородный продавец или подрядчик будет покупать), в таможне деньги явил и товар покупал он тверской купец сам, а не тот его продавец и подрядчик; или тот продавец и подрядчик напишется ему купцу в ту выпись, для прикрытия своего, прикащиком или работником его, дабы можно было ему тверскому купцу принять тот товар в Твери, ехать с тою выписью и в С.-Петербург, в такой выгоде, ежели тому инородному купцу привесть на товар выпись на свое имя, то уже надобно ему продавцу при отдаче того своего хлеба во Твери записать в таможне и заплатить с того таможенную пошлину“; в рассказанном же приеме (при написании „на купцево имя выписи“ там, где он, „якобы“, купил), купец избегал этой пошлины. Делали и так: писали „в выписи“, что товар везется до С-Петербурга, когда его везли до Твери, и тем избегали „десятой доли“, „понеже той десятой доли с едущих в С-Петербург имать не велено“ (1743 г.).

б) Тоже: из „репорта“ (1743 г.):

...„Чинится между купцами за немалый секрет, которого никак доказать нельзя. Тверские купцы, везучи хлебные свои товары в С.-Петербург водным путем в барках, как на свои, так и на сторонния имена, и, усмотря в пути тому своему товару по городам и по прочим местам способную к продаже цену, продают тайно и явно без пошлин“.

(М. А. М. Ю., С. Д. по Камер—Колл., т. 880).

Ясно, что внутренние таможни были выгодно уничтожить и ради того, чтобы устранить расход на борьбу с „избыванием“ внутренних пошлин...

ТЕЗИСЫ

к диссертации „Русские торгово-промышленные компании в 1-ой половине XVIII стол.“.

1. Правительство старой России, владея самыми крупными торговыми оборотами, однако делилось своим верховным правом на торговлю с представителями иностранного и русского капиталов — обстоятельство, имевшее серьезные общественные последствия.

2. Известная английская компания легла тяжелым бременем на русскую крупную торговлю — казенную и частную.

3. Служебное значение русских „гостей“ в сфере царского торгового оборота дало им возможность добиться уничтожения английских привилегий и занять на русском рынке самое высшее, после „государевой торговой казны“, положение.

4. Монополии правительства, гостей и их подручных угнетательно повлияли на экономическое состояние большинства русских торгово-промышленных людей (XVII в.).

5. Понижение платежной способности среднего и мелкого купечества на Руси вызвало административную реформу, выразившуюся в знаменитом собирании „рассыпанной храмины“, а плохое состояние промышленности и торговли привело Петра В. к мысли учредить компании.

6. Покровительство крупному торговому обороту обусловливалось, как фискальными целями, которые Петр В. и ближайшие к нему правительства XVIII ст. ставили внешней торговле, так и тем, что русские купцы были непривычны к активной роли в заграничных оборотах, боялись этой

роли, опасались „государственных нужд“ и не имели для заграничной торговли достаточно солидных капиталов.

7. Специально торговые русские компании в течение всего рассматриваемого периода близко стояли к торговым операциям казны и находились под ближайшим правительственным контролем.

8. Покровительственная политика правительства по отношению к казенной и частной крупной торговле ярко отразилась во мнениях комиссии о коммерции (1-ой), в советах и планах торговых прожектеров изучаемого времени.

9. Комиссия о коммерции трактовала о состоянии русской торговли и о мерах к ея развитию исключительно с точки зрения пользы для состоятельного купечества и казны.

10. Учреждение правительством фабрично-заводского производства вытекало главным образом из непосредственных государственных потребностей, что не исключало в государственных актах общей постановки вопроса о развитии промышленности в стране.

11. Вследствие недостатка в русских людях предприимчивости,—фабрики, заведенные казной и затем предлагаемые ею частным компаниям для лучшего развития дела, находили мало желающих взять их, хотя правительство, вообще говоря, не скупилось на льготы таким компаниям.

12. Отсутствие инициативы, боязнь риска и промышленного труда были сложною причиною, почему русское купечество и на развитие природных богатств своего отечества не обращало надлежащего внимания, предоставляя разработку их также иностранцам и казне.

13. Однако промыслы очевидной и знакомой с давних пор, а также испытанной в новое время доходности, каковы —рыбные и звериные, затем—горные, вызвали в „партикулярных людях“ желание „размножать“ их, посредством содержания их компаниями,—рыбные и звериные с начала, а рудокопное дело со 2-ой четверти XVIII ст., после того как оно было поставлено на известную высоту самим правительством.

14. Петр В. и следующие за ним правительства уста-

новили в законодательстве принцип наибольшей выгоды для производства и казны от частно-компанейского содержания казенных промыслов, но тем не менее на практике то и дело отбирали их у частных компаний обратно в казну, с тем, чтобы потом снова отдать их в частные руки.

15. Колебание между казенным и частным содержанием обусловливалось отчасти переоброчкой промыслов, а главным образом, частой сменой правительств в 1-ой половине XVIII ст. и, следов., сменой и борьбой различных частных интересов.

16. Влиятельные в правительстве лица являлись в данный момент и господами наиболее выгодных казенных промыслов, опираясь на частно-компанейский принцип торгово-промышленного законодательства, развивавшегося при ближайшем участии этих лиц.

17. Эксплуатация казенных промыслов „партикулярными людьми", состоящими на службе, достигла особенно широких размеров в лице генерал-берг-директора б. Шемберга, действовавшего в тайной компании с герцогом Бироном и поддержанного при отдаче казенных горных заводов в частные руки гр. Остерманом, а также в лице гр. П. И. Шувалова.

18. Вследствие злоупотребления правительственным доверием со стороны сановных лиц, компании, ими основанные, вместо наибольшей выгоды, которой от них ожидало законодательство, давали наибольший казенный убыток.

19. Компании простых купцов большею частью были оттерты вельможами от содержания наиболее выгодных пунктов в области рыбной, звериной и горной промышленности.

20. Наибольшее устранение русских промышленников и купцов из сферы крупного промыслового и торгового оборота совпадает с господством в России берг-компании Бирона и Шемберга, соединившей в своих властных руках рыбносальные и горные казенные промыслы и ведшей „большие дела" с иностранными фирмами.

21. Гр. П. И. Шувалов, воспользовавшись (кроме сво-

его положения в рядах высшей администрации) частно-компанейским принципом берг-регламента, соединил в своем владении, по примеру берг-компании, горные и важнейшие рыбные промыслы, прибавив к ним такие, какими не владела берг-компания, а также, вопреки означенному примеру, поставил свои интересы в известную связь с интересами крупного русского купечества.

22. Изучение промысловых компаний, эксплуатировавших в 1-ой пол. XVIII ст. наиболее обратившие на себя внимание промысловые статьи (рыбно-сальные и горные промыслы), приводит наблюдателя к тому общему выводу, что эти компании давали казне неизмеримо менее, чем казна им.

23. Самых же промыслов большая часть компаний того времени—кн. Меншикова, б. Шафирова, Шемберга, Евреиновых—не „размножили".

24. Гр. П. И. Шувалов действительно старался дальше развить начатое сально-рыбное и горное дело, но сильно при этом запускал свои казенные долги.

25. Стремление правительства возможно скорее искусственными средствами поднять промышленность в России вело за собой награждение частных предпринимателей, бравших существующие казенные и заводивших новые отрасли промышленности,—всевозможными привилегиями, как чисто торговыми, так и социально-экономическими.

26. Наибольшими привилегиями пользовались влиятельные оффициальные лица, а из простых купцов значительные привилегии до монополии включительно получали те компанейщики и откупщики, от которых правительство ждало серьезных финансовых услуг.

27. Берг-компания по принадлежавшим ей льготам походила на „казенное содержание", тем более, что во главе этой юридически, а в смысле „прибылей" и фактически—частной компании стоял начальник берг-директориума, управлявшего всеми казенными горными промыслами.

28. Промысловые и торговые операции гр. П. И. Шу-

валова потребовали, кроме казенных субсидий, особливо щедрых торговых и социальных привилегий.

29. Последствием покровительственной политики по отношению к торгово-промышленным компаниям вообще и промысловой деятельности гр. П. И. Шувалова в частности были разные общественные осложнения и правительственные затруднения.

30. Представители чина по преимуществу и представители капитала по преимуществу, иногда „повреждая друг другу в торгах и промыслах“,—в общем составили довольно сплоченную социально-экономическую группу, дружно эксплуатировавшую то доверие, которое оказывало ей государство.

31. Солидарность между крупными компанейщиками и табельными вельможами, втянувшимися в сферу промышленности и торговли, особенно серьезно проявилась при господстве в экономической жизни России гр. П. И. Шувалова.

32. Имеются фактические основания предполагать и даже доказывать, что уничтожение внутренних таможен было проведено гр. П. И. Шуваловым, как в своих собственных интересах, так и в интересах своего единения с представителями русского крупного торгово-промышленного оборота.

33. Разного рода компании, особенно по винному откупу, с которыми гр. П. И. Шувалов имел свои дела, занимали видное положение не только во внутренней торговле России, но и в управлении торгово-промышленным людом.

34. Влиятельное положение в „городе“ компанейщиков и их тесная связь с купеческим начальством, выбираемым нередко из самих же компанейщиков и всегда державшим их сторону,—вели за собой всякие „похищения казенного интереса“ компаниями и близко связанными с ними общей выгодой лицами, а также прикрывание этих злоупотреблений губернскою администрациею и посылаемыми из Петербурга следственными комиссиями.

35. Привилегированная позиция „компанейщиков“ роковым образом повлияла на положение среднего и низшего купечества, интересы которого отодвинулись от интересов русских капиталистов еще дальше, чем они отстояли друг

от друга в ту пору, когда началась реформа для административного об'единения русских торгово-промышленных людей.

36. Последствием тяжелого положения большинства русского купечества было то, что его нисшие члены стали в большей степени, чем раньше (в конце XVII и нач. XVIII ст.), прибегать к разным незаконным способам „избывать" торговые и финансовые повинности, а также и совсем уходить из своей среды (вторая четв. XVIII ст.).

37. Покровительство со стороны власти крупному обороту в лице торгово-промышленных компаний, проводимое в теч. 1-й пол. XVIII ст. в жизнь законодательным путем „ради государственной и народной пользы", далеко не удовлетворив надеждам казны, не оправдав упований государственных людей (напр. Петра В.) на развитие промышленности, на освобождение русской внешней торговли от иностранной зависимости, привело в конце концов к тем результатам, с которыми начала бороться императрица Екатерина II-я, нашедшая „всю Россию по частям розданною компаниям".

Н. Оирсов.

ДОМАШНЯЯ
БИБЛИОТЕ
УЛИТИНА
Алексея Викторо

ОГЛАВЛЕНИЕ

Очерк первый.

Торговые компании.

I-я Глава: (введение) Общия условия крупного торгового оборота в Московском Государстве и общия замечания об административной реформе торгово-промышленного класса. *Стр.*

Государственный капитализм в Московский период. Иностранные и русские капиталисты. Фискальный характер реформы управления торгово-промышленным классом и тесная связь правительства с его факторами в казенной торговле—с крупными капиталистами („гостями") . . . . . 1—21.

II-я Глава: Торговая компания, как средство поднять доходность казны от крупног торгового оборота.

Развитие торгового капитализма в эпоху Петра I. Отношение между государственным и частным капитализмом в первой половине XVIII века . . . . . 22—38.

III-я Глава: Мнения (XVIII ст.) по вопросу о поднятии крупного торгового оборота и указания на то, что препятствовало его развитию.

Исключительность забот о крупном капитале в совещательном органе правительства—«комиссии о коммерции». Отсутствие серьезного результата этих забот до 60 годов XVIII столетия . . . . . 39—51.

Очерк второй.

Промышленные компании.

IV-я Глава: Заводско-фабричная компания, как

средство удовлетворить потребностям правительства и развить обрабатывающую промышленность в стране.

Попытки к насаждению промышленного капитализма. Казенные и частные фабрики . . . 52—65.

V-я Глава: Колебание между казенным и частно-компанейским „содержанием“ в сфере русской промышленности.

Московский царь—верховный владетель земли и промыслов. Переоброчка беломорских рыбных и звериных промыслов при Петре I и сдача их «в народ» „ради государственной пользы“. Последовательное захватыванье наиболее выгодных статей государственной промышленности правящими лицами при вытеснении из этой сферы простых купцов. Ухищрения барона Шемберга и К° и гр. П. И. Шувалова около вопроса о казенных горных заводах. Фальшивость в устах государственных хищников, присосавшихся к государственному капитализму,—лозунга «ради государственной и народной пользы». Казенное и частное „содержание“ казенных промыслов и отношение того и другого к «содержанию» «партикулярных лиц, состоящих на государственной службе», т. е. к вельможим, близким к трону. Властность и эксплоатация наиболее выгодных казенных промысловых статей шли рука об руку . . . . . 66—113.

VI-я Глава: Общая характеристика промысловых компаний — „содержаний“.

Промысловые компании высокопоставленных лиц: Кн. Меншиков и К°, Бар. Шемберг и К°. Промысловое содержание гр. П. И. Шувалова и исключительные привилегии этого „содержания“. Видные „компанейщики“ правящего класса, как особая социальная группа. Промысловые компании простых купцов. „Компанейщики“—откупщики разных „сборов“. Компания бр. Евреиновых. Астраханские компанейщики. Компании на Дальнем Востоке Сибири. Сравнение обоих типов компаний—содержаний: высокопоставленных лиц и простых купцов. . . . . 114—150.

VII-я Глава: Столкновения и связи в среде „компанейщиков“ и откупщиков.

Борьба из-за промыслов между дворянами. Борьба б. Шафирова с бр. Евреиновыми из-за Беломорских промыслов. Астраханская компания Сидора Попова и Яицкое войско. Винные компанейщики. Значение гр. П. И. Шувалова

в купеческом мире. Гр. Шувалов—винный подрядчик и откупщик. Связь его с другими винными компанейщиками. Солидарность между гр. Шуваловым и тесной группой крупных промышленников и торговцев. Общие выводы. 151—168.

Очерк третий.

Общественные осложнения и правительственные затруднения, вызванные «компанейщиками».

VIII-я Глава: Компанейщики и рабочие.

Состав рабочих. Волнения и возстания приписанных к заводам государственных крестьян. Волнения фабричных рабочих. Бедность и обнищание крестьян, приписанных к заводам. Бедственное положение рабочих на заводах и фабриках. Отношение к этому положению правительства и заводовладельцев. Классовая сплоченность знатных и простых капиталистов против справедливых жалоб рабочего люда. Общие выводы . . . . . 169—190

IX-я Глава: „Мочное“ и „маломочное“ купечество.

Стремлению Петра В. об'единить торгово-промышленных людей противоречили материальные интересы отдельных групп, на которые распадалось это «сословие». Компанейщики—преемники «гостей». «Похищение казенного интереса» «компанейщиками». Связь «компанейщиков» с выборным городским начальством,—с бурмистрами. Прикрывание губернской администрацией плутней крупной буржуазии. Солидарность интересов представителей чина по преимуществу и представителей капитала по преимуществу сделала положение торгово-промышленной массы еще более тяжелым. Разорение среднего и мелкого торговца от компанейских монополий. Общее заключение. . . . 191—213.

Приложения . . . . . 214—230.

Тезисы . . . . . 231—236.

С 1. 1. 1961 года
Цена ___ р. ___

Ленин... ...ог
Маг...
Р. ___
...
10963/59

(10)
мк/70-1069
2-50
050747/42

Того же автора:

Исторические характеристики и эскизы. 2 тома. 1922 г. Казань.

Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле в царствование Екатерины II. Казань, 1902 г.

Примечания к истории Пугач. бунта Пушкина с новым портретом Пугачева, в Сочинениях Пушкина, изданных Академией Наук. Петербург, 1914 г.

Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. Петербург, 1908 г., 2-е издание. Москва 1921 г.

Разиновщина, как социолого-психологическое явление народной жизни. 4-е издание. Москва, 1921 г.

Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. 2-е издание. Казань, 1921 г.

Чтения по истории Сибири, выпуск первый. 2-е изд. Выпуск 2-ой. Москва 1921 г.

Крестьянская революция 1917 года и временное правительство. Отвод по архивным документам. Казань 1922 г. (Журнал: „Пути революции" и отдельно).

Народная революция в нач. XVII в. (Журнал: „Новое дело", издаваемый Рабфаком при Казанском Университете).

Приготовлены к печати: 1) История народных и революционных движений в России и 2) Характеристики Александра I, Александра II, и Александра III (последн. две отчасти по неизданным дневникам).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т. С. С. Р.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034864424